

Притуляк А.А.

**Я ухожу. Прощай навеки.
Твоя душа.**

NORD VIND
2011

Публикуется с согласия автора (Притуляк Алексей Анатольевич).

Текст, опубликованный в настоящем издании, является интеллектуальной собственностью автора и защищается ч. 4 Гражданского Кодекса РФ, ст.ст. 138, 1259 ГК РФ, ст. 146 УК РФ и гарантируется нормами ст. 44 Конституции РФ.

Исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение) принадлежит автору.

Копирование и использование текста настоящего издания возможно только с письменного согласия автора. Любое несанкционированное использование текста в коммерческих целях и без согласия правообладателя запрещено и в случае нарушения преследуется по закону.

UBBN 160005CE0P001E9-0B80A

Притуляк А.А.

Я ухожу. Прощай навеки. Твоя душа.

© 2009-2011 Притуляк А.А.

wildleshij@rambler.ru

NORD VIND

<http://nordvind.ucoz.net>

nordvind.mail@gmail.com

2011

Оглавление

БДУ.....	5
Еще одно утро рядом с тобой.....	18
Радиус перекрестка.....	22
Таракан в квадрате.....	27
Я ухожу. Прощай навеки. Твоя душа.....	30
Двое и река.....	43
И пришел покой.....	55
Колодец.....	57
Грехопадение.....	61
Матрешка.....	66
Однажды П** не проснулся.....	70
Такси обратно.....	74
Хитрый стул.....	86
Цветы для Сони.....	91
Птичка Сирина.....	107
Холст.....	110
Февраль ре-мажор.....	111
Просветленный.....	112
Паяц.....	113
Окно.....	114
Нищенская рапсодия.....	115
Муза.....	116
Комната.....	117
Гавриил.....	118

БДУ

– Надоело! – сказал Виктор Анатольевич, глядя на свое отражение в зеркале.
– Все надоело.

– К черту! – добавил он устало, после того как минуту рассматривал свои небритые щеки и выдавил прыщик под носом. – Сейчас позвоню и скажу им все.

Это был не первый случай, когда Виктор Анатольевич хотел позвонить и сказать «им» «все». Наверное, в сорок два года у многих мужчин возникает подобное желание позвонить и сказать. Особенно по утрам. Особенно, когда утро серое, хмурое и не обещает ничего хорошего.

Действительно, трудно смириться с тем, что тебе сорок два, на завтрак опять все та же неизменная яичница, утро хмурое и уже совсем по-осеннему неуютное, а в театре тебе в сотый раз придется повторять все те же набившие оскомину слова из роли второго плана.

Он уже совсем было потянулся к телефону, но в последний момент передумал. Все таки следовало сначала умыться. И позавтракать! Да, спокойно, ни куда не торопясь, позавтракать. Может быть, даже, сходить в магазин и взять что-нибудь посолиднее для завтрака. Торопиться ведь некуда. Все равно он сейчас позвонит им и все скажет.

Все же, пока он умывался и чистил зубы, до боли знакомое чувство тревожило его. Это было чувство некой несвободы, чувство того, что он не хозяин своего времени. Кто-то невидимый и неведомый лучше его самого знал, сколько времени он имеет право потратить на туалет, на завтрак, на дорогу до остановки...

– Почему!?! – воскликнул Виктор Анатольевич, забрызгав зубной пастой зеркало, перед которым чистил зубы.

– Почему все так? – обратился он к своему отражению уже внешне спокойно, но чувствуя, что готов взорваться изнутри приступом ярости. – Какого черта! Тебе сорок лет! И что? Кто ты?

Он замолчал на минуту, позволяя отражению найти нужные слова. Но отражение молчало. Оно было несвежим и жалким – с красным следом от прыщика под носом, с противно-мятной зубной пастой на губах, с нечесаными волосами и серой как это утро щетиной на щеках.

– Дерьмо! – с сердцем произнес Виктор Анатольевич, наклоняясь над раковиной.

Непонятым осталось, к кому относилось это ругательство: к отражению ли, к осеннему ли утру, или к жизни вообще.

Он быстро покончил с умыванием, после недолгого раздумья «Бриться или нафиг?» решил все же не бриться, наскоро пригладил волосы расческой и вернулся в комнату. Сначала ноги привычно понесли его в кухню, но он сердито

их одернул. Хватит! Теперь он сам решает, когда, что и в какой последовательности делать.

Какое-то тревожное чувство не покидало его. А сейчас, когда он с уверенным видом прошествовал мимо кухни, словно подводя некую незримую черту, это чувство стало еще более острым. А так ли надо? А все ли он правильно делает? А что то будет? Ведь это все, это конец. Конец привычной старой жизни и начало некой новой... Не рано ли? Готов ли он? Не поздно ли?

Усилием воли Виктор Анатольевич заставил этот тревожный внутренний голос замолчать. К черту! Надоело. Будь что будет...

Он демонстративно прошагал мимо платяного шкафа к тумбочке, на которой примостился телефон, порывисто сел на пуфик и снял трубку.

Протяжный гудок был каким-то тревожным, осиротевшим, он дико не гармонировал с привычным распорядком.

Не давая себе времени опомниться, Виктор Анатольевич быстро набрал номер.

В трубке что-то сухо щелкнуло и наступила абсолютная тишина. По всем законам сейчас должны были последовать длинные гудки вызова, но их не было. Можно было, наверное, сосчитать до десяти, пока длилась эта тишина. Он уже совсем собрался нажать на рычаг и набрать номер заново, но тут вдруг прямо посреди тишины прозвучал мелодичный женский голос:

– Бэ-дэ-у.

Это было так неожиданно и странно, что Виктор Анатольевич не нашелся, что делать и что сказать.

– Бэ-дэ-у... – повторил он растерянно.

– Да, – подтвердил женский голос доброжелательно. – Бэ-дэ-у. Слушаем вас.

– Э-э-э, – протянул он, позабыв или не зная, что сказать. – А что это значит?

Зачем он это спросил? Он ведь просто должен был сказать: «Извините, я, кажется, ошибся номером». Нажать рычаг и набрать номер заново. Почему он этого не сделал? Чего он ждал? Может быть, он все таки еще не был готов к тому, чтобы «сказать им все»? Он давал себе время последний раз подумать?

– Бюро добрых услуг, – меж тем расшифровала дама с приятным голосом.

Неужели?!

Виктор Анатольевич был совсем ошарашен. Неужели в наше время еще существуют бюро добрых услуг?! Хотя... Хотя каких только фирм и фирмочек с самыми странными названиями сейчас нет! Быть может, они предоставляют услуги горничных там, няnek и прочего чего-нибудь наподобие...

– Ау, – позвал его голос. – Вы здесь?

– Да-да, – спохватился Виктор Анатольевич. – Просто я... я несколько... э-э-э...

– Может быть, вы ошиблись номером? – предположил голосок.

– Нет! – поспешно воскликнул Виктор Анатольевич. – Нет-нет, я именно... да...

Наверное, все таки, он тянул время. А может быть, ему просто было приятно слушать этот тихий, спокойный, мелодичный женский голос.

– Замечательно, – терпеливо кивнула барышня на том конце. – Ну так чем мы вам можем помочь?

– Помочь мне? – повторил Виктор Анатольевич. – Э-э-э... Боюсь, что...

– А вы не бойтесь, – пошутила она. – Любое ваше желание будет исполнено качественно и в кратчайшие сроки.

– Вы – фея? – пошутил он.

– В некотором роде да, – на том конце провода его шутку, кажется, совершенно не поняли. – У каждого человека свои представления о том, кто занимается исполнением желаний.

– Думаю, что вашей фирме не по силам исполнить мое сокровенное желание, – сказал Виктор Анатольевич, иронично улыбнувшись телефонной трубке.

– Нашей фирме, – подчеркнула дама это слово, – по силам любые желания. – И уж по крайней мере, сокровенные желания – наша основная специализация.

– Подождите! – Его осенило. – Вы занимаетесь... э-э-э... вы предоставляете... как бы это сказать...

Дама в трубке терпеливо ждала, пока он наконец сформулирует свою мысль. Хотя молчание было таким, что не оставалось никаких сомнений: она уже поняла, что он хочет сказать.

– Ваша фирма занимается оказанием интимных услуг, да? – наконец проговорил он.

– Сокровенные желания всегда достаточно интимны, – сказала она. – Но если говорить о том, что конкретно вы имеете в виду в данном случае, отвечу: мы не делаем каких-либо различий между желаниями клиентов. Для нас не существует исполнимых и неисполнимых, удобных и неудобных, хороших и плохих желаний. Есть просто желание отдельного человека. Всю ответственность за качество желания несет клиент. Мы отвечаем только за качественное его исполнение.

– Забавно, – произнес Виктор Анатольевич. – Вы так серьезно об этом говорите, будто и в самом деле... будто и в самом деле способны... Впрочем, понимаю: имидж фирмы... Другими словами, я могу позволить себе любое, самое извращенное желание, да?

– Да, – ответила она просто и естественно. – Это ваше желание и всю ответственность за него несете вы. И оцениваете его как «извращенное» или «благое» тоже вы.

– Удобно, – сказал он. – Удобную позицию вы заняли.

Она не ответила на его саркастическое замечание.

– Ну а кроме интимных услуг? – поинтересовался он неведомо зачем. – Чем еще занимается ваша фирма?

– Я же вам сказала, – в ее голосе не было даже признаков нетерпения, скорее в нем прозвучало то ли легкое удивление, то ли сожаление. – Мы занимаемся исполнением желаний... Вы уверены, что правильно набрали номер?

Он не знал, что ответить на этот каверзный вопрос. С одной стороны, говорить уже было не о чем. Он явно попал в одно из множества тех заведений, которые занимаются тем, что благообразно называется «организация досуга». Да, концепция этого конкретного заведения показалась ему довольно забавной. Но говорить, в общем-то, было больше не о чем. По крайней мере сейчас ему было не до изощренных способов организации своего досуга.

– А если я пожелаю вас? – зачем-то ляпнул он.

– Нас? – не поняла она.

– Нет-нет – вас, именно вас, конкретно вас, женщину, которая со мной разговаривает сейчас, – пояснил он. – Это тоже будет исполнимое желание?

Наступила тишина. Видимо, к такому вопросу дама с очаровательным голосом не была готова. Здорово он ее подловил! Ну-с, что теперь по поводу исполнимости?

– Да, – наконец ответила она. – Вы имеете право на любое желание.

Вот как... Ну что ж...

– И сколько это будет стоить? – спросил он. Кажется, его целью стало сбить ее с толку, вывести из себя, заставить растеряться и занервничать.

– Услуги нашего бюро бесплатны, – ответила она заученной фразой.

– То есть... – растерялся он сам. – То есть как?..

– Все таки, насколько я понимаю, вы ошиблись номером, – констатировала она.

– Да, но... То есть, нет! – спохватился он. – Нет, я не ошибся... Скажите, а...

Стоп! Это какая-то ловушка... Может быть, таким образом они ищут идиотов, которых... которых можно развести на деньги или... или выведать адрес и потом...

Хотя нет, скорее всего это обычные мошенники. Сейчас она побольше о нем выведает, увлечет пустым разговором, а потом впарит ему какую-нибудь совершенно ненужную вещь. Или навялит ему лекарство от всех болезней, которое в лучшем случае окажется слабительным.

Никто, никто в этом мире не станет делать добро за просто так. Ну за исключением редких идиотов. А уж бесплатно исполнять чужие желания...

– Э-эй? – позвала собеседница.

– Да-да, – отозвался он.

– Ну так? Вы что-нибудь решили?

– Нет... То есть, да. Скажите, а как вас можно найти?

Он довольно улыбнулся своему хитроумию. Ну что, господа, готовы вы назвать ваш адрес? А то ведь мы еще и другими атрибутами вашей фирмы поинтересоваться можем.

– Боюсь, найти нас будет для вас не реально, – ответила она с улыбкой в голосе.

– Даже если это будет моим желанием? – не сдавался он.

Снова наступило молчание. Она обдумывала ответ. Видимо, не каждый день им попадаются такие смысленные клиенты. Они привыкли к тупицам, которых слово «халява» вводит в состояние транса, напрочь отключая им мозги.

– Мы исполним любое ваше желание, – ответила она. – И если вы четко сформулируете, что именно вы имеете ввиду, говоря «я хочу вас найти», то...

– То?.. – поторопил он.

– То мы предоставим вам такую возможность, – закончила она. – Только помните, что желание обратной силы не имеет. И желание может быть только одно.

Так-так... Пошли оговорки, условия, предупреждения... Уже лучше. Еще немножко «дожать» и – мадам на том конце провода не выдержит: поняв, что напоролась не на того, она бросит трубку.

Он еще сам точно не знал, что он сейчас скажет. Мысль еще не оформилась в слова. В том, что он сказал в следующую секунду, повинен был только его язык.

– А если я захочу миллион долларов?

– Регистрировать? – спросил голосок. Впервые в нем, кажется, послышалось легкое нетерпение. Или усталость. Будто подобные вопросы она слышит уже в тысячу первый раз в своей жизни и давно утомлена однообразием людских желаний.

– Что? – не понял он.

– Это ваше желание? Мне зарегистрировать его к исполнению? – пояснила она.

– В смысле?.. То есть вы хотите сказать... Вы хотите сказать, что у меня будет миллион долларов?

– Послушайте, – начала было она, но он не дал ей договорить.

– Подождите, а если я попрошу два миллиона? Вы мне их дадите? Вы пришлете нарочным? Или положите на мой счет?

– Я не знаю, – ответила она. – Я всего лишь оператор. Мое дело принять от вас желание, зарегистрировать его и поставить в очередь на исполнение.

– Как все буднично! – он чуть не рассмеялся.

– Ну это всего лишь моя работа, – улыбнулась она.

– А миллиард? – пытал он. – Могу я пожелать миллиард?

– Послушайте, – кажется, она все же потеряла терпение. – Может быть, вам лучше перезвонить позже? Когда вы наконец определитесь с вашим сокровенным желанием.

– Нет-нет! – почти крикнул он. – Не оставляйте меня наедине с моими желаниями! Их слишком много. А я – один... Совсем один.

Она ничего не ответила. Она ждала.

Наверное, целая минута прошла в молчании.

– Что-то не так? – спросила она доверительно.

– В смысле? – не понял он.

– Ну не знаю, – заколебалась она. – Обычно люди твердо знают, чего хотят. Или, во всяком случае, они думают, что хотят именно того, о чем просят.

– Наверное, я не такой как все, – кивнул он. – А вы не посоветуете мне, чего пожелать?

– Боюсь, что нет, – ответила она поспешно и почти испуганно. – Я не могу взять на себя такую ответственность.

– Слушайте, а давайте просто поболтаем? – предложил он. – Я понимаю, у вас там сценарий для разговора с клиентами-лохами, правила и все такое... Но мы уже оба понимаем, что я не ваш клиент, так что... Можем мы просто поболтать? Просто по-человечески поболтать. У вас очень приятный голос.

– К сожалению, я не могу, – с произнесла она. – Мы с вами и так уже довольно долго занимаем линию...

– А если это мое желание? – настаивал он.

– Тогда я должна зарегистрировать его и поставить в очередь на исполнение. Я не исполняю желаний, – пояснила она. – И после того как вы изложите свое желание, оно не начнет исполняться немедленно, поэтому наш разговор все равно будет закончен. А потом...

Она вдруг рассмеялась.

– Я никогда даже не представляла себя в роли желания, – пояснила она свой смех. – Не знаю даже, как такое ваше желание могло бы исполниться.

– Но оно исполнится? – спросил он.

– Вне всяких сомнений, – произнесла она совершенно серьезно и даже несколько буднично. – В нашем бюро не было ни одного случая, чтобы заказ остался без удовлетворения.

– Знаете, мне даже страшно стало, – добавила она несколько секунд спустя. – Я как представила себя в роли чьего-то желания... Это же я самой себе уже вроде как и не принадлежу...

– Да, – кивнул он. – Быть чьим-то желанием – большая ответственность.

– Наверное, – согласилась она. – Я никогда об этом не думала... Странно...

– Да. А представьте себе, что я пожелаю большего, чем просто несколько минут разговора с вами. Представьте, что я захочу, скажем...

– Вы меня пугаете! – не дала она ему договорить. Сказано было шутливо, но... но может быть, не так уж и шутя.

Он уже должен быть в театре. Через полчаса начнется репетиция.

Нет, его это уже не касается – ведь он принял решение... Позвонить. Он должен позвонить.

А вместо этого он уже полчаса ведет никчемный разговор с диспетчером лобоводческой фирмочки.

– А могу я загадать желание, которое... которое, скажем, причинит вред другим людям? – спросил он.

– Можете, – ответила она. – Вы можете сформулировать любое желание. И любое ваше желание так или иначе будет исполнено.

– Вам это не кажется несправедливым?

– Любое, даже самое личное желание, всегда кого-нибудь задевает, – ответила она. – И даже если вы попросите о справедливости, всегда ведь найдется

кто-то, для кого ваша справедливость окажется чем-то противоположным и нежелательным.

Она сказала это быстро, не задумываясь. Наверное, думала об этом не раз.

– Но наша фирма работает очень грамотно. Никакого явного вреда никому причинено не будет.

– Вы меня не поняли, – покачал он головой и перенес трубку к другому уху. Правое уже ломило. – Я имел ввиду желание, прямо направленное на причинение вреда другому человеку. Ну например, если я пожелаю чьей-то смерти. Ужасной и мучительной.

– А... вы об этом... – ее голос изменился. Он как-будто треснул изнутри. Стал сухим и ломким.

Она замолчала.

– И? – торопил он ее с ответом.

– Я зарегистрирую любое ваше желание. Абсолютно любое.

– И оно будет исполнено? – не отпускал он ее.

– Наша организация называется «бюро добрых услуг», – сказала она.

– Оно будет исполнено?! – почти крикнул он.

– Да, – выдохнула она едва слышно.

Нет, это не то. Это не лоховодческая компания. Это что-то иное. Она должна была ответить «нет». Она не должна была вот так буднично и уверенно обо всем говорить. И никакого заигрывания. Ни малейшего намека на установку близкого контакта. Так что же это? Куда он попал?

– И вы полагаете это справедливым? – спросил он устало. – Любой может позвонить вам и пожелать несчастья для ближнего своего?

– Я не занимаюсь вопросами справедливости, – ответила она отстраненно. – Я всего лишь оператор регистрации желаний.

– Но свое мнение-то вы имеете, черт вас побери!? – прикрикнул он на нее.

– Имею, – ответила она тихо. – И не надо на меня кричать. Я приму и зарегистрирую любое ваше желание. Любое ваше желание будет исполнено. Но желания явного ущерба другим лицам или самому себе пойдут через другое ведомство.

Бред. Какое еще ведомство?

– Бред. Какое еще ведомство? – озвучил он свою мысль. – «Бюро злых услуг»?

– Что-то вроде этого, – кивнула она.

– Так-так... А кто возьмет на себя ответственность за содеянное?

– Я уже говорила вам: всю ответственность за качество желания несет клиент. То есть вы.

– Ну хоть это утешает, – вздохнул он. – Другими словами, ваше бюро готово сделать для меня то, чего не могу или не умею сделать для себя я сам. Совершенно безвозмездно. Но под мою ответственность.

– Вы очень точно выразили принцип работы нашего бюро, – согласилась она.

– Забавно... Забавно...

Наступила тишина. В трубке он слабо слышал другие женские голоса – наверное такие же операторы регистрации желаний разговаривали с клиентами. И быть может, одна из этих операторов сейчас регистрирует желание тридцати трех несчастий вот конкретно для него, Корягина Виктора Анатольевича... Забавно...

Тьфу... Неужели он принимает весь этот бред всерьез?!

– Забавно, – повторил он. – Скажите, девушка, а как... я имею ввиду, в чем будет выражаться моя ответственность?

– Это зависит от многих обстоятельств.

– А поконкретнее?

– Это зависит от очень многих обстоятельств, – повторила она. – Мне слишком долго придется перечислять все возможные нюансы в расчете меры ответственности клиента. Многих из них я могу просто не знать.

– Ну скажите, хотя бы, в утешение: мера ответственности пропорциональна желанию?

– Всегда, – коротко ответила она.

– Ну и чему, например, будет равна мера ответственности за ниспосланный мне миллион долларов?

– Она будет равна миллиону долларов.

Он рассмеялся. Ну да, разумеется, чему же еще может быть равен миллион долларов, как ни самому себе!

Его смех, наверное, напомнил ей об ее обязанностях.

– Итак? – спросила она. – Вы готовы сформулировать ваше желание?

– Сформулировать... – повторил он. – Сформулировать... Ну отчего же не сформулировать.

И вот тут ему вдруг стало страшно.

Или нет, не страшно. Но как-то не по себе. В начале этого странного разговора он внутренне исходил из того, что случайно нарвался на какую-то мошенническую компанию, или на глупый розыгрыш.

Потом, в процессе беседы с «оператором регистрации желаний» что-то пошло не так, и это «что-то» подспудно изменило его отношение к разговору. Незаметно для него самого изменило.

Ну и опять же глупую общечеловеческую слабость верить в чудеса следует тоже принять во внимание.

В общем, он не знал сейчас, что сказать. И это определенно говорило о том, что его отношение к «бюро добрых услуг» изменилось. Иначе что мешало ему ляпнуть первое, что пришло бы в голову... Ан нет – извечное человеческое «а вдруг правда!» сейчас стрекотало внутри черепной коробки, щекотало темечко изнутри, билось в паутине извилин.

– Слушаю вас, – поторопила она.

– Да-да, – отозвался он, лихорадочно соображая. – Одну минуту... Решение-то, сами понимаете, не из легких.

– Понимаю, – согласилась она.

На часах было 8:52. Через восемь минут начнется репетиция. В это время он всегда был уже в театре. К этому времени он уже успевал выпить кофе или чего покрепче. А сейчас его не было. Его еще не хватились, конечно, но Виктория наверняка уже заметила его необычное отсутствие. Быть может, она уже звонила ему. А сотовый он еще не включал. А домашний – занят разговором с... С кем?

– Как вас зовут? – спросил он.

– Ирина, – легко ответила она.

– Ира... Ирочка, скажите мне правду: кто вы?

– С самого начала я чувствовала, что вы – не клиент. Где вы взяли номер телефона?

Номер телефона!

Он звонил в театр. А попал... Он ошибся номером. Или старенькая телефонная станция соединила его черт знает с кем.

– Ира, согласитесь, ни один здравомыслящий человек не поверит в существование какого-то там...

– До свидания, – перебила она. – Спасибо за ваш звонок. Очень жаль, что мы не смогли вам помочь.

– Одну минуту! – закричал он. – Мое желание! Ирина! Не кладите трубку.

– Я слушаю, не кричите так, – отозвалась она.

– Мое желание! – повторил он.

– Я записываю.

– Видите ли... – замялся он. – Я артист. В театре. Я хороший артист... Ну не знаю... Кажется, я хороший артист. То есть педагоги мне говорили, что я талантлив. Но... Но мне вчера исполнилось сорок два. Уже. Да, мне сорок два, а я... Наш режиссер, он...

Его мысли путались.

– Я понимаю, – поддержала она.

– Да ничего ты не понимаешь! Не перебивай меня!

– Простите, – извинилась она.

– Простите, – как эхо повторил он. – Я нахамил...

– Все нормально, – успокоила она.

– Понимаете, Ира, я уже далеко не мальчик... В смысле, большая часть жизни уже прожита... Помните, у Данте: «Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...»

– «Утратив правый путь, во тьме долины», – продолжила она.

– Да. Да.

– Вы не реализовались как актер? – подсказала она.

– Да!.. Нет... Не перебивайте меня, пожалуйста... Да, как актер, как... как человек... как мужчина... В общем, я не... Впрочем, это все неважно... Ира, сколько вам лет?.. Ах да, простите... В общем...

Какого черта! – громко и отчетливо сказал кто-то внутри него.

Действительно, какого черта. Он утратил контроль над собой. Он поверил в какую-то чушь. Он раскис и пошел рассказывать свои проблемы неизвестно кому – какой-то девчонке, которой и до него самого и до его проблем как до лампочки.

– В общем, вы хотите... – подсказала она.

– Напиться я хочу, – ответил он устало.

– Простите? – не поняла она.

– Бутылку водки мне. Или две.

– Это ваше желание?

– Ну да, – кивнул он. – И вы там не тяните с исполнением. Желание не самое дорогое, я думаю.

– Вы уверены, что хотите именно этого?

– Исполняйте, – произнес он не без сарказма.

– У вас не будет другого шанса.

– И побыстрее, – упирался он. – Сколько вам нужно времени на регистрацию и исполнение этой мелочи?

– Такая возможность предоставляется только раз в жизни. И далеко не каждому.

– Ира... Ирочка... Или как вас там на самом деле... Давайте уже что-нибудь делать, а! У меня уже ухо болит.

– Я не имею права оказывать никакого влияния на клиента – это нарушение инструкции, – попыталась она образумить его. – Каждый человек сам несет ответственность за исполнение своих желаний. И за их выбор. Но, вы, кажется, не понимаете, как вам повезло.

– Вот и не надо, – зло произнес он. – Не надо оказывать на меня давление. Не следует нарушать инструкцию.

– Подумайте, вы...

– Хватит! – рявкнул он.

Наступила минутная тишина. Потом он услышал в трубке поцелкивание клавиатуры. Она набирала что-то на компьютере. Еще через минуту она уточнила:

– Две бутылки водки, я правильно поняла?

– Вы все правильно поняли, – подтвердил он.

Снова поцелкивание клавиш. Еще через минуту:

– Номер вашего заказа – двести сорок шесть. Пожалуйста, запомните этот номер – он понадобится вам, если возникнут какие-то недоразумения и вы захотите предъявить претензии по качеству исполнения желания. Крайний срок предъявления претензии – сутки после исполнения.

– Да черт с ним, – отмахнулся он.

– Заказ двести сорок шесть, Корягин Виктор Анатольевич, две бутылки водки, дата заказа – семнадцать ноль девять ноль шесть. Спасибо, что воспользовались нашими услугами. До свидания.

Стоп!

Откуда она знает его фамилию?.. Имя, отчество?

Стоп.

Что вообще происходит?!

– Одну минуту! – крикнул он в микрофон.

Ему ответил гудок. Обычный длинный бесконечный гудок. Не короткие гудки отбоя после соединения, а тот гудок, который встречает тебя, когда снимаешь трубку.

– Ирина! – позвал он без всякой надежды.

Что произошло?

Куда он попал? Что это было?

Телефонный справочник!

Он лихорадочно схватил потрепанную книжку, торопливо пролистал до буквы «Б».

Бэ-дэ-у.. Бэ-дэ-у... Бюро добрых услуг...

Ничего подобного в справочнике, разумеется, не было. Между банно-прачечным комбинатом №2 и бюро технической инвентаризации не было ни одной записи, похожей на БДУ. Впрочем, справочник был старый.

Он торопливо метнулся к компьютеру. Нетерпеливо постукивая пальцами по клавиатуре, дождался загрузки. Открыл электронный справочник... Ничего.

Черт! Черт! Черт!..

Так... Он звонил в театр... Предположим, он ошибся номером. Ошибся, вероятно, не больше, чем в одной цифре... Так-так-так... Телефон театра – семнадцать ноль девять ноль шесть... Что?... То есть как это... Сегодня семнадцатое сентября... Две тысячи шестой год...

Ах ты черт!..

Одним прыжком обратно к телефону.

Семнадцать ноль девять ноль шесть...

«Алло... Алло! Вас не слышно, перезвоните» – голос Полухина, помрежа.

Нет... Нет... Не то. Совпадение... Ладно, еще раз.

Семнадцать ноль девять ноль шесть...

«Алло... Да что за ерунда!.. Не слышно вас» – все тот же Полухин.

К черту!

Семнадцать ноль девять ноль пять... Квартира.

Ноль семь... Не то.

Ноль восемь ноль шесть... Черт, не то...

Он бросил трубку на телефон так, что тот жалобно звякнул.

«Идиот! – обратился он к себе. – Идиот! Ты идиот!»

Когда телефон вдруг зазвонил, он подпрыгнул от неожиданности.

– Да! – закричал он в трубку.

– О Господи... Что ж ты так орешь-то...

Виктория.

– Привет, Витюш. Ты где? Звоню, звоню – занято и занято. Ты что, проспал?
– А?.. Да... Да, я проспал.
– Угу... Митрофанова тоже нет... Вы не вместе проспали, а?.. Ха-ха, шучу, шучу... Портос в ярости. Репетиция сорвана.

– Вика... Ты это... Ты извини, я сейчас звонка жду...
– О как! Он звонка ждет... А Портос ждет тебя. Мы все тебя ждем... Случилось что?

– Да... Нет... Случилось... Извини...

Он положил трубку.

Идиот. Какой же он был идиот.

Она дала ему номер заказа. Значит, подразумевалось, что он может позвонить туда еще раз... Почему он не спросил номер их телефона, почему?... Ну да, потому что боялся: она убедится в том, что его звонок был случайным... Идиот.

Ладно. Что теперь-то делать?..

Но так ведь не бывает! Во что он поверил? В какую чушь?

Ну знала она его фамилию, ну и что с того? У них определитель номера. Пока она разговаривала с ним, кто-то другой проверил, на кого зарегистрирован номер... Так?..

Да, очень может быть... Одна неувязка есть: зачем? Зачем им это было нужно? Какой смысл? Выгода какая? Да никакой...

Звонок, на этот раз – в дверь, заставил подпрыгнуть второй раз. Он метнулся к двери, лихорадочно дернул задвижку замка – сорвалось. Дернул еще раз и резко и широко распахнул дверь...

Митроха... Митрофанов. Явно уже датый с утра. Когда успел?

– О-о-о! – обрадованно и пьяно протянул незванный гость. – Витюха! Дома! А я как знал, ага.

– Ты чего? Ты почему не в театре? Где уже наелся с утра?

– Хэппи бёрсдэй, как говорится, ту ю, – радостно игнорировал Митроха его вопросы, наваливаясь, отталкивая, пробивая себе путь в прихожую.

– Эй, куда! – попытался Виктор Анатольевич остановить неуместного поздравителя.

– Витюха! – пропыхтел Митрофанов, падая на скамеечку и пытаясь стянуть туфли. – Я как чуял, что ты нынче дома... А что, думаю себе, не отметить ли нам с Витьком его днюху...

– Какую днюху! Днюха была вчера. Вчера после ревизора пили – забыл?

– Забыл, – кивнул вчерашний Добчинский.

Потом, довольно хрюкнув, он достал из кармана мокрого (дождь уже пошел?) плаща бутылку водки.

– Бибамус! – радостно прокомментировал он.

– Э нет, Митрофанов, нет! – замотал головой Виктор Анатольевич. – Не буду я с тобой сейчас пить.

– Эт почему же это? – возмущенно воззрился на него Митроха.

– А-а-а, – понимающе подмигнул он в следующую секунду и кивнул. –
Понял, не дурак...

Он перевалился на другую сторону, едва не рухнув со скамейки, и с оглушительным «оба-на» извлек из другого кармана вторую бутылку водки.

– Гуляем, Витюха! – прогремел он.

Виктор Анатольевич обреченно откинулся к стене.

– Получите, распишитесь, – произнес он.

– А? – не расслышал Митрофанов.

– Ничего, Митроха, ничего...

Он прошагал к телефону и набрал номер театра.

– Алло, – отозвался помреж Полухин.

– Александр Ильич, здравствуйте... Это Корягин.

– Корягин! Какого хрена, Корягин?! Ты почему не в театре?

– Видите ли, Александр Ильич, тут такое дело... Я вам сейчас все объясню...

– Объяснишь, Корягин, объяснишь! – взревел помреж. – Вот сейчас приедешь в храм Мельпомены и объяснишь, твою мать! Двадцати минут тебе хватит, артист, а?.. Не слышу!.. Корягин!

– Да, – кивнул он, прочищая горло. – Да, Александр Ильич, я постараюсь...

– Ага, Корягин, ты уж постарайся, – не унимался помреж. – Ты очень постарайся. Иначе Портос тебя сожрет. А что он не доест – то я дохаваю. Так что давай, Корягин, давай!

Еще одно утро рядом с тобой

(пьеса)

Действующие лица:

О н

О н а

С ы щ и к

Для пьесы необходимы также зрители. Зрители принимают непосредственное и активное участие в сюжете пьесы.

Декорации:

В начале действия сцена представляет собой комнату. Это самая обычная спальная комната с кроватью, зеркалом, туалетным столиком, перед которым стоит пуф, с парой тумбочек по сторонам кровати. На стене висит двуствольное охотничье ружье. Свет приглушен. На кровати сидят он и она. Они только что проснулись и еще полуодеты.

***

О н а (жизнерадостно): Неужели опять утро?!

О н (скорбно): Еще одно утро рядом с тобой!

О н а (ласково проводит ладонью по его щеке): Милый! Ты рад?

О н: О да!

Из-за кулис появляется лицо сыщика. Он оглядывает комнату, потом ненадолго задерживает взгляд на ружье, висящем на стене. Многозначительно кашлянув, прячется. Через мгновение его голова снова появляется между кулис.

С ы щ и к (злоюще): Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит.

Голова сыщика снова прячется за кулисами.

О н а: Хочешь яичницу, любимый?

О н (криво поморщась): Да, черт ее побери.

О н а: Тогда, может быть, поджаришь на двоих?

О н: Конечно.

Он встает с кровати. Насвистывая траурный марш, натягивает на себя черно-красный халат. Красный цвет в халате близок цвету крови и как бы дает зрителям намек на дальнейшее развитие сюжета.

О н а: Не свисти, дорогой, денег не будет.

О н: Конечно.

О н а: Я так люблю тебя! А ты меня?

О н: Конечно.

О н а: Ты больше не сердишься на меня за вчерашнее?

О н: Конечно.

О н а: Милый, милый! Поцелуй меня?

О н: На прощанье? Конечно.

Он наклоняется к ней и запечатлевает на ее губах долгий поцелуй. В конце поцелуя, когда он отрывается от ее губ, видно, что она с трудом переводит дыхание и готова потерять сознание от удушья.

О н а (переводя дыхание): В холодильнике ты найдешь два яйца, дорогой.

О н: Конечно.

Затянув пояс халата, он направляется к стене, на которой висит ружье. Сняв ружье, проверяет, заряжено ли оно. Потом тщательно прицеливается в нее.

Она лежит на кровати спиной к нему, ничего не замечая, охорашивается, поправляя прическу.

О н (прицелясь и взведя курок): Ты ничего не хочешь больше мне сказать?

О н а: Хотела. Но не помню, что именно, хоть убей (смеется).

О н: Ну ты хотя бы простишь меня за все?

О н а: За что именно, любимый?

О н: Ну хотя бы за то, что я тебя убил?

О н а: За это — да.

О н: А за что — нет?

Она хочет ответить, но он, не слушая, нажимает на спусковой крючок. Звучит выстрел. Картечь пробивает ее насквозь, видно, как разрывается халат на ее груди, выпуская снаряд из тела наружу.

О н: Картечь?.. Кто же это зарядил ружье? Ведь оно висело тут семь лет не-заряженное. Дядя Альберт подарил мне его на свадьбу. Оно тогда точно было не заряжено. Я сразу повесил его на стену, и никто никогда им не пользовался. Странно...

Между кулис появляется голова сыщика.

Сыщик: Странно, странно...

Он (не видя и не слыша сыщика, рассуждая сам с собой): Ну что ж, знать, судьба у нее была такая...

Вешает ружье обратно на стену и уходит на кухню. Зрителям слышно, как он ставит на плиту сковородку, разбивает яйца, насвистывая траурный марш. Через минуту доносится шкворчание яичницы.

Сыщик (выходя из-за кулис на сцену): Убийство... Я всегда чую преступление заранее...

Он подходит к телу, лежащему на кровати. Под ней уже видно большое пятно крови на покрывале. Сыщик трогает ее за руку, нащупывая пульс.

Сыщик: Мертва, конечно... Как и следовало ожидать... Ну что ж... Нужны свидетели преступления.

Он подходит к краю сцены, пытаясь разглядеть в полумраке лица зрителей.

Сыщик: Кто-нибудь видел, как свершилось преступление? Есть очевидцы?

Зрительный зал отвечает ему гробовым молчанием.

Сыщик: Я спрашиваю, есть ли очевидцы преступления?

Зритель (из первого ряда): Есть!

Зритель встает и поднимается на сцену. Это пожилой пузатый мужчина в дорогом костюме.

Зритель: Я очевидец.

Сыщик: Прекрасно! Расскажите, что вы видели.

Зритель открывает рот и успевает произнести «Я...». В тот же момент звучит выстрел. Пуля попадает зрителю прямо в лицо, отчего задняя часть его головы отламывается, и куски черепа падают куда-то за сцену. Слышно как взвизгивает женский голос в первом ряду. Зритель, покачнувшись, падает столбом вперед (вопреки направлению полета пули), под ноги сыщику.

Сыщик (сначала удивленно, потом многозначительно): Ого! Да дело-то нешуточное!.. (начинает размышлять) Преступник убирает свидетелей?.. А кому

было выгодно это преступление?.. Уж не мафии ли это работа?.. Хм-хм...
Необходимы свидетели преступления!

Он снова поворачивается от трупа к зрительному залу.

С ы щ и к: Кто-нибудь видел, как погиб этот гражданин?

Зрительный зал безмолствует.

С ы щ и к: Повторяю: есть ли среди вас очевидцы преступления?

З р и т е л ь н и ц а (та самая, которая давеча взвизгнула): Да, да!

Она поднимается на сцену. Зрителям видно, что ее платье окровавлено — на него попала кровь из головы предыдущего свидетеля.

С ы щ и к: Расскажите, мадам, что вы видели.

З р и т е л ь н и ц а (с сомнением): А это не опасно?

С ы щ и к: Нет-нет, что вы. Жить вообще опасно, но не в наше замечательное время. Рассказывайте, мадам.

З р и т е л ь н и ц а: Я видела как...

Сыщик не дает ей договорить. Откуда-то то ли из-за пояса, то ли из-за сапога он достает огромный японский кухонный нож и вонзает лезвие в горло зрительницы. Та осекается на полуслове, хрипит и медленно валится на сцену. Из ее шеи толчками бьет кровь.

С ы щ и к (с сожалением): Увы, свидетели часто погибают. Неужели это и есть совершенное преступление, которое никогда не будет раскрыто?!

В зрительном зале начинается движение. Слышно, как зрители встают со своих мест. Хлопают откидные сиденья. Сначала тихий и неуверенный ропот становится все громче. Слышны отдельные голоса: «Какая дурацкая пьеса!», «Да этот сыщик просто болван. Ведь с самого начала было ясно, кто убирает свидетелей», «Я знал, что этим кончится», «Мама, а кровь была настоящая?», «Да, доченька, настоящая» и тому подобное.

Занавес закрывается, но сыщик остается на краю сцены, он еще не верит, что пьеса уже окончена.

С ы щ и к: Эй, куда вы?! Не расходитесь! Еще не выстрелило ружье, а оно всегда должно стрелять в последнем акте — таков закон жанра... Стойте!.. Стойте!..

Зрители не слушают его и продолжают расходиться. Тогда сыщик бежит за кулисы и возвращается со снятым со стены ружьем. Он наугад стреляет в зал из второго ствола. Слышится вскрик раненого зрителя, стоны и проклятья.

Зрители продолжают расходиться, не обращая внимания на скорбные вопли сыщика.

К о н е ц

Радиус перекрестка

Он попал в перекресток, как в прицел, вырваться из которого было невозможно. Куда бы они не делал шаг, в какую бы сторону не пытался бежать, перекресток реагировал немедленно — непостижимым образом всякая попытка выйти за его пределы оканчивалась тем, что несчастный пленник снова оказывался в центре, там, где светилась желтизной пожухлая трава на маленькой клумбе перед стоящими столбом электрическими часами. Часы неизменно показывали 00:00.

Может быть, прошел уже день, месяц, год или столетие — он не знал. Во всяком случае, ему казалось, что жизнь его недалеко от закономерного конца всякой жизни. А часы, эти чертовы часы, с зелеными точками матрицы вместо добропорядочных стрелок, глумясь над ним, показывали все одно и то же дурацкое 00:00.

На каком-то отрезке замершего времени он почувствовал себя мухой, попавшей в центр паутины. Ну да, точно в самый центр паутины, туда, где четыре клейкие нити образуют перекрестие прицела. Где-то там, дальше, есть другие улицы-нити, но ему, маленькой мошке, не дано их увидеть. Он мечется, мечется, бьется в этой сети, растрачивая свои силы только на то, чтобы подать хозяину ловушки сигнал: кушать подано!

00:00.

Это — то время, которое ему осталось или... или нет? Что значат эти магические цифры-ничто? Конец?.. Начало?.. А если начало, то — чего?..

Набрав побольше воздуха в грудь и закричав что было сил, он сделал гигантский (как ему показалось) прыжок вперед — туда, за столб. И... приземлился на клумбу перед зеленой матрицей опостылевших часов. 00:00.

«О-о-о!» - прочитал он это послание вечности.

Потом ему в голову пришла шальная мысль: а что, если...

Воплощая идею, он медленно, чтобы не спугнуть перекресток, опустился на клумбу и пополз — почти незаметно, как часовая стрелка незримо крадущая микроны расстояния у циферблата, - едва передвигая руки и ноги, по миллиметру отвоевывая у вечности расстояние. Да-да, вечность может владеть не только временем; расстоянием — тоже. Пространством, во всех его трех измерениях. Самой душой человеческой овладеет, если захочет. А она — хочет...

Медленно-медленно, едва дыша, на миллиметр к столбу... Приблизился?.. Неважно. Еще миллиметр... Еще... Еще... Приблизился?.. Нет! Столб все так же далек, как и десять минут назад.

Но что такое десять минут по сравнению с вечностью! Что больше: 00:10 или 00:00?.. Правильно, второе больше.

Мир вокруг превратился в ничто. Вселенной не стало. Может быть, она и осталась, но центром ее стал вот этой перекресток, вокруг которого теперь вращалось все.

А как найти выход из центра? Каков радиус этой вселенной? Где та точка, до которой нужно провести прямую? И возможно ли хоть на йоту приблизиться к краю?

Он устало сел в центре клумбы, подобрав ноги, подтянув колени к подбородку, и стал смотреть на часы.

Он гипнотизировал их долго, бесконечно долго. Но или они не поддавались гипнозу, или он утратил способность ко внушению.

Время шло...

Да шло ли? Если верить столбу, оно — остановилось.

Что произошло с миром? Какая катастрофа его постигла? Куда делись все люди? Дома, машины, светофоры — куда они исчезли? Какое гигантское чудовище их пожрало?.. А были ли они вообще когда-нибудь? Да какая теперь разница! Жизнь вдруг, в одно мгновение, в 00:00, потеряла всякий смысл. Если он, этот смысл, когда-нибудь и был, то теперь не стало ни его, ни самой жизни. А что осталось? Перекресток, в прицеле которого билась и мучилась душа последнего из могикиан, последнего выжившего... Выжившего?.. Скорее — наоборот.

00:00.

Смотреть на это больше не было сил. Он, не меняя позы, отвернулся от часов, спрятал лицо в колени, закрыл глаза.

Страх медленно отступал.

Он уснул, и ему снился огромный бегемот, который хотел его пожрать. К счастью, бегемот был слеп, он не мог видеть свою жертву, а только окликал ее по имени. Однако, у человека хватило ума не отозваться. Бегемот ходил вокруг, его пасть беспрестанно открывалась и, хлопнув, закрывалась, как огромный капкан. Пару раз человек едва успевал увернуться от саблевидных клыков в тесноте лифта. Возможно, бегемоту в конце концов удалось бы растерзать его, но тут что-то холодное и влажное коснулось его шеи. Он вздрогнул и оглянулся.

Рыжий веселый сеттер, обнюхивавший его, отпрянул и застыл в метре от человека. С минуту человек и собака смотрели друг на друга, улыбаясь.

- Робин! Робин! - донесся откуда-то голос девочки.

Пес рванулся на зов, на несколько секунд замер у столба, чтобы задрать лапу и — исчез, как-будто растворился в тумане. Или вышел за окружность прицела.

Глаза человека немедленно и с надеждой поднялись на часы.

00:00.

Но раз он, этот пес, сумел выбраться за пределы этой обратившейся в точку галактики, значит, может и он.

Человек встал и бросился к столбу, точно по маршруту собаки, как он его запомнил.

Он бежал долго, петлял и прыгал, возвращался и начинал сначала, пытаюсь точно определить ту ниточку тропы, по которой вышло из замкнутого круга животное.

Он бежал, он точно бежал! Он чувствовал, как его ноги отталкивают землю, раскручивая ее вокруг оси сильнее и сильнее. Мелькала под ногами трава, давая понять, что он взял неплохую скорость.

Он бежал так, пока не рухнул на клумбу совсем обессиленный.

00:00.

Но жизнь не кончилась! По крайней мере, - для других. Где-то там, вне этого перекрестка, она продолжалась. Двигался по улицам поток машин. Из модных магазинов выходили женщины. Девочка выгуливала собаку.

И только его жизнь вдруг отделилась от остального мира, его пространство маленьким куском отломилось от общей массы, он перенесся в какое-то иное измерение, которое, оставаясь, видимо, доступным извне для кого угодно, перестало быть преодолимым для него.

Он вернулся в прежнюю позу, подтянув колени и положив на них голову, принялся вспоминать начало этого дня, пытаюсь поймать, понять, осознать хотя бы, тот момент, когда произошел этот разлом в пространстве и во времени.

Обычный, ничем не примечательный был день. Чашка утреннего кофе под Сен-Санса. Гараж. Машина долго не хотела заводиться, и он чуть не опоздал в офис. Его маленький кабинет, заставленный стеллажами, которые до самого потолка плотно забиты папками. Извещение об увольнении. Час безнадюги. Возвращение домой. Гараж. Поход в бар за выпивкой.

Все.

Вот где-то на этом промежутке вселенский механизм скрипнул, щелкнул и дал сбой.

Ничего особенного не произошло. Если не считать того, что его уволили. Удар, безусловно, тяжелый, но к помешательству он привести не мог.

Так... В какой момент все случилось?..

Он шел по улице. Потом ему понадобилось перейти дорогу. Он переходил ее как раз напротив вот этого столба с часами...

И что?

Да ничего. Остановился на этом островке, чтобы переждать поток машин.

А может быть, его сбила машина?..

На всякий случай он тут же осмотрел и ощупал себя с ног до головы. Но нет, конечно, никаких следов наезда не было, не было боли, не было ни одной царапины или синяка.

Ничего.

00:00.

Таков был объем его пространства. Таков был радиус его перекрестка, ужавшегося в ничто, в точку, в пустоту.

Ноль-ноль. Как счет в матче. Ничья...

Почему его уволили? Он что, плохо работал? Нет. Никогда не опаздывал (смешно даже говорить об этом при его-то пунктуальности), не высовывался, когда не надо, не курил, делал все, что от него требовалось, всегда тщательно и в срок. Что их в нем не устраивало? Что?

Только то, что он был вечно молчалив и нелюдим? Ну так его работа требовала полного сосредоточения; да, ему просто некогда было проводить часы в курилке за пустой болтовней и глотанием дыма...

То, что он избегал всех этих дурацких корпоративных посиделок? Да, он не считал себя глупым или неинтересным собеседником, но предпочитал отмалчиваться и не отвечать в шумных нетрезвых компаниях веселящихся коллег. Они, его сотрудники, были попросту неинтересны ему со своими вечными разговорами на одни и те же никчемные темы: обсуждение длины юбки новой секретарши, текущего настроения шефа, цен на новую BMW, последствий кризиса...

Так чего им не хватало?

Или чем он им помешал?

И где та трещина во вселенной, в которую он провалился?

И главный вопрос: как из нее выбраться?..

Выбраться?..

А зачем, собственно?..

Он даже улыбнулся при этой мысли.

Действительно, так ли уж все плохо? Время остановилось — да и черт с ним; время — это та стихия, которой он, не смотря на всю его педантичность, никогда не придавал особого значения. Порой он даже не мог вот так сразу ответить, сколько ему сейчас лет — сорок два или сорок три года...

Никого нет рядом?..

Так ведь еще спорный вопрос, огорчаться этим или этому радоваться. Хотя да, конечно, вот такой пес как Робин был бы не плох в качестве живой души рядом. Уж он-то не приставал бы с дурацкими разговорами...

Ну, какие еще недостатки можно отыскать в его нынешнем положении?..

Да, имеет место быть один момент — ему нужно что-то есть и пить. Он, в общем-то, никогда не был гурманом и даже просто особого пристрастия к еде не испытывал. Но тем не менее. И выпивка тоже не помешала бы...

Какой-то звук позади заставил его вздрогнуть от неожиданности и оглянуться...

Нет, ничего и никого не было...

Хотя все же что-то неуловимо изменилось в ландшафте его мира, и он не сразу понял, что именно. Лишь через минуту, не меньше, он заметил, что чуть в стороне, на расстоянии вытянутой руки, стоит небольшой бумажный пакет. Да, обычный пакет из серой оберточной бумаги.

Еще были чьи-то слова, растворившиеся где-то на границе двух миров:

- Храни тебя Господь!

И чьи-то удаляющиеся шаги.

Он протянул руку и слегка, боясь, что видение сейчас растает, коснулся свертка кончиками пальцев. Тот был абсолютно реален на ощупь. От него исходило странное тепло. Какой-то символ и надпись виднелись на бумаге, но его слабое зрение не позволяло ему разобрать их.

Так же медленно и осторожно он потянулся еще, обхватывая пальцами и осторожно подвигая к себе эту посылку из другого мира.

«Как быстро я привык считать тот мир другим!» - мелькнула мысль.

Наконец, он, уже уверенно, взял пакет и положил его себе на колени. Да, сверток был очень теплым, почти горячим. От него пахло чем-то вкусным. Теперь он мог рассмотреть и рисунок (это был крест) и надпись, которая гласила: «Миссия церкви Святого Петра. Славьте Господа!».

Ясно. Это те люди из миссии, которые разъезжают по городу и раздают бездомным еду и лекарства. Выпивки тут, конечно, быть не может, но вот... Ага, вот — две еще горячие сосиски, булка, какое-то салатообразное месиво в прозрачной пластиковой коробочке, яблоко и маленькая, пластиковая же, бутылочка с минеральной водой...

Ну что ж... Не лукуллов пир, конечно, но голодной смертью он в ближайшие часы не умрет.

Одна только мысль теперь тревожила: его видят *оттуда*.

Если он не видит ничего, если его островок словно отделен от мира какой-то завесой, каким-то колпаком, прозрачным, но в то же время совершенно не дающим представления о том, что происходит снаружи, то они, те, кто находится вне его мира, могут видеть его...

А интересно, каким они его видят?

Как это происходит?

Хотя... Какое ему дело до этого. Главное, что *он* не видит *их*.

И что?

Что теперь?

Сейчас он съест эти упавшие с неба сосиски и салат с булкой, запьет все минералкой, похрустит яблоком. И?..

«И лягу спать», - блаженно подумал он.

«И плевать на все», - было следующей мыслью.

«Вот только бы выпить еще рому, что ли!» - пришло в голову напоследок.

Потом он откинулся назад, ложась спиной на колючую траву клумбы, поставил на грудь пакет, достал из него сосиску, откусил...

«Жизнь продолжается!»

Что-то там, позади и выше его головы привлекло его внимание. Что-то изменилось. Он не сразу понял, что именно...

Ах да, часы!

Они показывали 23:59.

Таракан в квадрате

Эту картину я увидел сразу как только вошел в зал, и она тут же захватила мое внимание, повлекла, потянула, как некая неудержимая волшебная сила.

Я почти бегом направился к ней и, как полагается, не дойдя двух или трех метров, остановился.

Мое сознание, едва я начал вглядываться в полотно, превратилось в некий туннель, протянувшийся от моего мозга (или души?) к холсту на стене. Туннель представлял собой гибкий живой организм из вихрящихся потоков то ли сознания, то ли подсознательного.

Глаза мои, или глаза моего духа, тоже попавшие в этот туннель, увидели картину ясно и отчетливо, так, будто она не висела на стене в трех метрах от меня, а располагалась в воздухе, прямо перед моим взором.

Это было... Это было что-то... Не знаю, как описать возникшее во мне состояние души, разума и сердца. Я провалился во тьму этой картины, в ее всепоглащающий мрак, туда, в его гущу, которую не могло разогнать даже маленькое рыжее солнце, притулившееся в левом верхнем углу...

В том-то и дело, что это было вовсе не солнце. Там, в абсолютной пожирающей душу и разум тьме, где-то в верхнем левом углу был прорисован довольно большой таракан. Прорисован он был весьма тщательно, насколько я мог судить (настоящих тараканов мне как-то не доводилось рассматривать). Собственно, это было и не важно. Важен был сам смысл, сам дух картины — тот вихревой туннель который соединил нас воедино.

Говорят, что в последние мгновения перед смертью в памяти человека проносится вся его жизнь, все, что сделал он и что не сумел сделать, все его действия и бездействия, мечты и надежды, победы и поражения. Мою душу выворачивало наизнанку, словно к горлу подступила вдруг внезапная тошнота и я пытался выbleвать из души то, что подспудно томило ее все долгие годы моей жизни — всю ее слепоту, черноту страстей, гнева, несбыточных ожиданий, лжи и всех тех моментов, когда разбивалась о скалы жизни моя хрустальная совесть. Да примерно то же, что и умирающий, чувствовал и я, вглядываясь в полотно, туда, где в верхнем левом углу оквадраченной тьмы, маленьким желтым пятном замерло ничтожное, затерявшееся во мраке насекомое. Я почувствовал тот ужас, который должен был испытывать таракан, погруженный в этот контур непроглядной тьмы, той тьмы, в которой отказывают абсолютно все чувства, и нет у тебя ни зрения, ни слуха, ни осязания, ни обоняния — ничего из того, что способен чувствовать человек или насекомое. Я представил себя этим тараканом, и леденящий мороз пробежал по моей спине. Да, тьма была ограничена, безусловно, и где-то за границей этого квадрата, этой черной дыры, несомненно было что-то другое. Но от этого не становилось легче, отнюдь. Напротив, осо-

знание того, что тьма ограничена, влекло за собой еще больший ужас безнадёжности вслед за пониманием того, что граница тьмы проложена, и переступить ее невозможно. Невозможно никогда!

Воплотившись в этого таракана, слившись с ним воедино, я прочувствовал весь ужас того, что называется жизнью, того, что называется одиночеством, потерянностью, безнадёжностью, мраком, клаустрофобией, смертью. Мне передались его дрожь, страх, растерянность, летаргия или кома в ожидании смерти, которая все никак не приходит...

Хотя нет, наверное, все его существование внутри этого замкнутого контура тьмы и было — смерть. Смерть долгая, - бесконечная, - мучительная, одинокая, страшная. Смерть — как состояние. Как состояние души?.. Может быть...

Я ясно увидел всю его жизнь внутри черного контура. Я увидел как он бесконечно, изо дня в день, мечется в желудке пожравшей его тьмы, натываясь на границы. Я почувствовал все его состояние от первого дня и до последнего (хотя можно ли тут говорить о днях и вообще о каких бы то ни было единицах времени!), почувствовал, как бодрое и жизнерадостное вначале насекомое становится со временем апатичным, бездушным, безумным, полуиссохшим роботом. Он, этот робот, слепо и тупо все еще тычется и тычется в стены мрака — но это уже так, больше по привычке; пламя жизни давно уже угасло в нем.

Я видел в этом таракане себя?.. Человека вообще?..

Возможно, не буду спорить.

В любом случае, гениальность художника была для меня неоспорима, подтверждением чему служил тот тоннель, который захватил меня сразу и неразрывно соединил с полотном и удерживал мое внимание, все мои чувства внутри этого черного квадрата, внутри тщедушного рыжего тельца там, в левом верхнем углу.

Но все же.

Но все же то, первое, впечатление, то начальное восприятие этого насекомого как солнца, как некой звезды во мраке космоса — может быть, оно тоже имеет право на существование?.. И тогда оно все меняет! Да, это несчастное насекомое в углу тьмы, будь это человек, душа, Бог или что-то иное, - разумеется, не таракан же! - оно станет тем солнцем, которое пока еще не разгорелось, еще не разогнало сгустившийся мрак, но оно уже готово к этому. Вот сейчас, сейчас оно спустится из своего угла в центр квадрата и засияет там во всю свою мощь, и не станет тьмы. И я снова буду счастлив.

Вот, оно спускается... Медленно и неуверенно, но — спускается туда, к центру мрака...

Стоп...

Как спускается?!

Живая картина???

Да нет же, желтое пятно действительно опускалось по диагонали, стремясь к центру квадрата.

Туннель исчез.

Я сделал еще два шага к картине, подслеповато всматриваясь в маленькую табличку под ней.

«Казимир Малевич. Черный квадрат» - гласила надпись.

А таракан, несомненно живой, обычный, живущий полной жизнью и умеющий этой жизни радоваться таракан, сделал еще несколько неторопливых отрывистых передвижений по черному квадрату и — правда, занял положение в его центре.

Свершилось! Вот оно солнце! Вот — звезда явилась, неся с собой просветление, надежду, жизнь!

Туннель снова возник — еще более стремительный, вихрящийся, поглощающий.

Я не сопротивлялся ему. Я замер, созерцая, чувствуя, наслаждаясь, забывая о времени и о том, в чем оно измеряется, о судьбе, делах, несбыточных надеждах, о жизни.

Ведь подлинное искусство — это и есть сама жизнь.

Я ухожу. Прощай навеки. Твоя душа.

- Какой вдохновенный трагик! - прошептала Изи.
- Да что вы, милочка, это же комик, - возразил Гольц. - Я хорошо его знаю, он играл вчера в фарсе... Кажется, в «Инфанте».
- Тогда, может быть, - шепнул чей-то голос из темноты, - тогда, может быть, вы знаете и то, чем трагедия отличается от фарса?
(Рай прокаженных)

Клиническая смерть — процесс умирания, переходное состояние между жизнью и биологической смертью.
(Энциклопедия)

Он явился утром. На голове его торчала копна рыжих, как солома, волос; посреди лица красовался огромный красный нос шариком; над глазами кустились брови, напоминающие две зубные щетки; красной же краской было густо намазано вокруг рта. Красная кепка в желтую клетку, дурацкие желтые штаны, зеленый сюртучок. Типичный клоун.

Собственно, он не просто явился. Он ураганом ворвался в мой кабинет, где я спокойно готовился просмотреть утреннюю почту и покуривал любимую сигару. Явление его было крайне стремительным и бурным. В другое время я, наверное, был бы шокирован, но сегодня день с самого утра был не такой, как всегда, так что чего-нибудь подобного я ожидал. Если утром ты находишь на столе вместо завтрака записку от жены со словами «Я ушла. Надоело врать. Прости», то почему бы в полдень не заявиться и клоуну.

Ни слова не говоря, он бросился к стоящему у стены столитровому аквариуму и, задрвав рукав, запустил в него руку.

- Цып-цып-цып, - поманил он напуганного неона.

Потом поймал за хвост телескопа, меланхолично проплывающего между его пальцев, и бросил его на кресло у окна, в котором дремал мой кот. Рыбка была сожрана немедленно проснувшимся животным прежде, чем я успел удивиться.

Кот благодарно и выжидающе посмотрел в глаза сумасшедшему клоуну, но тот уже метнулся от аквариума к полке с книгами. Зверь, сообразив, что добавки не будет, рухнул обратно в кресло и, облизнувшись, устало смежил очи.

Между тем, безумный паяц схватил с полки фотографию моей жены и со словами «О счастье мое!» жадно припал к ней поцелуем. Поцелуй длился в пол-

ной тишине не менее трех минут. Когда же он наконец оторвался от фотографии и бросил ее в угол, я успел заметить, что на лице моей супруги остались жирные красные следы пламенного лобзания. Моя бровь удивленно дернулась вверх, но мне хватило секунды, чтобы вернуть ее на место. Дабы немного отвлечься и прийти в себя, я сделал пару быстрых затяжек, хотя обычно курю медленно и вдумчиво.

Клоун, однако, не прекратил свои выходки. Он схватил одну из книг, - это был Дюма, - извлек из кармана шаровар огромный красный фломастер и, диктуя самому себе, размашисто написал на титульном листе: «До-ро-го-му дру-гу на ве-е-ечну-ю па-а-мять от а-ав-то-ра. Ан-ту-ан».

- Дюма звали Александром, - холодно произнес я.

Но он, не реагируя на мое замечание, бросил книгу в камин, а фломастер вставил себе в ухо.

Далее все происходило с еще большей быстротой и безумием, на фоне моего нарастающего раздражения. Но я держался до последнего.

Когда он одним махом выпил остатки моего кубинского рома, я молчал.

Я молчал, когда он выдернул из моих пальцев недокуренную сигару и небрежно поместил ее в свой огромный размалеванный рот.

Я стерпел даже когда он начал жонглировать двумя антикварными вазами, - шестнадцатого и восемнадцатого веков, - и, разумеется, разбил их.

Но когда он выстрелил из хлопушки в моего моментально утратившего остатки флегмы кота, я не выдержал.

- Потрудитесь объяснить, что здесь происходит, - потребовал я тоном, не допускающим возражений.

Он, кажется, только теперь заметил мое присутствие.

- Happy birthday to you!¹ - пропел он самым омерзительным фальцетом, какой мне только доводилось слышать. - Happy birthday to you!

- Прекратите паясничать! - сказал я. - И извольте ответить по существу: что? здесь? происходит?

Вместо ответа он достал из штанов еще одну хлопушку и пальнул куда-то вверх, над моей головой. На меня пролился дождь разноцветных конфетти, а на стол передо мной шлепнулась сложенная бумажная маска — типичный вкладыш подобного рода вещиц.

Кот не мог перенести повторного салюта — он сначала взмыл вертикально вверх над креслом, а потом рванулся к выходу из этого сумасшедшего дома.

Рыжий безумец, между тем, одним прыжком очутился возле меня и тут же рухнул мне на колени, обнимая за шею. От него пахло моим ромом, моей сигарой, дамской помадой и идиотизмом.

Он быстро выдернул из уха свой дурацкий красный фломастер и несколькими движениями нарисовал что-то над моей верхней губой. В тут же

---

1 англ. С днем рождения тебя!

извлеченном им откуда-то зеркальце я увидел у себя под носом развязно-придурковатые кошачьи усы.

- Какой милашка! - бросил этот наглец.

- Потрудитесь слезть с моих колен! - потребовал я.

Но это не возымело никакого действия. Чокнутый арлекин схватил со стола еще не разобранный мной утреннюю почту и стал один за другим вскрывать конверты и просматривать их содержимое, комментируя:

- Так, что тут у нас... Ага, счет из прачечной на тридцать две кроны... Угу... Уважаемый господин Фергюссон, клуб любителей бриджа извещает вас... Фи! Бридж... Та-а-ак, а тут... Счет из ресторана... Здесь... Штраф за просроченную стоянку...

- Да ты тот еще злостный неплательщик! - развязно выпалил он, комкая и бросая всю кипу бумаг в камин.

Одно письмо в голубом конверте осталось незамеченным на столе. Теперь он схватил его, вскрыл и начал читать.

«Милый Арчи!..»

- О! - прокомментировал он тут же. - А вот это уже интересно! Милый Арчи... Хм... И почерк женский... Хм!

«Милый Арчи! Тебя, наверное, удивит, что я решила написать тебе...»

- Послушайте, милейший! - сделал я попытку перебить его, уже начиная выходить из себя.

Но на него это не произвело ни малейшего впечатления, он продолжал читать.

«... но я не могу, слышишь, не могу больше молчать!»

- Да ты проказник! - бросил он мне. - Довел женщину до крайности!..

- Какого черта! - взорвался я. - Какого черта вы уселись ко мне на колени и читаете мои письма?! Какого черта вы испугали моего кота?! Какого дьявола вы вообще здесь делаете?!

Его лицо страдальчески морщилось при каждом моем возгласе.

- Я тебе не нравлюсь? - спросил он жалобным детским голоском.

- Ничуть! - отрезал я. - Что за бред...

Из глаз его, вернее откуда-то из бровей, брызнули струи слез, заливая мое лицо, рубашку, костюм. Он громко заорал, изображая плачущего.

- Прекратите немедленно! - крикнул я вскакивая и стряхивая этого недоделанного клоуна со своих колен. Из нагрудного кармана я достал носовой платок, чтобы утереться. Но он не дал мне сделать этого. Он выхватил платочек из моих пальцев и принялся громко сморкаться в него, бормоча в перерывах между всхлипываниями и вздохами:

- Не нравлюсь... я ему... не нравлюсь... Ох!... Какой ты жестокий, Арчи!.. Обидеть клоуна может всякий... а вот понять... пожалеть... Ах!..

Я отошел к окну и утер лицо портьерой. Это было мерзко и унижительно, но что оставалось делать.

Ситуация становилась все более и более ненормальной. Я ничего не понимал, я чувствовал, что выгляжу со стороны идиотски — в мокром костюме, с нарисованными над верхней губой кошачьими усами, взволнованный и ничего не понимающий. Все, что происходило в моем кабинете, напоминало то ли бред сумасшедшего, то ли дурной сон. И главное, я не представлял, что мне в этой ситуации делать. Единственное, что пришло мне в голову — это вызвать полицию. Но вызов полиции сейчас был далеко не лучшим вариантом улаживания какого бы то ни было конфликта. Имелись определенные обстоятельства, которые не позволяли мне сейчас прибегать к помощи властей. Тем не менее, можно было по крайней мере попытаться припугнуть его.

- Если через минуту вы не исчезнете из моего дома, я вызову полицию, - сказал я.

- Это вряд ли, Арчи, - ответил он странным, уже низким и грубым, голосом.

Я невольно обернулся и увидел прямо перед лицом черную дыру. Это был ствол пистолета, который он держал в обеих руках, вытянув их ко мне. Черное короткое дуло револьвера смотрело мне прямо в левый глаз. Этот холодный и жесткий взгляд был очень неприятен.

Я человек далеко не робкого десятка, но сейчас я испугался. От этого сумасшедшего можно было ожидать всего. Я несколько не сомневался, что если я поведу себя не так, как ему нужно, он не задумываясь разmozжит мне череп. Я не хотел бы, чтобы он выстрелил мне в глаз. Особенно — в левый.

Словно прочитав мои мысли, он криво усмехнулся и перевел прицел на мой правый глаз. Это тоже было весьма неприятно, хотя прежде мне казалось, что выстрел в правый глаз будет менее неприятен.

- Не могли бы вы целиться в лоб? - попросил я.

Он задумался на несколько мгновений, поводит глазами, пожевал губами и с неохотой перевел ствол чуть выше и левее, так, чтобы черное око пистолета смотрело мне точно в середину лба, над переносицей.

- Так лучше? - спросил он.

- Да, благодарю вас, - кивнул я.

Говорить больше было не о чем. Нет, тем для беседы сейчас нашлось бы немало, я думаю, но я был слишком занят мыслями о том, как успокоить безумца.

Прошло две или три минуты. А может быть и все пять. Я заметил, что ему уже тяжело стоять вот так, с вытянутыми руками. Руки его едва заметно, но начали подрагивать, что я сразу заметил по мелким движениям ствола пистолета.

Еще через пару минут он почувствовал, наверное, что больше не в силах сохранять принятую позу.

- Черт, руки устали! - поделился он со мной.

Если раньше он говорил дурацким полудетским голосом, то сейчас, похоже, - своим естественным. Голос у него был довольно низкий, ломкий.

- Надо что-то делать, - добавил он.

- Да, - согласился я. - Пауза как-то затянулась.

- Ну тогда я стреляю? - спросил он моего совета.

- Кхм-кхм... - я прочистил горло, которое вдруг обложило. - Может быть... э-э-э... кофе?

- Кофе? - засомневался он.

Он задумался на минуту, потом покачал головой.

- По дороге к тебе я зашел в кафе напротив. Выпил две чашки кофе с корицей, съел кусок сырного пирога и пирожное. Пирожное было так себе, но кофе — довольно безобразный. Ты ходишь в это кафе?

- Нет, - покачал я головой — я вообще не хожу в кафе.

- А, ну и правильно... - кивнул он и вздохнул.

Прошла еще минута.

- Ну ладно, давай прощаться, Арчи.

Он шевельнул пальцем. Сухо щелкнул взводимый курок.

«Какая глупая смерть! - мелькнуло в моей голове. - Надо же, быть убитым каким-то придурковатым арлекином, у себя дома, не докурив первой утренней сигары! Глупо. Но что делать?..»

Лицо его скривилось. Я понял, что он готовится нажать на спусковой крючок. Очень не хотелось закрывать глаза, выказывать слабость или страх, но инстинкт оказался сильнее — глаза мои закрылись непроизвольно в предчувствии выстрела и смерти.

Раздался щелчок. Хлопок. Странный писк. В мой лоб что-то мягко шлепнуло, уперлось, надавило.

- Падай, ты убит! - воскликнул паяц снова идиотским стеклянным голосом.

Я открыл глаза. Из ствола пистолета торчал надувшийся воздушный шарик, упирающийся в мой лоб.

Клоун захихикал, ткнул в шарик ногтем, чем породил громкий хлопок, навесом бросил пистолет в аквариум, распугав этим рыбок, потом вольготно развалился в моем кресле, забросив ноги на стол. Достал из коробки сигару, не красиво отгрыз кончик, отчего мне сразу стало грустно, и принялся раскуривать. Покончив с этим занятием, он бросил спичку следом за пистолетом, блаженно и глубоко затянулся, шумно выпустил воздух.

- Хорошая сигара, - похвалил он. - У Йольсена берешь?

- Троттер и братья, - ответил я.

Он дернул бровью, с видом знатока покачал головой, помахивая сигарой перед своим дурацким носом, наслаждаясь ароматом.

Клоун сидел и с удовольствием курил. Я стоял перед ним. Так продолжалось минут десять, не меньше.

В жизни у меня не было ни более глупого дня, ни более дурацкой ситуации. В моем кабинете, в этом храме философской мысли, по всему полу было насыпано конфетти, в камине давно уже догорели и Дюма и моя почта, в аквариуме плавали пластмассовый игрушечный пистолет и спичка. Через минуту к ним присоединился и окурок сигары. Сам же я, еще не просохший, стоял и смотрел на какого-то непонятого клоуна, ожидая, когда он выкурит мою сигару.

- Как чувствуешь себя в пятьдесят, Арчи? - неожиданно спросил паяц. Голос его вновь стал обычным — серьезный, задумчивый, немного усталый. Только тут до меня дошло.

А ведь действительно, ведь у меня же сегодня юбилей! Черт, хороший же подарок сделала мне жена!.. Может быть, и этого клоуна тоже она для меня заказала?

- Я продолжаю ничего не понимать в происходящем, - проговорил я вслух. - Кто вы? Что вам здесь нужно? Откуда вы знаете про мой день рождения?

Вместо ответа он поднялся с кресла, прихватив какую-то вещь со стола. Подошел ко мне. В его руках что-то прошуршало, а потом на мое лицо легла бумага. На затылке щелкнула резинка, припечатывая маску, - конечно, это была маска из хлопушки, - к моему лицу. Потом передо своими глазами, сквозь прорези в бумаге, я увидел знакомое маленькое зеркальце. Арлекин крутил им у моего лица, вопросительно поднимая брови до тех пор, пока я кивком не подтвердил, что вижу свое отражение.

В зеркале передо мной маячила маска... меня. Да, это несомненно было мое лицо. Вернее, это было не то мое лицо, которое я каждый день видел в зеркале. Мой портрет, изображенный на маске, был моложе меня лет на пятнадцать как минимум.

Клоун несколько минут любовался изображением, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, отойдя на пару шагов и снова приблизившись, и даже зачем-то обойдя вокруг меня.

- Отлично! Вот в этом лице ты и пойдешь туда, - произнес он непонятную фразу.

- Вообще-то, я никуда не собирался, - возразил я.

- Надеюсь, собратья — это не очень долго?

- Э-э-э, как бы вам сказать, дело в том, что я не намерен никуда идти.

- Но нас ждут, Арчи! Ты не можешь подвести того, кто тебя ждет!

- Ничего не понимаю, - устало произнес я, поднимая руку, чтобы сорвать эту дурацкую маску с лица.

Но арлекин не позволил мне сделать этого. Он схватил мое запястье и сжал его так крепко, что кисть враз онемела. Он, оказывается, обладал недюжинной силой.

- Собирайся, Арчи, - произнес он спокойно, но голосом, не допускающим возражений, - собирайся, дружище.

- Не бери с собой многого, - добавил он через минуту, отойдя к аквариуму и наблюдая композицию из пластмассового пистолета, окурка сигары, огарка спички и рыбок. - Только самое необходимое: пара сигар, - себе и мне, конечно, - свежий носовой платок, то письмо, которое мы не дочитали, - думаю, тебе будет интересно его почитать да и мне, признаться, тоже.

- Я в последний раз требую объяснений, - произнес я по-возможности жестко. - Или вы сейчас же отвечаете на все поставленные мною вопросы, или я... или я... я не знаю, что сделаю.

Он вдруг приподнял мою маску и с минуту вглядывался в мои глаза.

- Ничего ты не сделаешь, Арчи — сказал он наконец. - Ни-че-го... Ты не можешь понять одной простой вещи, дружище...

- Не называйте меня «дружище»! - оборвал я его.

- Хорошо, дружище, - немедленно согласился он, резко отпустив маску, так, что она шлепком впечаталась в мое лицо. - Так вот, ты не можешь понять одной простой вещи...

Он сделал паузу, явно для того, чтобы спровоцировать меня на вопрос.

- Ну и какой же вещи я не понимаю? - поддался я на провокацию.

- Ты давно мертв, Арчи, - ответил он, гнусно улыбаясь. - При всех твоих, прямо скажем — недюжинных, способностях к философии, созерцанию, анализу и самоанализу, ты, как глупый мальчишка, прохлопал свою собственную смерть.

Он еще раз поднес зеркальце к моему лицу, чтобы я видел себя.

- Сколько тебе здесь лет, дружище? Тридцать?.. Два?.. Три?.. Как же ты так облажался, м? Что ты делал здесь, в этой комнате, последние двадцать лет?

- Я... Я не понимаю, - выдавил я.

- Вот и я о том же, - кивнул он. - Ты не понял, что умер. Ты не заметил, как тебя похоронили. Не почувствовал собственного разложения... Ну что, идем?..

- Ку... Куда? Я никуда не пойду!

Теперь мне стало страшно, по-настоящему страшно. Пока этот клоун вел себя как клоун, положение было глупым, дурацким, смешным, непонятным — каким угодно. Но теперь, когда совершенно очевидно было, что он серьезен, мне стало действительно страшно. От этого безумца сейчас можно было ожидать чего угодно.

- Не бойся, - улыбнулся он, прочитав, наверное, весь мой страх на моем лице, прямо через маску. - Не бойся, дружище, я не сделаю тебе больно... Ну если только самую малость.

- Вы... вы собираетесь убить меня? - спросил я.

- Тьфу ты! - всплеснул он руками. - Ну и дурень же ты же ты, Арчи! Ну как можно убить того, кто и так уже мертв! Напротив — я дам тебе жизнь!

Я попятился от него, лихорадочно соображая, чем бы можно защититься от этого безумца. Физически он был несомненно гораздо сильнее меня, так что о просто кулачной потасовке нечего было и думать — не смотря на то, что в свое время я брал уроки джиу-джитсу, он уложил бы меня за пару минут, стоило мне пропустить один его хороший удар. Единственный мой шанс — это нож для бумаги, которым я всегда вскрываю конверты и который лежал в верхнем ящике стола.

Его последние слова дали мне догадку: он — сатанист. Он хочет «дать мне новую жизнь», принеся в жертву дьяволу. Именно поэтому он и явился ко мне в день моего пятидесятилетия.

Пятясь, я добрался до стола. Клоун оставался на месте и только, улыбаясь, провожал меня глазами.

Гипнотизируемый его взглядом, я зачем-то взял со стола и сунул в карман недочитанное им письмо. Потом открыл ящик стола.

- Вряд ли он тебе там понадобится, - сказал паяц, когда моя рука потянулась к ножу. - Я же сказал: только самое необходимое. Сигары не забудь.

Моя рука замерла, касаясь металлической рукояти острого как бритва ножа.

Гладкая прохлада стали ласкала кончики пальцев, вселяла надежду и даже почти уверенность.

- Си-га-ры, - произнес клоун. - Оставь нож в покое. Вскрывать почту тебе там не придется, уж поверь мне на слово.

«Что делать?» - билась в мозгу одна единственная мысль. Бред, начавшийся час назад, переходил в уже совсем нереальное действо. Если я сейчас пойду куда-то с этим человеком... Да нет, я даже представить не мог, чем это может кончиться. У меня не оставалось ни малейшего сомнения в его ненормальности. Но... Но откуда он знает про мое намерение взять нож? Про мой день рождения? Откуда в хлопушке взялась моя маска?

Может быть, я сплю, и все это мне снится? Очень хотелось бы верить, что вот сейчас я ущипну себя, помотаю головой, подпрыгну и — проснусь. Но какое-то тоскливое сосание под ложечкой подсказывало мне, что нет, - чуда не случится. Мой разум был слишком трезв, слишком привычен к аналитической работе, чтобы позволить обмануть себя подобными надеждами.

Паяц не сводил с меня глаз. Я нисколько не сомневался, что маска — не препятствие для его взгляда. Он читал все мои мысли через нее, видел сквозь нее всю мою внутреннюю борьбу. А может быть, эта бумажка и правда стала моим лицом?..

Бред! Бред...

Я задвинул ящик стола. Достал из коробки две сигары, глубоко вдохнул их аромат и сунул в нагрудный карман.

- Ну что, идем? - повторил он свой вопрос.

- Идем.

Мы, он впереди, я — за ним, вышли из кабинета, молча проследовали через гостиную в прихожую. Я набросил плащ, и мы ступили на крыльцо.

- Закрою, наверное? - неуверенно спросил я.

Он только пожал плечами.

Я поцелкал замком, запирая дверь на два оборота. Потом, уподобляясь в безумии своему спутнику, размахнулся, что было сил, и зашвырнул ключи на крышу.

«Бедный кот! - мелькнуло в голове. - Впрочем, жена наверняка не бросит его».

Паяц только хмыкнул одобритительно и направился к ограде. Я последовал за ним.

Мы вышли на аллею, и он снова двинулся впереди, предоставляя мне шествовать за ним.

К счастью, прохожих здесь не было, так что мы никого не могли испугать своим видом. Хороша картина: впереди идет разноцветный клоун, за ним – человек в плаще и бумажной маске на лице. Цирк сумасшедших!

Утро было осенне-хмурым. Желтая листва под ногами шуршала как саван, заглушая шаги и удушая запахом смерти. Черт меня дернул родиться осенью!

Умирать, кажется, тоже придется осенью.

А может быть, сбежать? Броситься сейчас по улице, кричать, звать на помощь... Нет. Я обречен, это совершенно очевидно. Я буду идти на заклятие как агнец — молча, покорно, без всякой надежды на спасение. Сейчас я был почти уверен, что этот клоун — моя судьба.

Он свернул в ближайший переулок, прошел два десятка метров и остановился. Шел он быстро, а остановился так внезапно, что я чуть не ткнулся носом ему в шею (он был заметно выше меня ростом, не только сильнее).

- Так... - произнес он. - Кажется, это здесь. Пришли, Арчи.

Я оглянулся по сторонам.

Перекресток как перекресток, самый обычный, ничем не примечательный. К выщербленному, покрытому трещинами асфальту с двух сторон прислонились серые домишки с черепичными крышами. Метрах в пяти от нас деловито расхаживала по обочине пара хмурых ворон.

Ну и куда же мы пришли? Что, он будет приносить меня в жертву прямо здесь, посреди переулка?

Я услышал лязгающий звук и сдавленный голос клоуна: «Помоги же мне, Арчи, не стой столбом!»

Я увидел, что он наклонился над канализационным колодцем и пытается сдвинуть с него массивную чугунную крышку. Какого черта? Что происходит? Собрания сатанистов проходят в канализации? Разумеется, там им самое место, но чтобы поклонники дьявола добровольно спустились в клоаку — в это верилось с трудом.

Я помог паяцу открыть колодец. Он для чего-то встал на колени и заглянул внутрь, туда, откуда вырывалось в осенний воздух отвратительное зловоние.

С минуту паяц выглядывал что-то в кромешной тьме, потом кивнул и произнес:

- Да, похоже это он.

- А вы сомневались? - спросил я саркастически. - Да, это он, самый обычный и довольно вонючий канализационный люк. Только не говорите мне, что мы должны будем туда спуститься.

- Увы, Арчи, - покачал он головой. - Другого пути нет.

- Я не полезу туда! - произнес я категорично.

- Надо, дружище, надо, поверь мне, - сказал он. - Потерпи, тебе осталось совсем не много.

- Немного до чего? До смерти?

- До жизни, - ответил он и полез в зловонную трубу.

В голове мелькнула мысль: вот сейчас, когда он исчезнет в этом мерзком тоннеле, взять и задвинуть крышку над его головой. Конечно, я бы не смог сделать это достаточно быстро, но наверняка успел бы. И пусть тогда этот сатанист вечно копошится навозным жуком в этой клоаке.

- Давай, Арчи! - донесся из трубы его гулкий голос. - Смелей спускайся, я тебя поддержу. Тут есть лестница, берись за нее.

Я покорно сел на холодный асфальт у колодца, спустил в него ноги и стал нащупывать лестницу. Когда ноги почувствовали металлическую опору узкой и тонкой ступени, стал осторожно спускаться. Браться за поручни этой лестницы было не просто мерзко — это было тошнотворно; желудок бунтовал против такого издевательства над моей утонченной натурой и если бы я успел съесть ланч, то несомненно все съеденное было бы сейчас внизу, возможно даже — на голове моего спутника. Поручни были холодные, скользкие, покрытые какой-то омерзительной слизью.

Зловоние, идущее снизу, душило не только мои легкие и стискивало горло, оно даже мозги мои умерщвляло.

Наконец, я почувствовал как руки клоуна подхватили меня, помогая сохранять равновесие на скользких ступенях. Через несколько мгновений я уже стоял рядом с ним посреди хлюпающей под ногами отвратительной жижи.

- Ну и зачем мы здесь? - спросил я, зажимая нос, чтобы не чувствовать пакостной вони. - Что дальше?

- Дыши глубже, Арчи, - усмехнулся клоун, - что ты жеманишься как барышня! А дальше — вперед и только вперед! Не отставай, дружище, положи руку мне на плечо, чтобы не потеряться.

Мрак впереди действительно был непроглядный. Если стоя здесь, под открытым люком, я еще мог разглядеть его лицо, то дальше, после первого же шага в тоннель тьма проглотила бы его.

- У меня есть спички, - сказал я почему-то шепотом. - Может, зажечь?

- Угу, - произнес он, - хороший будет фейерверк! Здесь же полно метана.

Я сделал, как он сказал — положил руку ему на плечо. Он пошел вперед довольно быстро, так, словно каждый день ходил по этой вонючей трубе или видел в темноте не хуже кошки.

- Успеваешь за мной? - бросил он через плечо.

- Да, - пропыхтел я.

Не знаю, сколько мы шли. Наверное, не дольше пяти минут. Но удушающее зловоние, непроглядная тьма и страх ожидания смерти растянули эти минуты в часы.

Наконец, я почувствовал, что он остановился.

- Все, Арчи, пришли, - сообщил он.

- Я ничего не вижу, - отозвался я.

- Ну да, так и должно быть, - ответил он. - Это же тоннель. Свет будет в его конце.

- Какой свет в канализации... - пробормотал я. - Хватит заговаривать мне зубы, циркач. Делай свое дело.

- Ого, - хмыкнул он. - Как изменился твой тон, дружище... Нет, это уже не мое дело, это твое дело. Тебе и делать.

- Что делать? - спросил я, ожидая в любую секунду почувствовать холодную сталь ножа под сердцем.

- Идти вперед, - ответил он. - Я не могу вести тебя дальше.

- Куда идти? - спросил я недоуменно. - Зачем? Что за чушь!

- Вперед, - повторил он, - куда ж еще. - И не снимай маску, что бы ни случилось, Арчи! Прощай.

- Но я ничего не вижу, - возразил я.

Он ничего не ответил. Я не мог видеть, но кожей почувствовал, что рядом никого нет. Если он исчез, то совершенно бесшумно и быстро.

Я знал, что оборачиваться нельзя. Если я сейчас повернусь, то потеряю направление. Идти нужно либо назад, в надежде найти дорогу к люку, либо — вперед, в надежде... В надежде на что?..

Из-за спины донесся какой-то звук — отдаленный лязг и скрежет.

Я понял, что клоун выбрался на поверхность и замуровал меня в этом тоннеле. Значит, назад пути в любом случае нет. Идти оставалось только вперед, что бы там меня ни ожидало.

Я вытянул руки, сколько мог, и сделал осторожный мелкий шаг, услышал, как чавкнула под ботинком разлагающаяся жижа. Еще шаг... Еще...

Голова моя кружилась от невыносимой вони, я вот-вот готов был потерять сознание. Перед глазами, которые были сейчас совершенно ничем не заняты, начали проноситься смутные и невнятные образы. Может быть, я действительно находился в полубессознательном состоянии, и только ноги мои двигались, следуя заданной программе.

- Зачем ты ушла? - спросил я ее.

- Сколько я могла жить с трупом! - ответила она.

- Почему же ты не сказала мне, что я умер? - возразил я.

- Я думала, ты знаешь.

- Я не знал. Прости.

- Что уж теперь... - вздохнула она.

- И еще... За сына... Тоже прости.

- Давно простила. Кажется. Не знаю. Но я поняла.

- Спасибо. Знаешь, я был молод, амбициозен, самовлюблен... А потом... Потом мной овладела гордыня и...

- Да, я знаю, - сказала она. - Прости и ты меня за все. Прощай, Арчи.

- Прощай...

Где-то впереди, или мне показалось, мелькнул едва заметный тусклый блик, словно пролетел светлячок. Но светляков здесь быть не могло.

Сделав еще два или три шага, я убедился, что это было не виденье. Действительно, где-то там, в конце тоннеля мелькал и покачивался небольшой источник света, словно кто-то шел мне навстречу, держа в руках фонарик.

- Это что же, - спросил я у клоуна, нисколько не сомневаясь, что он меня услышит, - это он и есть? Тот самый свет в конце тоннеля?

- Да, Арчи, - ответил он.

- Как-то не очень, - попытался я пошутить.

- Кому-то не достается и этого, - серьезно ответил он.

Источник света приближался, понемногу увеличиваясь в размерах. Он слепил мои глаза, которые за прошедшую вечность давно отвыкли от любого света, я не мог видеть того, кто стоял за этим светом. А ведь за ним наверняка кто-то стоял.

Еще через минуту это был уже не фонарик — это было солнце, настолько невыносимо ярким казался мне его тусклый свет после полного мрака.

- Арчибальд Фергюссон, - произнес чей-то голос, исходящий, казалось прямо из центра этого ослепительного сияния.

- Да, - подтвердил я. - С кем имею честь?

- Следуйте за мной, - сказал он сурово, не ответив на мой вопрос.

***

Милый Арчи!

Тебя, наверное, удивит, что я решила написать тебе, но я не могу, слышишь, не могу больше молчать!

Жизнь прошла. Прошла без тебя. Хотя ты всегда был рядом со мной, но тебя как-будто не было. Никогда. Может быть, тебя никогда и не было?

Нет, конечно же ты был, где-то. Ты был где-то там, далеко, на Олимпе своего мировоззрения; разве ты мог оттуда, с такой высоты, разглядеть меня, маленькую, невзрачную и так преданно любящую тебя душу.

Если раньше ты хотя бы изредка вспоминал обо мне, смотрел на меня благосклонно, заботился, то сейчас... Я даже не заметила, когда и как это случилось. Все происходило, наверное, исподволь и медленно. По мере того, как ты удалялся от меня, я все чаще и настойчивей пыталась достучаться, пыталась докричаться до тебя, вернуть наши прежние отношения. Но это только раздражало тебя, и ты отдалялся еще более. Что я могла сделать?!

Ты так долго искал смысл жизни! Но ты искал его где угодно, только не во мне. И если сначала ты советовался со мной в своих поисках, хотя никогда не следовал советам, то потом и вовсе перестал интересоваться моим мнением. Иногда, мне кажется, ты даже видел во мне врага, настолько методично ты пытался от меня избавиться. И тебе это почти удалось. Последние двадцать лет мы виделись очень редко, почти никогда.

Арчи, Арчи... Быть может, ты просто никогда меня не любил?

Я очень часто задавала себе этот вопрос и никогда не могла дать на него окончательного ответа. Иногда мне казалось, что да, ты вообще не способен любить. В другое время я думала, что любовь твоя просто не укладывается в общепринятые привычные рамки — ведь любовь достаточно многолика, а любовь такого умного и одаренного человека, как ты, просто обязана отличаться от чувств обычных людей.

Не знаю. Я ничего не знаю. Но я устала, милый. Я больше не могу жить с тобой, но в то же время без тебя. В настоящем у меня нет ничего, я тебе просто не нужна. Будущего у меня тоже нет, я тебе просто не нужна. Не нужна, не нужна, не нужна... Как страшно звучат эти слова!

В общем, я приняла решение, Арчи. Думаю, оно не очень тебя огорчит и уж во всяком случае не будет для тебя неожиданностью. Ведь ты сам должен был прекрасно понимать, что бесконечно так продолжаться не может. Возможно, ты даже втайне хотел, чтобы однажды я приняла это решение... Или нет... О, Господи, как мне тяжело! Я запуталась в себе, в тебе, в нашем прошлом, настоящем, будущем... Я тебя совершенно не знаю, я перестала тебя понимать, и — самое страшное — я боюсь тебя разлюбить. Того человека, которого я любила все эти годы больше нет, ты стал другим, ты стал настолько непохожим на себя, что я действительно готова тебя разлюбить.

Арчи, Арчи...

Так много хотелось тебе написать, а вот теперь... Все слова куда-то исчезли. Может быть, они просто потеряли смысл. Давно уже. А может быть, я просто разучилась говорить.

Все. Наверное, все. Я ухожу. Прощай навеки. Твоя Душа.

Двое и река

(майская соната)

Он увидел ее в ту минуту, когда она стояла на мосту Влюбленных, между Флидергате и Кёркенгате, там, где Нисен журчит так хрустально и ласково, так тихо и напевно, и искрится солнечными бликами и кажется такой же прозрачной, невесомой и почти несуществующей, как дымка полузабытой детской мечты.

Легкий ветерок играл ее длинными, до плеч, волосами и когда он игриво раздувал их, сквозь их каштановую россыпь, как сквозь чудесную вуаль, просвечивало яркое майское солнце.

Она стояла, сложив руки на перилах моста и, наклонившись вниз, к реке, задумчиво смотрела на прозрачные медленные струи пересмешницы Нисен. Она держала в губах какой-то маленький голубой цветок. Одна ее ножка была согнута в колене и носок белой легкой туфельки задумчиво почесывал щиколотку другой ноги, а подол ее длинного белого платья так кокетливо и мило приподнимался и опускался вслед за движением ноги. Она была прекрасна, воистину прекрасна!

Он увидел ее в тот миг, когда очередной вздох ветра взметнул ее волосы и солнечный свет просочился сквозь них, рассыпавшись золотистой искрящейся пылью и можно было даже почувствовать этот свет, его аромат — дурманяще-сладкий, бархатистый, тягучий и в то же время такой же рассыпчато-колкий, как пенная игристость шампанского.

Он остановился в пяти шагах от нее, забыв сделать очередной шаг и даже не думая о том, что выглядит сейчас чрезвычайно нелепо в этой позе идущего по канату циркача с обалделыми глазами.

Она, конечно, не видела его, она была слишком занята своими мыслями, поэтому он мог любоваться ею долго, бесконечно долго, почти две минуты, пока кто-то из прохожих не задел его и он едва не упал — так неудобна была его поза. Тогда он сделал четыре медленных шага в ее сторону, не сводя с нее глаз, и встал рядом, чуть сбоку, придерживаясь за чугунные перила моста.

Он стоял и смотрел. Наверное, еще две минуты. Потом она наконец почувствовала его присутствие рядом с собой и чуть повернула голову. У нее были огромные карие глаза и в них сверкали какие-то странные звездочки — то ли удивление, то ли грусть, та грусть, которая приходит, наверное, к каждому из нас в эту пору, в ту волшебную пору, когда проказник-бродяга Май берет в руки свирель и тихо-тихо наигрывает свою легкую, как облака, и чуть печальную, как поздняя любовь, мелодию.

Она взглянула на него и один уголок ее губ чуть-чуть, едва заметно, дрогнул. Быть может, она хотела улыбнуться ему или что-то сказать. Но она ничего

не сказала и не улыбнулась, а только спокойно и внимательно смотрела ему в глаза.

- Я люблю тебя, - сказал он, и что-то в его груди поднялось и сжалось в плотный горячий шар, а потом этот шар лопнул, взорвался, наполняя все его тело горячей истомой. И даже ресницы его задрожали и на глаза навернулись слезы. Он впервые произнес эти три слова и в тот момент, когда совсем этого не ожидал. Впрочем, так, наверное, бывает всегда. Ну или, по крайней мере, так должно быть, а, Нисен?

Одна ее бровь удивленно приподнялась, зрачки вдруг расширились и заполнили весь его мир, превратив мир в черную искрящуюся бездну.

- Я люблю тебя, - повторил он, и голос его дрогнул и сорвался.

На этот раз она слегка покачала головой, и невозможно было понять значение этого жеста — столько в нем было неопределенности. Она покачала головой и снова наклонилась к реке. И улыбнулась, то ли своим мыслям, то ли пересмешнице Нисен.

- Я люблю тебя, - повторил он в третий раз. - Я всегда тебя любил. Я знаю, тебя зовут Камилла... Ведь тебя зовут Камилла? У тебя очень редкое имя.

Ее бровь снова удивленно дрогнула. Она выплюнула цветок в реку, и Нисен унесла его — маленькую голубую звездочку.

- Камилла... - повторила она вслед за ним. Голос ее оказался низким, с едва заметной легкой хрипотцой. - Камилла... С чего ты взял, глупенький?

Она улыбнулась, не глядя на него и продолжала, словно обращаясь к реке:

- Меня зовут Ольга. Просто Ольга... Какое смешное имя — Камилла... Где ты только откопал такое!.. Нет, меня зовут Ольга, и это мне нравится гораздо больше.

- Неправда, - возразил он так, словно знал ее всю жизнь, а не увидел впервые пять минут назад. - Тебя зовут Камилла.

Она весело и в то же время чуть печально качнула головой и прищелкнула языком.

- Ольга.

- Неправда, - повторил он. - Но все равно я люблю тебя.

В этот раз она рассмеялась. Но смех ее прозвучал неестественно. А быть может, он просто звучал не в унисон подрагивающему смеху Нисен.

- Слушай, - сказала она, поворачиваясь к нему, - Слушай, откуда ты взялся такой... такой...

Она забавно сморщила носик, силясь подобрать слово.

- Я люблю тебя, - снова сказал он.

- Ну ты даешь! - похоже было, что ей и вправду стало весело, но возможно, это была не веселость вовсе, а только иная форма грусти. - Ты что, гипнотизируешь меня, что ли? Или — себя?

Он улыбнулся как-то по-детски виновато; на глаза ему снова против воли, навернулись слезы. Он вздохнул, словно получил удар под ложечку и произнес совсем тихо:

- Я люблю тебя...

- Бог ты мой! Нет, ты просто чудо!

Он опустил глаза и просиял, будто она и вправду сказала ему комплимент.

Она покачала головой, глядя на него. В лице ее, в задумчивой улыбке, в поднятых бровях читались те удивление, ирония и восторг, которыми взрослые обычно встречают неожиданные выходки детей.

Ветерок стих. Нисен уже не журчала, а тихо шелестела прислушиваясь к странному разговору. Они ни на минуту не забывала о них. Много она слышала разговоров на этом мосту, где назначают друг другу свидания все влюбленные Старого города, но такого...

- М-да, - произнесла она после минутного молчания. - М-да... Май... Нисен... Восемнадцать лет... Томление... Желание чего-то... Гормоны...

- Девятнадцать, - поправил он.

- Правда?! - воскликнула она иронически. - Уже?! Какой ты взрослый! Мужчина!

Она снова отвернулась от него. Несколько минут они молчали.

- У тебя есть сигарета, Ромео? - спросила она.

- Нет, я не курю, - пожал он плечами виновато.

- Ну и правильно делаешь.

- Меня зовут Альфред.

- Альфред...

- Альфред.

- Альфред...

Он остановил какого-то мужчину, попросил у него сигарету. Прикурил, закашлявшись, и протянул ей. Она взяла сигарету из его руки губами, глядя ему в глаза лукаво и испытующе. Но ей стало почему-то больно и странно от того, что она увидела в его глазах...

Ах нет, так не бывает! Ведь правда же, Нисен, так не бывает?..

- Альфред... - повторила она, глубоко затянувшись и выпустив струйку дыма. - Кто же ты, Альфред?

Он пожал плечами.

- Я занимаюсь спортом. Фехтую.

- Что, что ты делаешь?

- Фехтую. На шпаге.

- Бог ты мой! Сплошная романтика!.. Ну и как, успешно?

Он улыбнулся робко, снова потупил глаза и ничего не ответил.

Она взяла его за подбородок, подняла, заглядывая в глаза. А глаза у него были голубые и лучистые... Отпустила. Покачала головой удивленно и хмуро.

- А дама сердца у тебя есть, мой милый Арамис? - спросила она.

- Я люблю тебя.

Ты слышишь, Нисен, слышишь?

Она курила не торопясь, с наслаждением; видно, это была ее первая за день сигарета. Прохожий курил «Викинг», для нее эти сигареты были крепки, но она

затягивалась глубоко и на некоторое время задерживала дыхание, прежде чем, забавно вытянув трубочкой губы, выпустить тонкую струйку белесого дыма, которую тут же подхватывал ветерок. Выкурив половину, она затушила окурок, но не бросила его в реку, а щелчком отправила в урну, стоящую метрах в пяти. Щелчок был небрежным, после мимолетного взгляда, но окурок приземлился точно в урну. Впрочем, это ее не позабавило, а его — не удивило. А кто сказал, что для них двоих это не было самым обычным делом...

Он стоял и смотрел на нее.

- Тебе не пора? - спросила она.

- Я люблю тебя.

- Сколько мне лет?

Он переступил с ноги на ногу, как школьник, отвечающий трудный урок.

- Двадцать пять... - прошептал он.

- Не придуривайся!

- Не знаю...

- Врешь!

- Тридцать один...

- Да. Тридцать один.

- Я люблю тебя.

- Послушай, мальчик, - ее голос стал твердым и горьким. - Не надо бросаться такими словами. Ведь ты даже не знаешь, о чем говоришь.

Ведь правда, Нисен, он не знает? Ну скажи, что правда!..

Он пожал плечами. Наверное, это было его привычкой — по-детски улыбнуться и пожать плечами. Забавная привычка. А ведь привычки бывают и отвратительными. Например... Например, больно кусать женщину за ухо и думать, что ей это приятно. Или, что еще хуже... А впрочем, какая разница...

- Тебе и в самом деле пора, - сказала она выпрямившись и потрепав его за руку.

- Я люблю тебя.

- Я содержанка, дурак! - сказала она вдруг зло. - Я шлюха!

Какая-то старушка, проходившая рядом, испуганно покосилась на них и засеменила прочь, держась противоположной стороны моста.

- Я большая дрянь, - продолжала она. - На мне побывало столько мужиков...

Он закрыл глаза, словно это могло помочь ему не слышать ее голоса, или не видеть ее лица.

- Я люблю тебя, - сказал он, не открывая глаз.

Она по-женски неловко замахнулась и ударила его по щеке.

- Не смей! - теперь голос ее был переполнен дрожащей отчаянной злобой. А может быть, это был страх?

Могут три сказанные им слова вселить в женщину страх, а, Нисен? Могут эти слова испугать? А обидеть? А вызвать ненависть? Нет, не к тому, кто эти слова произнес...

Ты уже не смеешься, проказница Нисен? Ты смущена? Неужели эти глупые существа — люди — еще способны озадачить тебя? Сколько ты их повидала на своем веку, милая моя, прекрасная, вечно юная Нисен! И они еще могут тебя удивить?! А ведь эти, вот эти двое — самые обыкновенные люди. Мужчина и женщина. Или нет, не мужчина и женщина, а — чистота и грех. Или нет? Не так? Ну, я не знаю, милая моя, я не могу найти этому определения; попробуй ты — ты мудрее меня, ты больше знаешь, ты лучше понимаешь людей...

- Я люблю тебя, - сказал он.

Снова пощечина.

- Не смей! Мальчишка!.. Мальчишка... Сопляк... Иди под мост, подрочи — может, полегчает...

- Я люблю тебя.

- О, Господи! - она повалилась не перила, плечи ее дрогнули.

Она тихо плакала. Нисен уносила жемчужно-матовые капельки ее слез. Он стоял рядом. Рука его то поднималась и тянулась к ее плечу, то испуганно возвращалась назад.

Прошло много минут.

Она плакала. Молча. Горько.

Ну почему бы ей просто не уйти, не убежать от него!

Ну почему бы ему не оставить ее в покое!

И разве любовь не умеет утешить?..

- Камилла... - произнес он тихо. - Камилла...

- Послушай, - она повернулась к нему, утирая слезы и размазывая тушь. - Послушай... Ну хочешь, приходи ко мне... Мюнкенгате, семнадцать... Это в Хельбю... Возле набережной... Приходи?.. А сейчас — оставь меня... Я жду человека... Оставь...

- Человека...

- Да... Да! Мужика я жду! Понял, цуцик? Мужика.

Она грязно выругалась.

- Ну какого черта, а? - сказала она уже спокойно. - Ну чего тебе нужно от меня? Откуда ты взялся на мою голову, фехтовальщик? Ну, что? Бабу хочешь, да? Я же сказала, приходи. А сейчас — отвали, прошу тебя... Ну? Отвалишь?

- Я люблю тебя.

У-у-у-ф-ф-ф! - она покачала головой. - Слушай, ну не могу я сейчас, не могу. Ну не полезем же мы под мост, в самом деле... Пойди на Смёлдеравеню, там девочек — сколько угодно... И не будь занудой.

- Я люблю тебя. Я не хочу без тебя...

- Жить? - закончила она за него. - А ты не живи. Вот — мост, вот — река; там — камни, здесь — твоя голова... Скок! - и все дела...

Он посмотрел в ее глаза. Посмотрел на перила моста. Посмотрел на мерцающую солнечными бликами Нисен. Подошел к перилам. Подпрыгнул, легко спортивно подтянулся и поставил на перила одну ногу. Вторую.

Она смотрела на него, приоткрыв рот. В ее глазах мелькали то улыбка, то удивление и неуверенность.

Он выпрямился. Качнулся. Наклонился над рекой, словно выбирая место для падения. На дне реки чернели и поблескивали камни; их хорошо было видно отсюда, с высоты.

Нет, Нисен, он этого не сделает. Ни один мужчина не сделает этого даже ради самой прекраснейшей из женщин. По крайней мере, пока есть надежда... Любовь, если это любовь, не позволяет смерти войти в душу. Если в душе человеческой поселяется любовь, она занимает ее всю и не оставляет места ни смерти, ни жизни. ведь любовь — это такая же форма существования, как сама жизнь... как и смерть.

Ах, Нисен, о чем я говорю! Ведь я говорю о любви. Но ведь не думаешь же ты и в самом деле, что кто-то из этих двух действительно перешел в третье измерение, в ту самую форму бытия? Ведь ты мудра, Нисен, ты должна знать, что это невозможно. Ведь и всей жизни бывает мало человеку, чтобы успеть полюбить. Может быть, правда все же: май, девятнадцать лет, ожидание чего-то, гормоны... А, Нисен?

Вот, он наклоняется над тобой — загляни в его глаза. Они голубые и лачистые, его глаза. В них отражаются черные, блестящие — словно лакированные — камни на твоём дне. Что еще ты видишь там, в его глазах?..

- Слушай, - сказала она неуверенно, - не будь идиотом.

- Я люб...

- Стой! - закричала она. - Стой, чокнутый!

Он качнулся, застыл недоуменно и будто даже обиженно. Она протянула к нему руки, желая удержать и боясь прикоснуться, нечаянно вывести его из равновесия.

- Стой, - попросила она жалобно. - Слезь. Слезь, миленький... Ну, давай...

Таким же тоном разговаривают с больными...

А может быть, он и правда всего лишь сумасшедший?.. Мало ли их на белом свете, безумцев, полагающих, что они достойны того, чтобы любить женщину. Да еще вот так...

Он постоял минуту, растерянно глядя на нее. Легко спрыгнул на мост. Встал перед нею.

- Можно... - его голос дрогнул. - Можно, я тебя поцелую?

- Можно, миленький, можно... Поцелуй меня...

Он медленно, закрывая глаза, наклонился к ней и осторожно коснулся губами ее губ. Осторожно и тихо, словно целовал распятие. Выпряился. Открыл глаза.

- Ну вот, - прошептала она. - Ну вот... Поцеловал... вот... Успокойся...

Она шептала и успокаивающе гладила его по плечу, по волосам, по щеке. Она заглядывала ему в лицо, словно боясь увидеть на нем гримасу безумия... Или что-то иное боялась она увидеть?..

А ладонь ее была мягкая и теплая, словно частица майского солнца. А глаза ее были печальны и тревожны. А на щеках — потеки туши.

- Я люблю тебя, - сказал он.

- Да, миленький, да... Успокойся... Где ты живешь, Альфред?

- Здесь недалеко, на Эремювейен.

- На Эремю... На Эремювейен... Хорошо, миленький...

- Эремювейен, семнадцать. Номер — как у тебя.

- Семнадцать... Как у меня, да... Я приду к тебе... завтра... Я приду...

- Ты говоришь так... Я не сумасшедший, Камилла.

- Зови меня Ольга, миленький... Я знаю, что ты не сумасшедший, знаю... Ну?

Иди домой? Иди?

Он поднял на нее глаза. А глаза у него были голубые и лучистые.

- Я не хочу, - ответил он. - Я не хочу быть без тебя. Ни минуты.

- Ну что же делать... Только до завтра... Завтра я приду к тебе.

- Я не хочу жить без тебя. Я умру без тебя...

- Смешной... Ну что ты говоришь, мой хороший, ну что ты говоришь... Да что же ты делаешь-то!..

Она отошла от него. В бессильном отчаянии ударила кулачком по перилам моста... Еще раз... Еще...

- Ну нельзя же так! - сказала она и в голосе ее снова зазвенели слезы. Но она не заплакала.

- Нельзя? - переспросил он.

- Нельзя.

- Нельзя...

Странные все же вы, люди. Ну как вас понять? Что делаете вы со своей жизнью! Как неумело, как бездарно, как не вдохновенно вы живете! Впрочем, можно ли винить вас в этом — ведь вас некому научить. Да вы и не любите учиться, вы слишком горды. Вы сами создаете законы и сами по ним живете. Вы сами чертите круг, за которым «нельзя», внутри которого - «можно». Вы как дрессировщики в цирке — гоняете свою душу по этому манежу и щелкаете хлыстом условностей: быстрее! быстрее! Бесконечный бег по кругу. И не дай Бог душе оступиться, хоть на йоту зайти за черту!

- Нельзя... - повторил он и снова пожал плечами, непонимающе и обреченно.

- Нельзя, - повторила она.

Да можно же, можно! Ведь можно же, Нисен, правда, можно?..

На Кёркенгате, за мостом, скрипнули тормоза. Клаксон прозвучал слишком громко, неестественно и совсем неуместно. Не место такому звуку, да и вообще любому звуку, здесь, где две души совершенно неожиданно столкнулись и борются, борются друг с другом и сами с собой, истекая кровью. Им бы времени, им бы немного времени!

Снова клаксон. Она оглянулась. Из черного «Пежо» ей махнул рукой солидный мужчина лет сорока, в массивных очках.

- Это он?

Она повернулась к нему; не глядя в лицо, кивнула.

- Ты уйдешь?

Она вздохнула, бессильно пожала плечами.

- Уйдешь? - повторил он.

Провела рукой по его щеке, улыбнулась виновато.

- Уйдешь...

Она резко повернулась и пошла, побежала к машине. Мужчина в очках открыл ей дверь. Она села рядом, даже не подобрав платья.

- Я не очень опоздал, девочка?

- Не знаю, - она даже не взглянула на него. Она смотрела прямо перед собой.

- Не дуйся, милая, мне трудно было вырваться... А что это ты такая замарашка? А это кто?

Он кивнул в сторону моста.

- Уедем, - сказала она.

- Что-нибудь случилось? - спросил он, целуя ее в ухо. - Этот юнец, он что, приставал к тебе? Кто он? Ты его знаешь?

- Уедем!

- Я не понимаю... Камилла... Ты...

- Уедем же! Ну?!

- Хорошо, девочка, хорошо, - он нажал на акселератор.

Машина медленно тронулась.

Она видела его в зеркале. Он стоял на мосту и смотрел им вслед.

- Камилла, девочка моя...

- Быстрее! - почти крикнула он. - Можешь ты быстрее?!

Он сердито дернул головой и нажал на газ.

Она смотрела в зеркало.

Через тридцать метров он повернул на Бернардвейен и она больше не видела мост.

- Карл, - произнесла она.

- Да?

- Нет, ничего... У тебя есть сигарета?

Он закурил для нее «Дальномер». Он любил смотреть как она курит. Ей шли эти длинные черные сигареты с золотой каймой.

- Я заказал столик в «Олимпионе». Все как ты любишь.

Она даже не кивнула. Она курила, затягиваясь глубоко и часто.

- Только сначала тебе нужно умыться... Ты что, костер раздувала?

Но ведь ты же прекрасно понял, что она — плакала! Ты не хотел сделать ей больно? Или ты хотел сделать ей еще больнее?

Она выбросила окурок в окно, не отвечая и не глядя в его сторону.

- Камилла... Эй, Камилла!

Но она смотрела перед собой и, может быть, даже не слышала его.

Он наклонился к ней, куснул за ухо.

- Очнись, девочка, это я, твой Карл.

- Это ты, мой Карл, - повторила она безучастно.

- Может быть, скажешь мне, что случилось?

Да ты уже и сам все понял...

- Останови, - произнесла она.

- А?

- Останови машину.

- Не понимаю...

В первый раз она взглянула на него.

- Останови машину!

Он прижал автомобиль к тротуару, вздохнул; серьезно, но с улыбкой посмотрел на нее.

- Я остановил машину... Ну и?

Она открыла дверцу.

- Ну и?.. - повторил он.

Она не выходила. Но и не закрывала дверь.

- Камилла?..

Она не отвечала. Не выходила.

- Ну, все?.. Тогда закрывай, и поехали.

Она сидела, смотря перед собой, словно к чему-то прислушивалась. Быть может, она слышала шептание Нисен?

- Жизнь — сложная штука, девочка, - сказал он, похлопав ее по колену. - Не горячись на пустом месте, все пройдет. Сейчас мы съедим гуся, выпьем хереса... нет, тебе лучше чего-нибудь покрепче... датча. Ты выпьешь датча, много. Ты напьешься... Тебе нужно нализаться, девочка — это помогает... И все пройдет, поверь.

- И все пройдет, - прошептала она.

- Да, - кивнул он. - Помнишь кольцо Соломона?.. Все пройдет.

- Все?

- Все.

- Как он узнал мое имя?

- Ах вот оно что... Этот мальчик задел твое сердце?

- Писатель! - усмехнулась она. Это прозвучало скорее сожалеюще, чем презрительно.

- Да, писатель, - снова кивнул он. - Так он задел твое сердце?.. Хм, неплохой сюжет для рассказа: юный одуванчик и тридцатилетняя шлюха... Я назову его «Майская соната».

- Нет, покачала она головой. - Не так. Назови его... назови его «Двое и река».

- Двое и река, - посторил он и даже причмокнул губами, словно смакуя. - Тебе не откажешь в чувстве поэтики. Хорошо, пусть будет по-твоему... но «Майская соната» - тоже неплохо... Ну что, едем?

Она снова не ответила. Она беспомощно смотрела по сторонам, будто ждала, что подойдет вдруг какой-нибудь прохожий и скажет: «Камилла, милая Камилла, хочешь я дам тебе добрый совет?..»

- Ну?.. - произнес он спокойно. - Или... Или ты хочешь сломать этому мальчику жизнь?

Впервые за это время она посмотрела на него внимательно, впервые она увидела его.

Он поднял брови, улыбнулся.

- Ведь ты же понимаешь, девочка, что все это... все это нереально... невозможно... Понимаешь же?.. Я сегодня задержался — не повезло нам — и вот, ты совершенно случайно встретила этого юнца. И за полчаса он успел... Что он успел? Взгляни на все трезво, милая моя, и ты поймешь, что это было... просто так, просто... немножко музыки... майская соната. Завтра все пройдет, и потом ты будешь вспоминать это — иногда — просто как один из подарков жизни, щедрой, впрочем, на такие подарки: май, солнце, река, какой-то юноша, который угадал твое имя и делал тебе комплименты под напевы старушки Нисен.

- Камилла, - продолжал он, помолчав, - через девять лет тебе стукнет сорок. Ты станешь старой, толстой, довольно потасканной бабой. А ему будет двадцать... семь?.. восемь?.. девять?.. Однажды (ты даже не заметишь этого) придет сентябрь. И этот глупый, ни черта не знающий жизни одуванчик увидит тебя вдруг не в лучах майского солнца, а — стоящую на фоне дождя, серости, кухни и нудной повседневности... Ты ведь не хочешь этого, маленькая? Прости, но так уж получилось, что ты упустила свое время. И поздно теперь что-нибудь менять, увы. Мы оба упустили, так что... - он вздохнул, перегнулся через ее колени и захлопнул дверцу. - Так что поедем, сходим домашнюю птицу под названием «гусь» и напьемся... оба напьемся, вдрызг.

- Девять лет, - произнесла она. - Ты дал мне девять лет...

- Это очень мало, девочка! - сказал он серьезно. - Очень мало. И потом, подумай о нем. Подумай...

- Я не люблю тебя в полном смысле этого слова, - продолжал он через минуту. - И ты это знаешь. Если ты сейчас уйдешь, я не буду жалеть, я не запью, не повешусь — я найду себе завтра другую бабу, которая будет жить на мои деньги и ублажать мою похоть... Да, я циник, девочка, я мразь, не смотри на меня так. Я такой, какой я есть. Я зол... Но я добр, милая. Я желаю тебе только добра. Тебе и этому... несмышленищу... И я знаю жизнь лучше, чем ты. Поверь, маленькая, женщинам не нужна любовь, нет. Она притягивает, о ней приятно поболтать, приятно почитать о ней на сон грядущий, интересно поиграть в нее немножко, приятно вызвать ее в каком-нибудь мужчине, приятно довести его до сумасбродства — это тешит самолюбие и дарит незабываемые мгновения. Но не более того. Как таковая, как образ жизни, любовь женщинам не нужна. Для жизни женщина всегда ищет (слышишь, девочка, - ищет) такого как я — спокойного, мудрого, надежного, респектабельного, с толстым кошельком и не очень

пылкими чувствами. И ты знаешь это не хуже меня... Но что делать, если все эти чувствообильные бредни так дурно влияют на ваши бабские мозги!.. Ничего, девочка, ничего, это пройдет, увидишь. Я даже могу отпустить тебя к нему в качестве эксперимента, чтобы ты убедилась во всем сама. Все закончится очень быстро, гораздо быстрее, чем ты, наверное, думаешь.

Он глубоко вздохнул, устроился поудобнее за рулем и тронул машину.

- Вперед! - пропел он. - Нас ждет великий подвиг!

Они проехали Бернардвейен. Повернули на Хёславсавеню. Впереди показался мост Святого Якоба, замерцала серебристая Нисен...

Ах Нисен, снова ты! Ну зачем, зачем?!

- Останови, - она сказала это тихо и жалобно. - Останови, пожалуйста.

- Камилла...

- Прошу тебя!

Он затормозил.

Сидел молча и не глядя на нее.

Она коснулась его руки — робко, умоляюще. Открыла дверь. Вышла. Пошла по Грёнгате, срезая путь, обратно, в сторону моста Влюбленных.

Он сидел в машине, опустив голову, не глядя ей вслед. И ни его мудрость, ни его опыт, ни его цинизм, ни все его чувства не могли помочь ему удержать то, что сейчас уходило от него. Его руки стискивали, до хруста в пальцах, руль, словно это было его сердце.

А май тихо играл на свирели, и солнце уже понемногу клонилось к закату...

Она прошла двадцать метров и вдруг побежала. Она боялась не успеть. Неужели она, глупая, и вправду боялась, что он сделает это?

Она бежала, не обращая внимания на редких прохожих, на собаку, выскочившую из двора дома и облаявшую ее, на мальчишку-газетчика, крикнувшего ей вслед что-то ехидное и злое. Она бежала, пока не почувствовала, что сердце бьется уже где-то в горле и готово проскочить в затылок, но и тогда продолжала бежать.

Она выбежала на Кёркенгате и смотрела, смотрела вперед, пытаясь увидеть мост за кленами, растущими вдоль набережной. Еще немного, еще совсем немного! Ведь он там, Нисен, правда? Он ждет ее на мосту!..

Ее сердце оборвалось и ноги отказались двигаться, когда она увидела стоящую недалеко от моста сине-белую полицейскую машину... Нет-нет, это неправда! Нет!..

Но уже через несколько секунд от сердца отлегло и она снова могла побежать — полицейский спокойно переходил дорогу, в руке его был какой-то пакет. Наверное, этот симпатичный парень просто проголодался и ходил в кафе за сэндвичами или парой котлет.

Она промчалась мимо, улыбнувшись ему, и он недоуменно и внимательно проводил ее глазами.

Еще через минуту она уже выбежала на мост.

- Камилла! - крикнула она, задыхаясь. - Меня зовут Камилла!

Но только задумчивая Нисен могла слышать ее...

Его не было, не было... не было...

Но ведь он оставил ей свой адрес!

Ведь он оставил ей свой адрес, Нисен!

Ведь он всего лишь пошел домой, правда? Не дождался ее и пошел домой...

6-8 мая 1989 года.

***

Ежедневник «Моргенбладет», 10 мая 1989 года.

«Минувшей ночью трагически оборвалась жизнь замечательного человека, ученого и писателя, нашего земляка, Карла Петера Йенсена...»

... Мы не знаем, что толкнуло его на этот шаг, нам неизвестны причины самоубийства. Быть может, мы поймем их позже. А сейчас сердца наши наполняются скорбью невосполнимой утраты.

За недолгие сорок четыре года своей жизни...»

***

Газета «Дагенпост», 4 июня 1989 года.

«...Сегодня мы публикуем на страницах нашей газеты отрывок из последнего труда трагически ушедшего из жизни Карла Петера Йенсена. Эта маленькая лирическая новелла называется «Двое и река. Майская соната» и несет в себе отенок легкой грусти, навеянной, быть может...»

***

«И нет в этой битве ни правых, ни виноватых; ни справедливых, ни преступивших; ни милосердных, ни безжалостных, как нет в ней ни победителей, ни побежденных, но есть только — обреченные.»

Э. де Борг

И пришел покой.

Сначала стопы у него позеленели, как листики молодого салата, а потом покрылись коричневатой коростой. Само по себе это было не страшно, и ничего такого, необычного, в случившемся не было. Да и произошло все как-то исподволь и почти незаметно. Он не мог бы сказать, когда это началось. Во всяком случае, происходящее его не испугало.

Потом стопы слегка распухли. В общем-то, даже не слегка. Опухли они довольно заметно, так, что он даже носить свои старенькие башмаки не мог больше и стал ходить босиком. А стопы еще больше огрубели, покрылись уже ощутимо твердой корой; зеленый цвет перебрался выше - на щиколотку и распространился до самого колена.

Потом ему стало довольно трудно ходить. Не то чтобы он чувствовал боль, нет, просто - ноги его безмерно отяжелели и отказывались передвигаться. Да ему и самому двигаться как-то уже не очень хотелось, все больше - постоять спокойно, подышать, послушать тишину.

Но стоять ему поначалу было страшновато, потому что едва он успокаивался на одном месте больше чем на пять минут, как пальцы на его ногах вдруг начинали жить собственной жизнью - они удлинялись, разделялись, множились; какие-то тонкие узловатые отростки появлялись из них и начинали извиваться, как живые, внедряясь в почву. Приходилось тут же перемещаться. Он с трудом отрывал ногу от земли и делал два-три шага. Но очень быстро, устав, снова застывал на месте, и тогда все повторялось.

С его душой тоже происходило что-то странное. Если раньше он был подвижен, суетлив, впечатлителен, всегда куда-то спешил и к чему-то стремился, то теперь стал нетороплив, спокоен, сосредоточен и едва ли не равнодушен ко всему, кроме тишины, воды и воздуха. Он мог часами просто стоять, лишь изредка, с трудом отрывая ноги от земли и перемещаясь с места на место, и слушать, как журчит в несказанной тишине ручей, как поют птицы, как неторопливо течет вслед за ручьем жизнь.

Он заметно вырос. С каждым разом ему все труднее и труднее было отрывать ноги от земли. Теперь в том месте, где он только что стоял, образовывались глубокие рытвины, потому что его пальцы-корни с каждым разом все быстрее и надежнее врастали в грунт.

А однажды он просто не захотел сходить с места. Он позволил пальцам-корням углубиться в почву настолько, насколько им этого хотелось. Он замер, прислушиваясь к тому, что ему шепчет ветер и поет ручей. И тогда пришел долгожданный покой. Он понял, что давно уже должен был последовать естественному стремлению своего организма, не сопротивляться ему. По телу его разлилась дивная сила, получаемая от животворных и вкуснейших земных соков. Он застыл, закрыл глаза и задремал...

Его жена сокрушалась о потере мужа. Кроме того, дуб, который рос теперь чуть ли не посередине огорода, стал помехой во возвращении и сборе урожая картофеля и моркови. Ей не раз приходила в голову мысль пригласить соседей, чтобы они помогли ей выкорчевать дерево. Но очень уж детям нравилось играть в Робина Гуда под его мощными раскидистыми ветвями. Да и сама она, после того, как сосед поставил под дубом лавочку, полюбила сидеть в тени дерева со своим новым другом - почтальоном из соседнего села. Почтальон оказывал ей знаки внимания и делал недвусмысленные намеки...

А он давно уже перестал думать о них. Такая скорая перемена в отношении к нему со стороны жены конечно поначалу огорчала его, одно время он даже чуть не заболел и вся листва на нем пожухла. Но потом боль отступила. Гораздо важнее для него теперь было приблизиться к небу. Он ощущал себя неким мостом между землей и небесами, цепью, соединяющей их воедино. Как корни его уходили глубоко в землю, так и ветви его стремились уйти в синеву, туда, в бесконечную высь. Он знал, что если ему удастся соединить две стихии, две противоположности, то это и будет его подлинным счастьем.

Ему было интересно наблюдать за игрой детей. И хотя иногда они делали ему больно, вырезая на его стволе всевозможные знаки и надписи, но он прощал им это, умиляясь их детской непосредственности.

Все больше и больше людей приходило отдохнуть возле него, посидеть на лавочке лузгая семечки, поговорить о пустяках. Со временем рядом поставили еще одну скамейку и небольшой столик. Так что теперь нередко долгими летними вечерами здесь слышался треск домино или шумная беседа разгоряченных алкоголем людей.

Он был вполне доволен жизнью. Он становился выше и выше, все крепче держался за землю. Больше всего он любил ночи - когда лишь ветер тихо шуршал его листвой, да ручей пел свою бесконечную волшебную песню...

Но однажды случилось несчастье. На одной из его ветвей повесился маленький худой человечек - студент, приехавший на каникулы из города. Говорили, что он сделал это от несчастной любви.

"Странно, - думал он, глядя на раскачивающееся на веревке тело, которое вынимал из петли сосед, забравшийся на стремянку. - Странные все же они существа, эти люди. Ну как любовь может быть несчастьем?! Разве должна и может она становиться причиной смерти? Ведь любовь - это жизнь."

Однако люди думали иначе.

Жена не смогла смириться с тем, что в ее огороде, на ее дереве покончил с собой человек. Теперь и дети не играли под дубом - они боялись. Соседи тоже перестали приходить отдохнуть под его кроной. Да и сам дуб после покойника стал каким-то некрасивым и задумчивым. Ветви его как-будто искривились, pokrылись некрасивыми узлами, а листва стала редкой и жухлой.

Наконец, однажды женщина позвала соседей и они спилили дерево. Труднее всего было выкорчевать пень - уж очень мощные были у дуба корни.

Колодец

Он всегда чувствовал, что с этим колодцем что-то не так. Когда он подходил к нему, чтобы набрать воды, по спине пробегал озноб, а воздух вокруг становился тягучим и приобретал запах болота. Но до сегодняшнего дня он еще ни разу не отважился заглянуть в гулкую, пропахшую сыростью бездну, в самом низу которой поблескивала зеркалом вода.

Когда он опасливо свесился над темным провалом, пытаясь хоть что-нибудь в нем разглядеть, сразу стало ясно, что колодец занервничал. Это было видно и по тому ледяному дыханию, которое вдруг оваяло его лицо, по недовольному то ли плеску то ли хлюпанью на самом его дне, по непривычно сильному ознобу, который холодной колючей струей пролился от затылка до самой поясницы и брызгами разлетелся по ногам.

Да, совершенно очевидно, колодец нервничал и протестовал, он не хотел, чтобы кто-то внедрялся в его внутренний мир своим пытливым взглядом. Возможно даже, что этот взгляд вообще был первым, направленным внутрь этого удивительного существа. Но самое удивительное было то, что внутри колодца слабым и блеклым зелено-красным светом светились два глаза. В том, что это глаза, не было никакого сомнения.

- Эй! - позвал он. - Кто здесь?

- Я, - ответил колодец или тот, кто в нем сидел.

- А что ты здесь делаешь? - вздрогнув спросил он.

- Ненавижу, - ответил голос.

- Ненавидишь?.. Кого? - опешил он.

- Всех.

- За что?

- А особенно я ненавижу тебя, - продолжал колодец, не ответив на вопрос.

- А почему же меня - особенно? - смутился он.

- Потому что ты тысячу раз приходил сюда за водой и никогда не обращал на меня внимания, - зло прокричал голос.

- А кто ты?

- Раньше меня звали хромой Петер.

Ему вспомнилась легенда о хромом мальчике, который давным-давно утонул в этом колодце. Отец с матерью выгнали его на улицу, чтобы он не мешал им ссориться; ребенок заигрался у колодца и упал в него. Но это было давно, вот уже седьмой год он живет в этом доме, а прежние жильцы лежат на кладбище, после того, как угорели, раньше времени закрыв заслонку печи во время очередной попойки.

- Почему ты не выберешься наружу? - спросил он у обитателя колодца.

- Не хочу, - ответил тот, кто назвался хромым Петером.

- А хочешь, я достану тебя?

- Нет!

С того дня он стал каждый день приходиться к колодцу, даже если ему не нужно было воды - просто для того, чтобы поговорить с хромым Петером. Иногда он оставался у колодца подолгу, чтобы поиграть ему на гитаре или почитать Голсуорси. Хромому Петеру не нравился Голсуорси, но он все равно ему читал; возможно это была своеобразная маленькая месть за ненависть.

Все чаще ему в голову стала приходиться мысль, что следовало бы позвать на помощь людей и вызволить несчастного из его плена, но едва он заводил об этом речь, как хромой Петер сразу начинал нервничать и зло ругаться.

"Неужели ему так нравится сидеть в этой мрачной и сырой яме! - думал он. - Это же до какой степени нужно ненавидеть прежде всего самого себя!"

- А себя ты ненавидишь? - спросил он однажды у заточенного в колодце.

- Да, - последовал ответ.

- А за что?

- За то, что не могу ненавидеть вас всех еще больше.

Скоро он так привык к своему собеседнику из колодца, что почти перестал общаться с другими людьми, населяющими деревню. Хромой Петер был интересным собеседником, обладающим острым умом и парадоксальным мышлением.

И однажды он все же пришел к твердому решению вызволить несчастного из его заточения.

- Нет, - ответил тот на его предложение. - Ни за что!

- Но почему же? Неужели тебе не хочется вновь увидеть свет солнца, услышать пение птиц и звон родника, почувствовать вкус лета на губах?

- Нет, - категорически отвечал хромой Петер. - Как же я смогу ненавидеть, если перестану быть изгоем.

- Но ненависть бессмысленна, - убеждал он. - Зачем ненавидеть, если можно любить!

- Это риторика, не более, - отвечал голос из колодца. - Зачем любить, если можно ненавидеть, отвечу я. Любовь по твоей логике так же бессмысленна, как и ненависть, поскольку является ее антиподом, а антипод бессмысленности не есть ли еще большая бессмысленность?

Ему никак не удавалось убедить своего собеседника покинуть его темницу. Ни расписывание всех выгод и благ проживания под солнцем, ни обещание бесед долгими зимними вечерами, когда так хорошо пьется чай с малиновым вареньем, ни упоминание о женщинах и прочих соблазнах этого мира не помогали.

А он между тем уже заметно привязался к хромому Петеру и стал появляться у колодца ежедневно и просиживать возле него целые дни напролет. Соседи, наверное, догадывались о причинах его поведения, но молчали, не задавали вопросов и не пытались отговорить его от общения с новым другом.

И однажды он окончательно решил помочь несчастному.

- Не кажется ли вам, - обратился он к своему соседу, плотнику, - что нехорошо оставлять человека, тем более - ребенка, в таком незавидном положении? Вот, у

меня есть веревка, мне нужен только помощник. Помогите-ка мне вытащить из колодца хромого Петера.

- Не следует этого делать, - отвечал сосед. - У нас в деревне даже нет свободного дома, где он мог бы поселиться.

- Он будет жить со мной.

- Хм... Хм... Ну что ж... Пожалуй и вправду, пора уже достать этого бедолагу, - согласился плотник. Он позвал своего друга, местного печника, на всякий случай, если вдруг хромой Петер окажется слишком тяжел от долгого сидения в темноте и сырости.

Сколько они не пытались уговорить затворника обвязаться брошенной ему веревкой, тот не соглашался и только угрожал им тем, что бросится в воду и навсегда отравит ее своей ненавистью. В конце концов пришлось попросить соседей подержать веревку, обвязать ее вокруг своего пояса и самому спуститься в колодец.

Как ни упирался затворник, как он ни толкался, но его удалось оторвать от скользкой деревянной стены, за которую он успел зацепиться кончиками пальцев одиннадцать лет назад и благодаря которой сумел выжить.

Наконец, он крепко обнял затворника, прижимая его к себе, и крикнул соседям, чтобы поднимали.

- А стоит ли? - ответил сверху плотник.

- То есть как это... - опешил он. - Что вы хотите сказать?

- Да то и хочу, - рассмеялся плотник. - Сидите уж в колодце. Вдвоем вам будет не скучно.

- Но позвольте!..

Однако соседи уже тянули веревку. Очевидно, плотник шутил таким образом.

С того дня хромой Петер стал жить в его доме.

Теперь они могли беседовать сутки напролет. Ему очень хотелось отогреть своего жильца, вернуть сердцу хромого Петера веру в людей, надежду, радость жизни. Это было нелегко, но тем больше хотелось ему добиться своей цели.

Он даже не замечал ни запаха сырости, поселившегося в его доме вместе с гостем, ни плесени, появившейся в углах, ни того, что пол однажды перестал сухо поскрипывать, а вместо этого стал осыпаться местами как трухлявый пенек, обнажая некрасивое подполье.

А хромой Петер все никак не хотел оттаивать. Он продолжал оставаться мокрым, холодным, молчаливым ненавистником, лишь изредка поражая неожиданным и непривычным ходом своей мысли, показывая, насколько изобретательна и умна может быть в своих проявлениях ненависть.

Через два месяца по скользкому от белой пышной плесени полу было невозможно пройти без риска подскользнуться и удариться затылком о стол. Плесень покрывала стены, потолок, мебель. Постельное белье почернело и сильно пахло грибами.

Поначалу он досадовал и пытался бороться с плесенью, он даже хотел сделать ремонт. Но в последний момент передумал, решив, что хромоту Петеру нужно очень постепенно привыкать к нормальной атмосфере.

А потом он просто перестал замечать неприятный запах, плесень стала привычной и уже не вызывала отвращения.

В конце концов ему даже стало неприятно находиться в этом помещении - оно казалось ему недостаточно уютным, воздух в нем был все еще слишком сух.

И однажды ночью он потихоньку выбрался из своего опостылевшего дома, проследовал через двор и спустился в колодец. Там он некоторое время пытался найти те выступы и щели в скользкой деревянной стене, которые помогли ему держаться над водой, к которым он так привык за одиннадцать лет. Наконец ему удалось нащупать нужные впадины и он крепко вцепился в них, прижимаясь к мокрой плесневелой стене, чувствуя, как знакомые запахи, влажность и уютный мрак колодца проникают в него.

Грехопадение

(пьеса)

Действующие лица:

Е в а, первая женщина.

А д а м, первый мужчина.

С а т а н а, падший ангел.

Сцена первая

Сатана и Ева

Райские кущи. Под Древом познания Добра и Зла стоит обнаженная ева и любитесь райскими яблоками. Она так увлечена созерцанием, что не замечает, как у нее за спиной в столбе ослепительного света появляется Сатана. Он Закутан в черный плащ, у него черные волосы, прекрасное лицо; его глаза горят зелено-красным огнем, который постепенно затухает, оказывается, что глаза его — звездные блики на ночном небе. Несколько минут он любитесь Евой, а потом кладет руку ей на плечо.

Е в а (не оборачиваясь, восторженно): Адам!.. Посмотри, милый, как все же прекрасны эти яблоки. Как хотела бы я попробовать их!

С а т а н а (наклоняясь к Еве, шепчет ей в самое ухо): Так попробуй.

Е в а (все еще не оборачиваясь): Ну что ты, милый! Ты же знаешь, что Господь Бог запретил нам даже касаться их... Однако, Адам, какая горячая у тебя рука! Я никогда раньше не замечала, что руки твои так горячи...

С а т а н а: Ева!

Е в а: Да?

С а т а н а: Ева!

Е в а: Ну что, милый?

С а т а н а: Посмотри на меня!

Е в а (обернувшись): Ах! Кто ты? Ты — ангел?

С а т а н а: Да, Ева. И я твой друг.

Е в а (падая на колени): Посланник Божий!

С а т а н а (поднимая ее с колен): Нет, Ева, нет... Это я должен пасть пред тобою на колени. Ты так прекрасна!

Е в а: Прекрасна?.. Я?.. Прекрасны вот эти розы... Адам говорит, что они напоминают слово Божие... Прекрасна река... вон она, бежит куда-то и звенит, звенит... Адам говорит, что нет в раю ничего прекрасней этой реки...

С а т а н а: Он глупец, твой Адам! Нет ни в раю, ни на земле ничего и никого прекрасней женщины, прекраснее тебя, Ева!

Е в а (потупившись): Как необычно ты говоришь...

С а т а н а (медленно проводя ладонью по лицу Евы, по ее груди): Ева, Ева... Ты создана для любви, для преклонения...

Е в а: Для любви?.. Для любви... Какое странное слово! Что оно означает?

С а т а н а: Ты не знаешь, что такое любовь?

Е в а: Нет. Но я чувствую... в этом слове таится что-то очень сладкое...

С а т а н а: Сладкое?.. Да, пожалуй... Сладкое так хорошо оттеняет горечь...

Е в а: Расскажи, расскажи мне про это!

С а т а н а: Ты хочешь знать?

Е в а: Да, о да! То-то Адам будет рад, когда я расскажу ему!

С а т а н а (в сторону): О! Он будет очень рад! (Еве) Хорошо, милая, хорошо... Но прежде ты должна съесть одно из этих яблок. Вон то, например... Посмотри, как блестит на нем капелька росы! (в сторону) Она словно одна из миллионов тех слезинок, которые прольешь ты и будут проливать твои дочери и прадочери до самого конца мира.

Е в а: Ах нет! Ведь нам нельзя.

С а т а н а (долгим поцелуем прикивает к ее губам): Ева...

Е в а (слабым дрожащим голосом): Что?.. Что это было?..

С а т а н а: Я поцеловал тебя Ева. Это первая буква в книге любви. Хочешь ли ты прочесть ее всю?

Е в а: Да, да! Ты коснулся губами моих губ... только губ... а мне показалось, что ты коснулся моего сердца... И это было так томительно и так сладко!

С а т а н а: Сладкоежка!.. Так ты попробуешь этих яблок, Ева?

Е в а: Не знаю, право... Мне и самой всегда хотелось...

С а т а н а: Исполни свое желание! Протяни руку... Они прохладные и сладкие, эти яблоки. Ты ведь так любишь сладкое, Ева! Ну же!

Е в а (неуверенно): А ты правда этого хочешь?

С а т а н а: Я люблю тебя, Ева!

Е в а: Ты?.. Любишь?.. Меня?.. Что это значит?

С а т а н а: Это значит, что ты — моя единственная женщина и нет мне без тебя жизни, и нет мне покоя, и нет сна, и нет меня самого, и нет мира... Есть только ты, Ева, только о тебе я думаю, только тобою живу, ибо ты — мой мир, моя душа, моя жизнь... Ты прекрасна, Ева, любовь моя!

Е в а: Ах как ты говоришь!.. И все это правда?

С а т а н а: А разве есть в этом мире ложь, Ева?

Е в а: Адам говорит, что...

С а т а н а: Адам — глупец. Что вообще может знать об этом мире мужчина, если он не знает даже, что рядом с ним есть женщина! Что может значить в этом мире мужчина, если нет женщины, которая назвала бы его мужчиной... Своим мужчиной. Что может знать о мире тот, кому роза напоминает слово Божие, а не

женский поцелуй... тот, кто любит рекой, когда рядом с ним стоит обнаженная женщина!

Е в а: Обнаженная? Мне непонятно это слово.

С а т а н а: Ты поймешь его, когда попробуешь яблока. Ведь ты сделаешь это, Ева? Я так люблю тебя!

Е в а: Люблю... Адам никогда не говорил со мной так.

С а т а н а: О Ева, он будет, будет говорить, поверь мне! Ты только убеди и его попробовать этого дивного яблока. Уверю тебя, милая, он научится говорить тебе еще и не такие слова!.. Уж я помогу ему, я научу.

Е в а (все еще сомневаясь): Адам очень рассердится, когда узнает, что я нарушила запрет.

С а т а н а: Не бойся, Ева! Кто такой Адам! Я же — ангел, и я говорю тебе: попробуй!

Е в а (зажмурив глаза, протягивает руку и срывает яблоко) Ах! Что я наделала!

С а т а н а: Откуси, Ева, откуси от него!

Е в а (затаив дыхание, откусывает, съедает, удивленно смотрит по сторонам): Хм! Яблоко как яблоко, ничего особенного...

С а т а н а? Да, да, Ева, именно — ничего особенного! Теперь ты поняла? Поняла, Ева? Нужно только найти в себе силы преодолеть запрет. И ты поймешь всю сладость преодоления и что запрет — это лишь способ получить удовольствие от его нарушения. Теперь ты знаешь.

Е в а: А ты будешь целовать меня еще? Я выполнила твоё желание.

С а т а н а: Да, Ева, да! (берет ее за руки) Я буду целовать тебя... (обнимает ее, покрывает поцелуями ее лицо, шею, грудь) Ева!

Е в а: О, милый! Скажи, что ты любишь меня!

С а т а н а: Я люблю тебя, Ева, люблю!

Он клонит ее к земле. На некоторое время они скрываются в высокой траве. Слышны только вздохи, страстный шепот, стоны...

Наконец, они поднимаются. Он обнимает ее, она кладет голову ему на плечо.

Е в а: Милый, милый! Как хорошо мне с тобой! А ты... ты не покинешь меня?

С а т а н а: О нет, Ева, нет! Я никогда не покину тебя, я буду с тобой вечно. Я буду уходить, да, но я всегда буду возвращаться к тебе, к твоим дочерям к дочерям твоих дочерей. Быть может, ты не всегда сможешь узнать меня сразу, но я буду рядом.

Е в а: Значит, ты все-таки уйдешь?

С а т а н а: Ненадолго, милая... Ты только сумей заставить Адама отведать яблока...

Е в а: Отведает, куда он денется!

С а т а н а: Bravo, Ева, bravo! Ты говоришь как самая настоящая женщина!

Е в а: А разве я не настоящая?

С а т а н а (весело смеется): Ну конечно, родная, конечно, настоящая!

Слышен голос Адама: «Ева! Ева! Ты где? Посмотри, что я нашел!»

С а т а н а: Ну все, кажется, мне пора.

Е в а: Не уходи!

С а т а н а: Извини, милая... Третий — лишний, со временем ты это поймешь.

Е в а: Поцелуй меня еще раз на прощание.

С а т а н а (целует ее): Ну вот... А теперь прощай, любовь моя. Вскоре я приду к тебе, посмотреть на нашу дочурку...

Е в а: Дочурку?

С а т а н а: Ну да... Увидишь сама... А сейчас я должен спешить...

Сатана исчезает, оставив после себя только легкое облачко сизого дыма. Из зарослей вишни появляется Адам. Он держит в руках венок из цветов.

Сцена 2

Адам и Ева

А д а м: Ева! Ева, посмотри, что я для тебя сделал. Видишь, какой замечательный венок! Я вплел в него новые цветы, вот эти, голубые... Я назвал их «незабудки». Они такие же голубые как река...

Е в а: Как река?

А д а м: Да.

Е в а: А разве они не такие же голубые как мои глаза?

А д а м (удивленно): Твои глаза?.. А что, у тебя — голубые глаза?.. (подходит к ней поближе и всматривается) Да, действительно... Красивый венок, не правда ли? Тебе нравится, Ева?

Е в а: Адам, Адам, ну когда ты перестанешь заниматься этими глупостями!

А д а м: Я не понимаю... Тебе не нравится венок?

Е в а: Посмотри на меня.

А д а м: А что? Я вижу тебя каждый день...

Е в а: Посмотри на меня, Адам!

А д а м (осматривая ее с ног до головы) Ну... Ева?..

Е в а: Я красива?

А д а м: Красива?.. Я никогда... Я не знаю...

Е в а: Подойди ко мне, Адам.

Он подходит к ней. Она обнимает его за шею и медленно целует в губы.

А д а м: Что это?.. Что ты сделала?..

Е в а: Тебе понравилось?

А д а м: Да... Нет... Да... Я не знаю...

Ева срывает с Древа яблоко, вкладывает его в руку Адаму.

А д а м: Что ты наделала!

Е в а: Попробуй, Адам, попробуй.

А д а м: Что же та наделала, Ева!

Е в а: Ешь же, глупец! Ну!

А д а м: Ты же знаешь, Ева, Господь Бог...

Е в а (нетерпеливо): Способен ты хоть что-нибудь сделать ради меня? Можешь ты хоть раз в жизни вести себя как настоящий мужчина?!

А д а м: А разве я не настоящий?

Е в а: Нет, конечно.

А д а м: Разве я ничего для тебя не делал?.. Я назвал эту реку Евой, я слагал для тебя стихи, я сплетал тебе венки, я...

Е в а: Не будь мальчишкой, Адам! Если ты сейчас не съешь этого яблока, я... я... я уйду от тебя навсегда!

А д а м: Уйдешь?.. Куда?

Е в а: Да будешь ты есть или нет?!

Адам неуверенно пожимает плечами и, зажмурившись, откусывает. Съедает, открывает глаза и медленно осматривается по сторонам.

Е в а: Ну?..

А д а м: Яблоко как яблоко.

Е в а: Вот видишь, дурачок, а ты боялся... Ну, иди ко мне, милый...

А д а м: А ты... Как ты это делала... губами?

Е в а: Я все покажу, милый, все...

Они медленно опускаются в траву.

Вдалеке слышны громоподобные шаги Бога. Они приближаются...

Матрешка

Матрешка жила на подоконнике. Это было самое обычное изделие народного промысла - деревянная матрешка, ничего особенного.

Была она довольно старой, чуть поиссохшей, с облезлой - на боках и веселой улыбочливой мордашке - краской. Звали ее... Впрочем, ее давно уже никто никак не звал. Она была просто старой, потертой, потрепанной жизнью, всеми забытой, но все еще веселой матрешкой.

Хотя нет. Иногда о ней все же вспоминали. Это случалось обычно в дни генеральной уборки, когда хозяйка дома приходила мыть подоконник. Она в очередной раз обнаруживала изделие в углу, рядом с цветочным горшком и кричала своему мужу, который драил кафель в кухне:

- Антон, матрешка! Опять она... Может, мы наконец выбросим этот хлам?

- Оставь Марфу в покое, - отвечал супруг из кухни и приходил, чтобы лично стряхнуть с Марфы пыль.

Так вот как ее звали! Марфа.

Мужчина протирал ее влажной тряпкой и твердо ставил на место, давая тем самым понять ее особый неприкосновенный статус.

- Ты же знаешь, - говорил он при этом, - она дорога мне как память.

- Знаешь, мне надоела эта память, - неразумно отвечала женщина, резко и вплотную приближаясь к той черте в супружеских отношениях, за которую лучше не переходить... Женщины-женщины!..

- Какого черта?! - немедленно реагировал мужчина. - Тебе приспичило поссориться?

Марфа при этой сцене испытывала двойственные чувства. С одной стороны ей был очень приятен ее статус чьей-то памяти. С другой - она чувствовала себя не в своей тарелке из-за того, что невольно становится причиной разлада в супружеских отношениях.

Так или иначе, она продолжала жить на подоконнике вот уже... не берусь сказать, сколько лет.

Собственно то, о чем эта история, случилось как раз в один из таких дней, когда проводилась очередная генеральная уборка. Все было как обычно, все прошло по привычному сценарию. Марфа была протерта влажной тряпкой и поставлена на свое место в углу, за цветочным горшком. Уборка закончилась, о ней все забыли.

Все, кроме семилетнего мальчика, который вдруг обнаружил в своих владениях новую игрушку, которую почему-то не замечал или игнорировал раньше. Улучив момент, он подбежал к окну, схватил Марфу, быстро ее разобрал, быстро что-то вложил в ее пустое нутро, и так же стремительно собрал ее и поставил на место.

Марфу так давно уже никто не разбирал, что она успела забыть ощущения от этой процедуры. А ощущения, надо сказать, оказались весьма приятными. Хотя мальчик действовал второпях, не очень аккуратно, но все же матрешка успела почувствовать всю прелесть процесса разборки и сборки.

Вот только...

Вот только осталось у нее после всего этого действия какое-то странное, непривычное и томительное ощущение, что в ней что-то не так. Она не смогла бы сказать, что именно ее смущает.

Может быть, мальчик в спешке неправильно ее собрал?..

И тут что-то произошло... Какое-то движение внутри нее - мимолетное, едва ощутимое... Ужас!.. Что это было?..

Она стала прислушиваться к себе. И тут же почувствовала новое движение...

Оно повторилось еще раз... И снова...

Она бы немедленно закричала, завизжала, если бы не была достаточно благоразумной матрешкой и не понимала, что никто ее не услышит.

Мда... Довольно жуткие ощущения - знать, что никто тебя не услышит, как ни кричи. Вроде бы вот они все, вся семья - совсем рядом, смотрят телевизор. Но ты можешь кричать и звать на помощь сколько угодно - никто не придет...

А странное движение внутри нее повторилось.

Ну что ей было думать?

Что она беременна?.. Полноте, не надо пошлостей!..

Что... Ну да! Конечно же! У нее появилась душа!..

У Марфы никогда не было души, поэтому она не знала, каково это - иметь душу. У нее вообще не было никаких представлений об этом метафизическом предмете. Но она тут же довольно живо представила себе, как в процессе сборки в нее вдруг проникла чья-то бесхозная душа. И теперь она живет в ней. И будет жить... а сколько она будет в ней жить?.. А если мальчик завтра придет и снова разберет ее? И душа улетит?..

"Ой! - думала Марфа. - Так это что же получается - я теперь самая настоящая? Совсем-совсем живая?!"

И тут внутри снова произошло это странное непривычное шевеление.

"Какая она у меня беспокойная!" - умилилась Марфа.

Ей захотелось сказать что-нибудь приятное своей душе.

- Эй, - прошептала она. - Ты чего такая заполошная? Или может быть, я тебе не нравлюсь?

- Не нравишься, - последовал совершенно отчетливый ответ. Голосок у души был очень тонкий и тихий.

Марфа расстроилась. Когда собственная душа говорит тебе, что ты ей не нравишься, это может расстроить кого угодно, не только глупую матрешку.

- Да? - промямлила Марфа. - Это почему же?

- В тебе темно и пусто, - ответила душа.

На это Марфе совершенно нечего было сказать - ведь в ней действительно было пусто и темно. Ведь она была всего лишь матрешка - заурядное изделие народного промысла.

- Выпусти меня, - меж тем попросила душа. - Пожалуйста!

Трудно передать те чувства, которые всколыхнула в Марфе эта просьба. Конечно, ей стало невыносимо жаль свою бедную новообетенную душеньку. Но ей было жаль и себя. Ведь она только-только стала обладательницей души, совсем как живая. Она стала собой. Теперь она могла быть не только чьей-то там памятью - она могла стать и своей собственной...

За окном сгущались сумерки...

Марфа все прислушивалась и прислушивалась к своей душе. Прислушивалась и размышляла. А беспокойная ее душа все трепетала и трепетала внутри - пыталась найти выход, наверное. Но выхода-то не было...

Наступила ночь.

- Выпусти же меня, - взмолилась душа.

- Я не знаю, как это сделать, - сказала Марфа. - И... И я не хочу... Может быть, все образуется?.. Ты привыкнешь... Я не плохая, поверь.

Душа ничего ей не ответила. Она затихла и больше не шевелилась. Прошел час или два, и Марфа незаметно для себя уснула.

Обычно она всегда чувствовала, как встает солнце и просыпалась вместе с ним. Но в этот раз она так крепко спала, что не слышала даже, как все встали и женщина открыла окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух.

А проснулась Марфа от слабенького голоса души.

- Я умираю... - пролепетала душа.

- Как! - заволновалась Марфа. - Почему?! Что случилось?!

- Умираю... - прошептала душа. - Я чувствую... Выпусти меня, умоляю! Спаси меня! В тебе так темно! А я не могу жить без света...

- Ах бедная моя! - воскликнула матрешка. - Сейчас... Подожди... Я что-нибудь придумаю...

Но что она могла придумать! Что может сделать изделие народного промысла. Ведь она даже на помощь позвать не могла. И при всем желании не смогла бы разобраться на части...

И тут ее осенило! Окно! Окно открыто. Если она выпадет с шестого этажа, то конечно же разберется на части, и тогда ее душа станет свободна.

Но как добраться до проема?..

Когда-то она слышала от своей бабушки, что хотя матрешка и не может ходить, но если очень захотеть и постараться, можно заставить себя перевернуться на бок. И тогда можно вволю кататься по полу - для разминки.

Марфа немедленно собрала всю свою волю в кулак и попыталась раскататься...

Прошло не меньше часа, прежде чем ей показалось, что тело ее поддается еле уловимым колебаниям.

- Сейчас, - бросила она притихшей душе. - Потерпи еще немножко.

Душа не ответила. Видно, ей было совсем уже плохо. Это придало матрешке сил...

Еще через десять минут она уже не сомневалась, что раскачивается...

Еще через четверть часа она с легким стуком упала на подоконник. И покатилась. Катиться оказалось совсем легко. Она уверенно направила свое тело к открытой половине окна, легко перекатилась через порожек и... и обрела чувство полета...

Она летела совсем недолго. Но это было так восхитительно!

"А интересно, - подумала она. - Кто-нибудь из матрешек когда-нибудь летал? Вот бы рассказать бабушке!"

Она не успела додумать свою мысль. Удар об асфальт был так силен, что Марфа не просто распалась на части, а, громко хрупнув, раскололась на несколько кусков...

Ее голова, треснув посередине, откатилась к бордюру...

Из недр ее разбитого тела выпорхнула бабочка - большая, коричневая, с ажурными крылышками бабочка...

Вот мальчик-то расстроится! Хотя, он, наверное, давно уже забыл о своей пленнице. Дети, они ведь такие легкомысленные...

А матрешка восторженно провожала затуманенным взглядом бабочку и думала: "Так вот какая она, моя душенька!.. Какая красавица!.. Наверное, я была не такой уж плохой матрешкой, раз мне досталась такая красивая душа..."

Через час пришла сердитая дворничиха. Она смела остатки матрешки вместе с мусором и выбросила в мусорный бак...

А в квартире на шестом этаже - ссорились. Мужчина обвинял женщину в уничтожении его памяти.

А маленький мальчик смотрел в окно и думал, где ему теперь поймать другую такую красивую бабочку...

А бабочка-душа... А о ней я ничего не знаю.

Однажды П** не проснулся

Однажды П** не проснулся.

Он встал, как обычно, умылся, выпил крепкого кофе с корицей и съел два бутерброда. Он оделся, перекинул через руку плащ и отправился на службу. Но при всем при этом он точно знал, что еще не проснулся. И самым скверным в его положении было то, что он не мог понять, лежит ли он в постели и видит сон, или же он действительно встал и отправился на службы, но продолжает спать. Ведь второе было бы очень неприятно.

В автобусе П** присматривался к людям, пытаясь по их лицам угадать, что они думают о нем, но они, похоже, вовсе о нем не думали.

На службе П** вел себя преувеличенно бодро и деловито, чтобы — не дай бог! - начальство и сослуживцы не заметили его состояния. Но они все же заметили. Господин Д**, его непосредственный начальник, проходя мимо, внимательно посмотрел в лицо П** и сказал: «Какой вы сегодня странный!» Это ужасно испугало П** и он удвоил свою энергию.

«Ах как было бы хорошо, - думал он, - проснуться сейчас в своей постели!» Но он не просыпался. Если все это было сном, то — очень навязчивым и крепким.

П** работал энергично, много двигался по отделу, чтобы сослуживцы не могли ни в чем его заподозрить. Однако в середине дня его вдруг посетила мысль: «А что это я так стараюсь? Ведь мне же это все только снится!»

И едва он подумал так, им сразу овладела какая-то легкость; спокойствие посетило его душу, и он понял, что ему совершенно незачем бояться того, какое мнение о нем сложится у начальства и сослуживцев. Он умерил пыл, поудобнее устроился на своем стуле и даже стал что-то насвистывать, смотря по сторонам, на множество людей, торопливо и старательно делающих свою работу.

Господин Д** прошел мимо, внимательно посмотрел на П**, но ничего не сказал.

«Да если бы и сказал! - подумал П**. - Плевать мне на него, он — мой сон».

До самого конца службы П** занимался тем, что перелистывал спортивный журнал и решал кроссворд в газете «Даген». Господин Д** еще несколько раз проходил мимо, останавливался каждый раз и подолгу смотрел на П**, но ничего не говорил. А П** просто наслаждался! Он специально выставлял напоказ свое ничегонеделание и один раз даже спросил у господина Д** название болотной птицы из пяти букв. Господин Д** удивленно поднял брови, дернул головой, но ничего не сказал. «Тупица! - пробормотал П**, вписывая в клетки кроссворда слово «кулик» - А какой, все же, замечательный сон!»

Лишь к концу дня он заметил, что газета помечена восьмым октября...

«Странно! - подумал П**, холодея. - Сегодня же только еще седьмое...»

«Нет! - спохватился он. - Седьмое было вчера!.. То есть сегодня... то есть... Седьмого я лег спать... Или — восьмого?..»

П** почувствовал себя сбитым с толку. Страх снова прокрался в его душу.

«Сплю я или нет, в конце концов? - пытал он себя. - Лежу я в постели у себя дома или сижу на своем рабочем стуле?»

Он изо всех сил уцепился за щеку и зашипел от боли. «Не сплю! - пронеслось в голове, и холодный липкий страх сдавил сердце. - Что-то теперь будет!.. Вот почему Д** так смотрел на меня!.. Уволят!.. Как пить дать уволят...»

Оставшийся до конца службы час он усердно работал и каждый раз, когда господин Д** проходил мимо, П** заглядывал ему в глаза, желая увидеть в них одобрение. Но господин Д** теперь словно и не замечал его.

Когда прозвенел звонок, извещающий о конце службы, П** последним покинул контору.

Придя домой, он без удовольствия поужинал, а потом налил стакан вина и уселся в кресло перед телевизором. Однако, он ничего не видел и не слышал. Одна и та же мысль сверлила его мозг: «Что-то теперь будет!.. Уволят, наверняка уволят...»

Вскоре он обратил внимание на странный звук, доносящийся из спальни. В общем-то, не было в этом звуке ничего странного — это был самый заурядный храп. Но кто бы мог храпеть в спальне П**? Ведь он жил один.

Дрожа, П** неуверенно подкрался к двери в спальню, приоткрыл ее на несколько дюймов и робко заглянул в комнату. От того, что он увидел, озноб пробежал по его спине...

Он, П**, лежал в кровати и спал самым глубоким сном, приоткрыв рот и громко храпя.

«Я сошел с ума!» - подумал П**.

«Да нет же, нет! Я сплю!» - спохватился он в следующий момент.

И тут П** проснулся.

Он повернулся со спины на бок, приоткрыл один глаз, чтобы взглянуть на часы и увидел... увидел чью-то голову, просунувшуюся в щель между приоткрытой дверью и косяком. П** жил один, поэтому первой мыслью было «Грабители!» Но присмотревшись внимательнее, он узнал собственное лицо.

«Ах да, я же сплю... - пронеслась спасительная мысль. - Мне это снится!»

Он снова закрыл глаза и продолжал спать...

«Странный все же сон! - подумал П**, осторожно прикрывая дверь. Он привалился к стене, постоял так несколько минут, потом вернулся в гостиную и там, один за другим, выпил два полных бокала вина. Это немного взбодрило его, но — увы! - не дало ясности мысли.

«Однако, где же мне теперь спать? - подумал он сердито. - Где мне спать, если этот господин устроился в моей кровати?.. Впрочем, я и так сплю...»

Около получаса П** ходил по гостиной из угла в угол и с каждым новым переходом походка его становилась все более неуверенной из-за выпитого вина.

«Нет, - думал он, - положительно это становится невыносимо! Почему я должен уступать свою кровать какому-то П**? Кто он такой, в конце концов,

чтобы спать в моей кровати! Если я — это я, а он — мой сон, то в кровати должен лежать я, а он пусть бродит здесь из угла в угол, если ему хочется... Ну а если он — это я, а я — его сон?.. Однако, как такое может быть?..»

Побродив от стены до стены еще полчаса и окончательно обессилив, П** упал в кресло и моментально уснул...

Через десять минут он поднялся, сел в кровати и устало потер глаза. «Снятся же всякие глупости!» - огорченно подумал он, обводя рассеянным взглядом спальню. Голову томила какая-то непонятная мутная тяжесть. Хотелось пить.

П** свесил ноги с кровати, на ощупь обул шлепанцы, встал и, заметно шатаясь, будто пьяный, почесывая грудь и кряхтя, направился в гостиную...

Только на обратном пути из столовой он заметил П**, задремавшего в кресле. Он подошел к спящему, пошатываясь, остановился рядом и стал рассматривать его.

«Странно, однако, - думал он, - до чего этот господин похож на меня. Впрочем, то, что он похож на меня, еще не дает ему права пить мое вино и спать в моем кресле... Мерзавец!.. Нализался и дрыхнет!..»

Непонятное (или — вполне понятное?) раздражение овладело П**. Выпитое вино лихорадило мысли.

«Разбудить его? - думал П**. - Или сначала связать потихоньку?.. А может быть... может быть, бутылкой его?.. по голове?... Или нет, нет, нужно вызвать полицию. Пока он спит, нужно вызвать полицию... Но что я им скажу?.. И что они подумают обо мне!.. Нет, какой, все же, дурацкий сон!.. А со службы меня конечно уволят, обязательно уволят...»

П** застонал, пьяно мотая головой.

«Зря, однако, я так напился, - подумал он. - Конечно, в таком состоянии я не могу вызывать полицию... Что же делать?»

Он обессиленно опустил на пол, положил голову на колени П** и закрыл глаза. Мягкая волна тут же подхватила его, закружила, укачивая, и понесла куда-то вниз, в бездну.

Тошнота подкатила к горлу, и чтобы прогнать ее, П** открыл глаза и выпрямился.

«Нет, вы посмотрите на этого наглеца! - подумал П**. - Он еще смеет класть мне на колени свою мерзкую голову! Мало ему пить мое вино, спать в моей постели и портить мою карьеру...»

В порыве гнева, не задумываясь, он схватил со столика полупустую бутылку и со всего размаха опустил ее на голову П**.

Пролитое вино замочило ему брюки. Он отпихнул от себя поникшего П**, вскочил, взял со стола газету и стал сушить ею брюки, оборачивая лист вокруг ноги.

Только когда газета уже окончательно промокла и рвалась под пальцами как промокашка, П** спохватился — ведь это была свежая газета, из дневной почты, которую он, возвращаясь со службы, машинально достал из почтового ящика и о

которой в ту же минуту забыл. Это был номер «Дагебладет». Дрожа от волнения, П** открыл первую страницу и прочитал: «вторник, 8 октября 1994 года».

«Значит, все-таки восьмое... - подумал он отрешенно. - Все-таки восьмое... Значит, Д** мне не снился...»

Он тупо уставился на мокрую и красную от вина газету...

Его внимание привлек броский заголовок, набранный крупным шрифтом: «Убийство в Больдесбю».

«Опять убийство! - подумал П**. - Жить становится невыносимо. Люди каждый день убивают друг друга...»

А глаза его уже неслись по строчкам со всей доступной для пьяных глаз скоростью.

«Сегодня утром в полицейский участок Больдесбю позвонил неизвестный и заявил, что он только что совершил убийство в доме №8-б по Хенриксгате. Жертвой, по словам убийцы, являлся некто П**, служащий фирмы «N&N». Дежурный сержант, принимавший это заявление, отметил, что звонивший вел себя странно: много и сбивчиво говорил, не к месту смеялся; в общем, как сказал сам сержант Ф**, «Он походил на самого обыкновенного чокнутого, из тех, что частенько звонят нам и признаются в совершенном кем-то другим убийстве».

Участковая служба связи зарегистрировала номер телефона, с которого поступил звонок. Как выяснилось, звонили из дома №8-б по Хенриксгате, т. е. с места совершения заявленного преступления.

Следственная бригада и полицейские из окружной патрульной службы, прибывшие по указанному адресу, обнаружили, что дверь закрыта изнутри, равно как и все окна. Так как на неоднократные звонки в дверь и звуки полицейской сирены дверь никто не открыл, ее решено было взломать.

Войдя внутрь, служащие обнаружили на полу, в одной из комнат, труп сорокалетнего мужчины, причиной смерти которого предположительно явился удар по голове, очевидно — бутылкой из-под вина «Эдембарн», которая валялась здесь же.

Никаких видимых следов постороннего присутствия в доме обнаружить не удалось. На бутылке имелись отпечатки пальцев только самого убитого, которым действительно оказался господин П**...»

П** не стал дочитывать до конца. Он брезгливо отбросил газету и рассмеялся коротким довольным смешком.

«Здорово я провел этих тупиц, - пробормотал он весело. - Вот уж им задачка не дважды два!...»

Он протянул, было, руку за номером «Вейкпост», но только покряхтел и схватил первую попавшуюся под руку папку, заметив вопросительный взгляд господина Д**.

Д** погладил указательным пальцем верхнюю губу, задумчиво покачал головой и произнес: «Какой вы сегодня странный...»

П** ничего не ответил, а только виновато улыбнулся, склоняясь над бумагами.

«Уволят! - застучало в голове. - Как пить дать уволят!...»

Такси обратно.

Глаза у него были совершенно невообразимого голубого цвета. Таких голубых глаз не бывает просто. Хотя нет, у детей такие глаза встречаются. Но не тогда, когда ребенок сидит на барабане посреди пустынной ночной улицы. Это был очень красивый барабан — огромный, красный по бокам, с золотистыми галунами (или как там называются эти веревочные штуки, натянутые по периметру?) и желтой лентой для надевания его на шею. Тут и там в его боках посверкивали золотистые же клепки, крепящие шнуры к стенкам.

- Зачем тебе барабан? - спросил я, заглядывая в его бездонные глаза

Он рассматривал свои ногти, матово поблескивающие в свете фонаря, когда я обратился к нему с моим несомненно глупым вопросом. Мой вопрос не меньше двух минут безответно висел в воздухе, прежде чем он осветил мое лицо голубым светом своих глаз. Это я так выражаюсь, красиво. На самом деле он не освещал моего лица, он просто посмотрел на меня. Его взгляд не выражал ничего. Ни любопытства, которое было бы закономерным в такой ситуации, ни удивления, ни интереса — ничего.

- Какой барабан? - спросил он через минуту.

- Ну как же, дружок, - удивился я вместо него. - Тот барабан, на котором ты сидишь.

Ребенок медленно и как-будто неуверенно перевел взгляд с моего лица на огромный барабан, такой огромный, что ноги мальчика едва доставали до мокрого, после недавнего дождя, асфальта.

- А, этот... - небрежно бросил он, снова поднимая взгляд на меня и, кажется, приготовившись к долгому раздумью.

- Да, да, этот! - подтвердил я, несколько, признаюсь, нетерпеливо. Есть у меня один недостаток — я бываю нетерпелив с детьми.

Взгляд мальчика стал на миг напряженным и даже, мне показалось, испуганным. Но только на миг, потому что в следующую секунду он широко улыбнулся.

- Это я трамвай жду, - ответил он просто, безинтересно и даже со скукой в голосе. - А его все нет и нет.

- А, - кивнул я.

Что-то показалось мне странным, но я так сразу не мог понять, что именно. Дошло же до меня только после того, как я мимоходом (или мимолетом? как лучше сказать? впрочем, и то и это неправильно, поскольку я не шел и не летел в тот момент, а просто стоял, наклонившись к странному мальчику с небесно-голубыми глазами)... В общем, дошло до меня только после того, как я случайно оглянулся по сторонам.

Во-первых, там, где сидел на барабане мальчик и стоял я, там просто не было трамвайной остановки. Во-вторых, по этой улице вообще не ходили трамваи. О

последнем, впрочем, мальчик мог и не знать, ведь ему было от силы лет десять или одиннадцать. Кроме того, он и вообще мог быть приезжим.

- А, - кивнул я еще раз. - А мама твоя знает, куда ты поехал?

Мальчик неуверенно пожал плечами, посмотрел зачем-то в один конец пустынной улицы, потом — в другой.

- Наверняка ей кто-нибудь сказал, - ответил он через минуту раздумий.

- А, - произнес я в третий раз.

Собственно, разговор можно было считать законченным, поскольку спросить больше было нечего. Да и взгляд мальчика, который он бросил на меня, не располагал к дальнейшим расспросам. В этом взгляде явно читалась усталость от моих, наверное, казавшихся ему глупыми и нудными, вопросов.

- Ей Джексон сказал, - вдруг добавил мальчик, поежившись.

Да, на улице было влажно, прохладно и неуютно. Сентябрьский последождевой поздний вечер запускал свои холодные пальцы даже и под мой теплый плащ, под которым были еще пиджак, жилетка и рубашка, плотно охваченная на шее галстуком. Что уж говорить о ребенке в легкой полу-растегнутой курточке поверх футболки. Несомненно, ему было холодно. Поэтому он и поежился.

- Джексон — это твой брат? - спросил я зачем-то.

По сути, мне нужно было не вести здесь пустой беседы с неизвестным мне мальчиком, а идти в издательство. Но сейчас я подумал, что совершенно напрасно отправился в издательство в половине двенадцатого ночи. Скорей всего, мой редактор уже закончил работу и уехал домой.

- Джексон? - между тем повторил ребенок это загадочное имя. Потом он снова пожал плечами и ответил безразлично:

- Не знаю.

Я несколько минут молча постоял рядом с ним, не зная, что делать дальше и в общем-то не имея больше интересных вопросов. Как и он недавно, я посмотрел в один конец улицы, в другой. Потом я посмотрел себе под ноги, соображая, как бы половчее распрощаться с мальчиком, так, чтобы не чувствовать себя обязанным задавать еще новые вопросы, на которые у него совершенно очевидно не было желания отвечать.

- Джексон, - повторил я машинально это дурацкое, зацепившееся за мой язык имя, постукивая по мокрому асфальту тростью.

- А вот и мой трамвай, - произнес между тем мальчик скучающим голосом, явно подавляя зевоту.

- Трамвай? - я посмотрел туда, куда был направлен его взгляд.

Там, в конце улицы, действительно показались из-за поворота две светящиеся фары.

- А какой номер ты ждешь? - поинтересовался я.

- Не знаю, - ответил он равнодушно. - А какой нужен?

- Ну это зависит от того, куда ты хочешь уехать, - терпеливо объяснил я.

- Мне нужно вернуть барабан, - сказал он и зачем-то постучал по инструменту кулаком.

На постукивание инструмент ответил утробным и чистым басом — словно вдруг проснувшийся циклоп.

Я немедленно достал из внутреннего кармана мою любимую записную книжку в кожаном переплете, с золотыми уголками и кнопкой. Щелкнув кнопкой, я вынул из специального кармашка в переплете небольшой карандаш, нашел чистую страничку и записал там: «Стук барабана на пустынной ночной улице напоминает утробный голос разбуженного циклопа (*Ciclops Vulgaris H.*)».

Удовлетворенный удачно найденным сравнением, я защелкнул кнопку и вложил записную книжку обратно во внутренний карман пиджака.

- А кому ты должен вернуть барабан? - обратился я к ребенку.

- Ну где же трамвай-то?! - произнес он с досадой, словно не слыша моего вопроса.

И правда, ф́ары, недавно появившиеся из-за угла, нисколько не приблизились к ним за прошедшее время.

- Действительно, - кивнул я. - Транспорт у нас ходит просто ужасно — когда вздумается и как вздумается. Им дела нет до нужд простых обывателей, им важен только их график.

- График, - повторил мальчик.

И потом еще раз:

- График...

Наверное, это было новое для него слово.

- График, - улыбнулся я ребенку, радуясь и завидуя тому, как же он, сам того не понимая, счастлив — ведь он познает родную речь.

- Какое противное слово! - вынес он между тем свой вердикт

Такой приговор разочаровал меня, и я даже хотел немедленно уйти. Но потом напомнил себе, что он всего лишь ребенок, а потому имеет право на ошибочные суждения.

А мальчик между тем еще раз постучал в барабан. Циклоп снова проснулся и обиженно пророкотал что-то нечленораздельное. Гулкое эхо затерялось где-то в стенах ближайших домов.

Словно приняв это за знак, светящиеся в конце улицы ф́ары чуть потускнели на секунду, затем вспыхнули с новой силой и стали приближаться.

- График... - произнес мальчик.

Потом замолк на минуту и вдруг громко крикнул:

- А-а-а!

На этот раз эхо оказалось значительно проворнее. Оно несколько раз ударялось о стены, перебегая туда-сюда, через улицу на нашу сторону и обратно, пока, наконец, не спряталось за зеленой изгородью третьего от нас дома.

Ф́ары приближались.

И тут я понял, что это и был циклоп. Да-да, два этих горящих глаза были глазами разбуженного циклопа, который сейчас медленно полз к нам.

- Ну наконец-то! - выдохнул ребенок.

А мне стало страшно. Но в следующую секунду я сумел обуздать мое ретивое воображение, успевшее за эту секунду набросать мне несколько самых ужасных картин: циклоп доползает до нас и пожирает мальчика; циклоп яростно стучит в барабан, который мальчик должен вернуть; циклоп находит спрятавшееся за зеленой оградой эхо мальчишеского голоса и убивает его, втаптывая в асфальт, на котором, под его мощными ступнями, образуются выбоины и трещины...

Наверное, я задремал, и все это мне приснилось. Потому что когда я сумел вырваться из плена охвативших меня картин (фантазий? снов?), трамвай стоял уже возле нас.

Впрочем, нет, разумеется, это был не трамвай. Ведь трамваи совершенно определено не ходили по этой улице. Здесь даже и рельс-то никогда не было. И ни одной трамвайной остановки даже.

Да, это был не трамвай. Это было такси.

Усатый водитель в сомбреро с минуту рассматривал меня и мальчика на барабанах, а потом, решив, видимо, что мы все-таки никуда не едем, вернулся к своему прерванному занятию. Он достал откуда-то спицы с начатым вязанием и принялся шустро работать пальцами. Спицы на удивление быстро замелькали в его руках, поблескивая в свете ближайшего фонаря. Он весьма неплохо поднаторел в вязании на спицах, и было видно, что это занятие доставляет ему немалое удовольствие и поглащает его целиком.

Вдалеке, на площади, начали бить часы. Даже сюда, на эту дальнюю улицу, удары доносились довольно громкие и отчетливые. Что же было говорить о самой площади, где вокруг часовой башни тесно сгрудились дома. Их жители сейчас прикинули, наверное, к окнам и отсчитывают удар за ударом и следят за огромными стрелками, заползшими в полночь.

Я тоже невольно принялся отсчитывать удары. Как я понял, мальчик на барабанах занялся тем же.

О! Из стоящего рядом с нами такси тоже донесся размеренный баритон водителя:

- Ше-с-с-сть!.. Се-е-м-м-мь!.. Во-о-сем-м-мь!..

- Де-е-евять! - произнес я нараспев.

- Де-е-сят!.. - пропел мальчик неожиданно чистым мелодичным дискантом.

- Один-над-ца-а-ать!.. - понизил таксист голос до баса.

- По-о-олночь!.. - провозгласил я с последним ударом.

Но удар оказался не последним. Часы продолжали бить.

- Так бывает, - ответил из машины таксист на мой недоуменный взгляд. - Часовщик опять забыл смазать механизм.

- Механизм, - повторил мальчик. - График...

А часы между тем продолжали бить.

Ребенок теперь занялся тем, что сопровождал каждый удар курантов ударом в барабан: «Буммм!.. Буммм!.. Буммм!..»

Надо было отдать ему должное — у него довольно неплохо получалось попадать в ритм боя часов, он почти не ошибался, не опережал его и не отставал.

Мне вдруг стало грустно. Слушая этот двойной бой, я очень остро ощутил, как уходит в никуда время, я буквально почувствовал, как из меня по капле вытекает жизнь.

Все бы ничего, но часы не остановились и после двадцать четвертого удара (на что я втайне надеялся; в смысле, что они все же остановятся), а продолжали уверенно громыхать дальше.

- Ну все, - произнес таксист весело и с шаловливой улыбкой, - загадывайте. Сколько жить осталось.

- У нас так многие гадали, - пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд в его сторону. - И еще ни разу часы не ошиблись. Кто будет загадывать?

- Я! - поднял руку мальчик совсем как на уроке в классе, прежде, чем я успел что-нибудь произнести.

- Давай! - ответил таксист, приостановив свое вязание и приготовясь считать удары.

Словно послушавшись его, часы, которые на время умолкли, сделали первый удар.

- Раз! - произнесли мы хором.

Наши лица застыли в ожидании следующего удара. Но удара не последовало. Его не было ни через секунду, ни через две, ни через десять...

- Все, стало быть, - рассмеялся таксист, обратившись к ребенку. - Немного же тебе осталось, малыш!

Он, улыбаясь, покачал головой и вернулся к своему вязанию.

Мальчик совсем не расстроился, как можно было бы ожидать. Вместо этого он стал размеренно бить в барабан, соблюдая ритм боя часов и считая удар за ударом. Вслед за ним принялся считать водитель. К нему присоединился и я.

Лишь когда ребенок досчитал до ста, он остановился.

- А иди-ка, хлопец, садись! - позвал его таксист, открывая заднюю дверь машины. - Зазяб совсем, наверное.

Мальчик, который действительно выглядел очень замерзшим, немедленно покинул свое место на барабане, забрался на сиденье такси и захлопнул дверь.

Только теперь я почувствовал, насколько устали мои ноги от долгого стояния на месте и предыдущей продолжительной прогулки.

Я нарочито громко постучал тростью об асфальт, пытаюсь привлечь внимание водителя к своей персоне. Но он шевелил губами — видимо, отсчитывая петли вязания, и был чрезвычайно погружен в свое занятие.

Я с грустью подумал, что мне предстоит провести остаток ночи на темной и холодной сентябрьской улице. Но делать было нечего, не просить же, в самом деле, таксиста пустить в машину и меня.

Впрочем, я довольно быстро нашел выход из положения. Я занял еще не остывшее место мальчика на его барабане. Сидеть ведь гораздо теплее, чем

стоять. А мой теплый плащ, поверх костюма, жилетки и рубашки с галстуком, не позволит ветру обглодать мою плоть. Ведь самое страшное — это ветер, а не холод сам по себе. Тем более, что сентябрь выдался довольно-таки теплым.

На барабане сидеть было весьма удобно — мои-то ноги вполне себе доставали до асфальта. Я сложил руки на набалдашнике трости, положил на них голову и стал смотреть на моих спутников («собеседников» мало подходит. может быть, - компаньонов?).

- Эй, не спите! - окликнул меня водитель со смехом.

Наверное, я и правда задремал, чем и насмешил таксиста. Во всяком случае, в конце улицы я заметил удаляющуюся от нас парочку. Мимо машины он прошли, должно быть, не меньше десяти минут назад. Значит, я действительно спал.

Чтобы согреться, разогнать сонный озноб и саму сонливость, я воскликнул:

- А вот посмотрим-ка, сколько осталось мне!

И стал размеренно бить кулаком в барабан, стараясь соблюдать ритм часов на башне, и отсчитывая каждый удар.

Мальчик сначала, кажется, заинтересовался моим гаданьем, но уже на третьем или пятом ударе зевнул и отвернулся. Наверное, ему хотелось спать. Да, он согрелся в теплой машине и его клонило в сон. Водитель же такси вообще никак не реагировал на мою игру — он был слишком занят своим вязанием.

На шестьдесят четвертом ударе мне стало страшно. Я не предполагал прожить такую длинную жизнь. Поэтому я перестал бить в барабан. Вместо этого я достал из внутреннего кармана свою любимую записную книжку в кожаном переплете с золотыми уголками, отстегнул кнопку, взял из специального кармашка маленький карандаш и записал чуть ниже сделанной недавно записи о циклопе: «Не бей в барабан, если не уверен, что тебе это нужно». Потом я закрыл книжку, аккуратно застегнул кнопку и вернул свое богатство на место — во внутренний карман пиджака.

Только тут я обратил внимание, что та парочка, которую я видел в конце улицы удаляющейся от нашей компании, возвращается. Они были уже не более чем в двух десятках метров от нас. Может быть, обратно они шли быстрее.

Ничего особенного нельзя было сообщить об этой паре — пара как пара, самые обычные люди: мужчина в светло-коричневых, почти желтых, ботинках и такого же возраста женщина, о которой нельзя было бы даже твердо сказать, красива она или нет. Она шла рядом со своим спутником, держа его под руку и склонив голову ему на плечо. Вероятно, они просто прогуливались перед сном, во всяком случае, не было никаких оснований заподозрить их в чем-либо нехорошем.

Через пару минут они поравнялись с машиной и остановились напротив, на другой стороне улицы. Там они принялись яростно о чем-то перешептываться. Как я ни пытался по выражению их лиц понять, о чем идет речь, сделать этого я не смог. Лица их абсолютно ничего не выражали. Женщина стояла все так же

склонившись головой на плечо своего спутника. Он положил свою голову на ее пышную прическу.

Наконец, их диалог закончился и они перешли дорогу, приблизившись к такси со стороны водителя. Тот, словно и не видя их, продолжал вязание. Я заметил теперь, что его заготовка значительно увеличилась в размерах за последнее время. По форме изделия невозможно было догадаться, что же именно водитель вяжет, можно было только предположить, что — сомбреро.

Подойдя к машине, пара постояла с минуту, словно не зная, что делать дальше. Потом мужчина слегка наклонился к окну водителя.

- Отвезите нас домой, - попросил он.

Таксист ничего не ответил, он был слишком поглощен своим вязанием и возможно даже не слышал обратившегося к нему мужчину.

Тот неуверенно повернулся к своей спутнице, словно прося помощи. Она немедленно наклонилась к окошку водителя и произнесла с волнением в голосе:

- Нам очень нужно быть дома через пять минут. Жанна, наверное, уже плачет. И молоко все выкипело.

Я встал и подошел к машине с другой стороны, встав от нее на таком же расстоянии, на каком стояли мужчина и женщина.

- Простите, что вмешиваюсь, - обратился я к ним. - А кто это — Жанна?

Женщина смеряла меня неприязненным взглядом и, кажется, даже фыркнула то ли сердито, то ли недоуменно. Мужчина успокаивающе погладил ее по плечу и мягко произнес:

- Ну что ты так нервничаешь, Машенька... Ведь этот господин не с умыслом спрашивает, он не собирался тебя оскорбить. Просто он не знает, о ком ты говорила.

- Ведь так? - обратился он уже ко мне.

- Да, да! - горячо подтвердил я. - Разумеется! Я не имел намерения как-то вас задеть. Просто... Просто мне стало интересно... Жанна... Кхм...

Я совершенно покоробился, запутавшись в словах.

- Это вас не оправдывает! - сурово произнесла женщина.

- Да, - согласился я, - конечно, я понимаю... Простите меня... Видите ли, я... Как бы это сказать... Дело в том, что я писатель и... и мне все интересно о совсем даже незнакомых мне людях... Поэтому... Поэтому я...

- И это вас тоже не оправдывает! - произнесла она все так же холодно.

Я подумал, что наверное, эта женщина просто видит во мне конкурента в очередь на такси и оттого так строга со мной. Ведь я же действительно никак не собирался ее задеть.

- Я не хочу ехать на этом такси! - заверил я ее на всякий случай.

- Это правда? - произнесла она уже теплее, и я похвалил себя за проницательность.

- Чистейшая правда! - подтвердил я радостно и горячо.

Она совсем оттаяла и даже улыбнулась мне.

Но в это время передняя дверь машины, с моей стороны, открылась и я увидел обращенное ко мне удивленно-возмущенное лицо таксиста.

- То есть как это?! - воскликнул он, откладывая свое вязание. - То есть как это вы не хотите ехать?! А ради чего же я, скажите на милость, стою здесь уже битый час? Ваш мальчик сидит у меня в машине. Я и счетчик давно уже включил.

- Да, но... - попытался возразить я.

- Что же это вы, а?! - осуждающе покачал головой таксист.

- Но это не мой мальчик, - возразил я.

- Какой подозрительный тип, - донесся до меня шепот женщины, направленный в ухо ее спутнику. Тот лишь молча кивнул, но взгляд его, обращенный на меня, сразу стал суше, строже, колющее, неприязненное.

- Отвезите же нас, домой, - сказал он, обращаясь к таксисту.

- Такси занято, - ответил водитель, даже не оборачиваясь к мужчине. Глаза его были обращены на меня.

- Еще и лгун! - произнесла женщина осуждающе и уже так громко, чтобы я слышал. - А говорил, что не хочет ехать.

- Да, - закивал я, - я действительно не хочу...

- То есть хочу, - поправился я, чтобы не обидеть таксиста, - но... мне некуда сейчас ехать... я направляюсь в издательство.

- Мой барабан! - напомнил мне мальчик с заднего сиденья. Кажется, он задремал, но наш разговор разбудил его. - Не забудьте барабан!

- Да, конечно, - кивнул я, делая шаг обратно к барабану.

Но я не успел. Потому что женщина, проявляя совсем не женскую прыть, очень быстро обежала машину и уселась на инструмент, на мое, еще не остывшее, место. Усевшись и оправив платье, она победно взглянула на меня.

- Вам что, - пояснила она свое поведение, - вы-то сейчас уедете. А нам еще битый час сидеть тут и ждать трамвая.

- График, - сказал мальчик, высовываясь в окно такси.

А спутник женщины, выказывая полную с ней солидарность и распрощавшись со своей робостью, почти уверенным шагом обошел такси и тоже присел на краешек инструмента, рядом с ней.

- Но позвольте, - возразил я. - Я не могу уехать без этой вещи.

- Так не езжайте, - равнодушно пожала плечами дама.

- Не езжайте, - как это повторил ее спутник.

- Но вы же прекрасно понимаете, что я должен ехать, - попытался я убедить их, налегая на «должен». - Меня ждет такси, видите?

С последними словами я повернулся к машине, так, чтобы мое «видите?» было одновременно и обращением к водителю: вот, посмотрите, не я виноват в том, что вам приходится ждать.

Парочка равнодушно посмотрела на машину, на лицо шофера, уже начинавшего терять терпение, на барабан, на меня.

- Наверное, следует вызвать полицию, - произнес таксист угрожающе.

- Да, - согласился я. - Будьте любезны, сообщите им по рации.

- У меня нет рации, - ответил водитель, снова принимаясь за вязание. Наверное, он совсем отчаялся уехать сегодня с этого места.

- Как же это у вас нет рации?! - удивилась дама. - То есть, если с пассажиром что-то случится, вы не сможете даже известить кого следует?

- Ужас! - последовал тихий взглас ее спутника.

- Да как же можно ездить в нашем такси! - продолжила возмущаться женщина. - Что за разгильдяйство! Куда смотрят власти?! Даже в такси гражданин не может чувствовать себя в безопасности!

- У меня есть рация, - пояснил шофер. - Просто она сломалась.

- А, - вздохнула женщина уже успокоенно.

- Вот видите, - обратилась она ко мне, - у него все же есть рация, зря вы волновались.

- Совершенно напрасно, - подтвердил ее спутник.

Действительно, мне стало намного спокойнее. Я даже почувствовал себя уютно на этой неудобной улице. Все же безопасность жизни значит для простого обывателя, вроде меня, очень много.

Меня подспудно тревожила только одна мысль. Вернее — две. Во-первых, мне надо было ехать. Во-вторых, я не мог уехать без барабана, а значит мне следовало как-то выручить мой барабан.

Между тем, эта пара, кажется, совершенно не собиралась идти на мировую. Они поудобнее устроились на инструменте, прижались друг к другу. Дама закурила длинную сигарету, положив голову спутнику на плечо. Он снова, как и ранее, положил свою голову на ее прическу.

На их лицах отображалось полное умиротворение, словно иначе как сложившись головами (ну а как еще выразить? не расписывать же еще раз, как они клали свои головы: она на плечо спутнику, а тот — сверху на ее голову), сидя на чужом барабане посреди ночной сентябрьской улицы, они просто не могли существовать.

Раздался сигнал, который был так резок и неожиданен, я бы даже сказал неуместен посреди этой идиллии, что я подпрыгнул на месте.

Как я тут же понял, это таксист нажал на клаксон — то ли случайно, то ли желая таким образом поторопить меня.

Но как тут же выяснилось, этот резкий сигнал не был случайным. Таксист наклонился к дверце с моей стороны и смотрел на меня нетерпеливо и осуждающе.

Нужно было что-то делать. Нельзя было больше ждать, пока эта парочка надумает покинуть барабан, да и надеяться на это было бы по крайней мере смешно. Они совершенно очевидно не собирались уходить, пока не придет трамвай. Вновь уснувший и теперь разбуженный клаксоном мальчик тоже выглянул в окно. Его небесно-голубые глаза смотрели на меня, кажется, тоже с укором.

Но что я мог сделать! Не стаскивать же мне, в конце концов, эту милующуюся парочку с барабана силой! Да я и совсем не был уверен, что дама не даст мне достойного отпора. Что касается ее спутника, то с ним я бы, наверное, справился. Но перед этой женщиной я почему-то робел. К тому же, я так и не выяснил, кто такая Жанна.

- Послушайте, - вдруг обратилась ко мне дама. - А куда вы едете? Быть может, мы уедем вместе с вами?

Такой возможности я не предусмотрел, но сейчас она мне понравилась — это был шанс поднять их с барабана.

- А куда мы едем? - спросил я у таксиста, который давно уже вернулся к своему занятию. Его сомбреро (то, которое он предположительно вязал, а не то, которое было у него на голове) увеличилось в размере еще больше.

- Обратю, - буркнул он, не отрываясь от вывязывания петель.

- Обратю, - повернулся я к даме. - Такси едет обратю.

- Вам надо обратю? - спросил я с надеждой через мгновение.

- Обратю? - переспросила женщина. - Обратю...

На минуту она, казалось, погрузилась в раздумья. Следя за ее выражением лица, я то воспрянул (или как там еще несовершенный вид от воспрянуть?) духом, то падал в пропасть тревоги.

Наконец дама утвердительно кивнула и воскликнула:

- Да, конечно же! Как же я могла забыть... Конечно, нам нужно обратю, да.

- Дорогая, прости, - взмолился ее спутник, - у меня совсем вылетело из головы, что нам нужно обратю.

Они одновременно встали с барабана и направились к машине. Подойдя, они взялись за ручки дверей, дама — у передней, ее спутник — у задней.

- Куда вы? - спросил шофер, не глядя на них, не отводя глаз от вязания. Его пальцы мелькали так, что их невозможно было рассмотреть.

- Обратю, - ответила дама.

- Но вас здесь не было, - возразил таксист.

- А где же мы, по-вашему, были? - удивилась дама.

- Где? - поддакнул ее спутник.

- Там, - кивнул водитель на барабан, не оставляя работы.

Опасаясь, что они сейчас вернуться и снова займут мое место на моем барабанае, я сделал быстрый прыжок к нему и уселся.

Потом я достал из внутреннего кармана мою любимую записную книжку в кожаном переплете, с золотыми уголками и кнопкой. Щелкнув кнопкой, я вынул из специального кармашка небольшой карандаш, нашел чистую страничку и записал там: «Не спеши обзавестись барабаном, если не уверен, что сумеешь сохранить свое место на нем».

Но мои конкуренты, кажется, не собирались возвращаться

Хлопнули двери машины.

Послышалось мягкое рычание двигателя.

Такси медленно тронулось с места и, набирая скорость, двинулось в сторону площади.

Уж не знаю, как им удалось так быстро склонить на свою сторону водителя — буквально за какую-то минуту, пока я записывал мысль. Но факт оставался фактом — такси уже скрылось за поворотом. А я остался один сидеть на моем барабане...

- Хватит! - обрывает меня доктор. - Вы сумасшедший, вы опять все перевернули с ног на голову в вашем больном воображении. Вы безумец.

- Что есть безумие? - возражаю я философски и чуть иронично. - Безумие, друг мой, - это лишь иной взгляд на реальность. Выражаясь вашим языком, это вставание на голову. А вставание на голову — не лучший ли способ заглянуть под юбку реальности?

- Бред! - восклицает он горячо. - Бред! Вы больны.

- Мы все больны, - мягко успокаиваю я. - Кто-то более, кто-то менее. Вот вы, например, - более.

- Бред... - произносит он уже без надежды. - У вас шизофрения.

- Как смело вы ставите диагноз, доктор! - улыбаюсь я. - Не мне же рассказывать вам, профессору психиатрии, что нет такой болезни как шизофрения.

- Глядя на вас, я начинаю думать, что есть, - парирует он. - Вы меня утомили... Закончим сеанс.

- Как скажете, - соглашаюсь я, рассматривая рукав рубашки. - Но помните, доктор: такси обратно не будет.

- Он бросает на меня взгляд, от которого мне хочется взять лежащий в столе нож для бумаги и этим ножом отрезать ему ухо. Но я сдерживаю свой порыв. Все-таки я силен, я опять победил доктора.

- Санитар! - зовет он, словно прочитав мои мысли.

- Ау! - иронично улыбаюсь я. - Успокойтесь, доктор, вы же прекрасно знаете, что он не придет. Никогда больше санитар не придет на ваш зов.

- Ну так позовите же его! - взмаливается он. - Пока я окончательно не сошел с ума.

- Разумеется, доктор, - соглашаюсь я. - Не смею вас больше задерживать.

На мой зов приходит массивный санитар.

- Проводите доктора в палату, - говорю я ему небрежно. - Хлорпромазин, полтора, атропин и аспирин внутривенно... Да, и не давайте ему витамины!.. Он от них волнуется.

Когда санитар уводит доктора, я достаю из внутреннего кармана пиджака мою любимую записную книжечку в кожаном переплете с позолоченными уголками и кнопкой. Отстегнув кнопку, я беру из специального кармашка коротенький карандаш, нахожу чистую страницу и записываю: «Реальность — это такси в безумие».

Перечитав эту фразу несколько раз, полюбовавшись аккуратным красивым почерком, я дописываю чуть ниже: «Безумие — это такси в реальность?».

Потом я вкладываю карандаш обратно в кармашек, защелкиваю кнопку и прячу записную книжку во внутренний карман пиджака под белым халатом.

Немного ослабив галстук, я несколько минут просто сижу, прокачиваясь в удобном кресле и не о чем не думая.

Потом встаю и иду в маленький кабинет, позади большого. Там я открываю шкаф, в котором стоит большой красный барабан с желтой лентой и галунами (так ли это называется? так и не знаю), и несколько раз размеренно бью по натянутой коже инструмента.

«Буммм!.. Буммм!.. Буммм!..» - ворчит спросонья разбуженный циклоп (*Ciclops Vulgaris H.*).

Хитрый стул

«Безумие — это реальность, которая существует вне нашего восприятия»

Он опять, опять обманул меня! Он хитер, да, он дьявольски хитер! Когда я так неожиданно оглянулся, он скромно стоял позади меня — старый венский стул красного дерева, изготовленный мастером Берле Якобсоном из Эгрё в 1877 году. Он просто насмеяется надо мной!

День за днем длится наша упорная борьба. И каждый раз я остаюсь в дураках. Он, этот хитрец, этот демон, всегда успевает принять вид самого обычного, скромного, без претензий, стула. Вот и сейчас... Я испробовал новую тактику. Придя к завтраку, я выдвинул его из-под стола, поставил позади себя, чуть левее, и затеял ссору с Эвелин (это моя жена). Я начал выговаривать ей за то, что она положила в суп клецки. Я попытался напрочь забыть о стуле, я сосредоточился, я полностью сконцентрировался на произносимых мною резких фразеах в адрес жены, я весь ушел в ссору, но внутренне, где-то в глубинах моего сверхчувствительного мозга, я был остро напряжен — я ждал. И вот, в тот момент, когда, как мне казалось, демон потерял бдительность, я вдруг резко обернулся...

Он скромно стоял позади меня — старый венский стул красного дерева. Он упорно не хотел поддаваться на мои уловки и открыть мне свою сущность. Раскрасневшаяся жена порывисто встала из-за стола и выбежала из столовой, бросив: «Ты просто несносен!» Маргрета, моя пятилетняя дочка, смотрела на меня, приоткрыв рот и приплюснув нос ложкой. Я чертыхнулся, сердито пихнул моего врага и ушел в свой кабинет — есть мне уже не хотелось.

Мы с Эвелин купили этот стул на аукционе, года два назад, за сорок пять тысяч. Сначала все было хорошо — этот хитрец медленно и аккуратно вживался в мою семью, входил в доверие. И он умудрился на какое-то время обмануть даже меня. Но потом я стал замечать, что этот стул совсем не таков, каким кажется. Едва я поворачивался к нему спиной, как по коже моей сразу пробежал липкий холодок страха. Едва я садился на него (он принадлежит мне, главе семьи), как душа моя давала трещину и я чувствовал, что только одна половина меня остается сидеть во главе стола, на этом стуле, другая же — переходит в другое измерение, в иной мир, таинственный и странный. Я чувствовал, как некий демон разевает за моей спиной пасть, готовясь поглотить меня, отправить меня в свои огненные внутренности. А быть может, позади меня разверзлся бездонный провал, черная дыра, способная в один миг перебросить меня на другой конец вселенной, на планету Зальфир, где огромные оранжевые гваллины охотятся на зеленых мух комболинги и пожирают их вместе с алмазными крылышками. А иногда — я это чувствовал — он превращался в огненный трон Великого

Каббалиста, и тогда спину мою обжигали языки адского пламени и поцелуи ведьм. И каждый раз, предвидя, что вот сейчас я оглянусь, он успевал превратиться в старый невинный венский стул.

Несомненно, он умеет читать мои мысли и мне никогда, никогда не удастся перехитрить его. Но я не оставляю своих попыток, я буду повторять их снова и снова, пока не увижу его истинное лицо; и неважно, последует ли за этим смерть или новая, вечная, жизнь; ужас или радость открытия...

В кабинете я выкурил сигару, чтобы хоть немного успокоиться и привести себя в рабочее состояние. Потом сел за стол.

Мой труд подходил к концу. Я писал историю первой эры Майалинги и уже дошел до последнего похода масакеров на восток и до восстания гоблинов. Мне предстояло дать анализ происхождения слова «майалинги», в основе которого, как я установил, лежит древний рабаданский корень «майала», означающий «закат», и более позднее среднебаттийское «ллинги» - «на восходе солнца». Я предвидел, что мое толкование вызовет бурные научные дебаты в кругах историков и лингвистов по всему миру, и эта перспектива возбуждала меня, делая мой слог легким и быстрым, а мысль — отточенной как баттийский клинок. За каких-нибудь двадцать минут я написал четыре страницы и поставил точку на том, как корабли масакеров были разбросаны по всему Асмаденскому морю злой богиней Эльвингой, покровительницей туканов.

Я собрался было начать следующую главу, но мне вдруг ужасно захотелось Эвелин. Я попытался перебороть это никчемное желание и настроиться на рабочий лад, но ничего не получалось — перед моим мысленным взором стояли ее розовые трусики.

Я бросился в гостиную, но не нашел там жены. Тогда я ураганом ворвался в столовую и чуть не закричал от восторга — Эвелин была там. Они с Маргретой закончили завтрак и теперь пили чай с десертом. Дочурка что-то весело болтала, а жена, моя любимая супруга, рассеянно смотрела в окно. Она тоже думала обо мне! Я бросился к ней, обнял ее за плечи и покрыл поцелуями ее шею.

- Я услышал твой мысленный призыв! - воскликнул я в полном восторге. - Я здесь, любовь моя!

Но супруга отстранилась от меня и взгляд ее был полон удивления и даже, как мне показалось, - досады. В последнее время я часто замечал такое выражение в ее глазах. Оно раздражает меня, но сейчас я решил не обращать на него внимания и быстро расстегнул верхние пуговицы ее блузки, торопясь ощутить под ладонью упругость ее божественной груди.

- Йоган! - воскликнула она. - Мы в споре... Йоган... Ты с ума сошел!

Я не слушал ее, я сдавил пальцами ее левую грудь, другой рукой поднимая вверх подол платья.

- Маргрета... - тихо произнесла жена. - Не при ней же!..

Ах черт! Я совсем не обратил внимания на присутствие дочери.

- Иди, поиграй, - велел я ей.

Дочь, удивленно и испуганно наблюдавшая за нами, встала.

- Дай ребенку попить чаю, - раздраженно сказала жена, пытаясь оправить поднятый мною подол. Но я уже касался пальцами ее теплых шелковистых трусиков и был готов стерпеть подобный тон, который все же был сейчас неуместен.

- Но я хочу тебя, - возразил я как можно мягче. - Здесь и сейчас!

Я подхватил жену на руки и упал на стул, усаживая ее к себе на колени, покрывая поцелуями ее полуобнаженную грудь.

- Йоган... - сопротивлялась она. - Йоган, подожди... Давай поговорим... Нам нужно поговорить... Йоган!.. Последнее время ты...

Трусики были не очень прочными и я легко разорвал их, чувствуя как все сильнее закипает во мне страсть. Но жена вдруг резко оттолкнула меня, вырвалась и отскочила, поставив перед собой стул. В глазах ее мелькал, кажется, гнев, и блестели слезы. Такой она нравилась мне еще больше и мое желание возросло до просто бешеной страсти...

Но тут я увидел стул, которым она отгородилась от меня, и резко обернулся. Я отчетливо увидел два гнутых витых рога за своей спиной, такие же, как не шлеме Великого Каббалиста. Но едва я увидел их, как они тут же исчезли, превратившись в спинку венского стула красного дерева...

Вот! Вот!! Вот!!! Я поймал его! Я увидел! Вот!

Сейчас он меньше всего ожидал, что я повернусь и — попался.

Я вскочил, чувствуя, как по груди и животу разливается холодок ужаса.

- Есть! - воскликнул я. - Ты видела, видела?!

Жена непонимающе смотрела на меня, а дочь испуганно оглядывала стул.

- Он здесь! - кричал я. - Здесь!

- Кто? - спросила жена.

- Этуран Туканский, - пояснил я, - повелитель оранжевых троллей, Великий Каббалист, магистр ордена Бреатурийских всадников, Отражение Черной Луны.

Жена быстро отступила на шаг, словно боялась, что я сейчас брошусь на нее, и взяла на руки дочь, которая вдруг заплакала. А я протянул к магистру руку, ладонью вперед, как требует ритуал, и произнес по-тукански заклятие:

- Элла бо наммин, элла бо сунна, элла бо тлинги, махи Этуран!

Но было поздно, поздно! Он опять успел ускользнуть от меня! В сердцах я схватил со стола соусник и запустил им в стул.

Жена с дочерью на руках выскочила из столовой.

- Я видел тебя, видел! - кричал я магистру. - И я все равно одолею тебя! Я не позволю тебе проникнуть в этот мир, чертов колдун! Элла бо наммин, элла бо сунна... Ты хитер, магистр, ты очень хитер, но, как видишь, я тоже кое-что могу. И я одолею тебя! Я отправлю тебя в Желтые Земли, в бездну Магдатукана. Там атуранги закуют тебя в кандалы и бросят твой огненный трон в море, а мне — поставят памятник из чистого наггата.

Я плюнул в магистра и ушел в свой кабинет. Меня всего трясло и я никак не мог успокоиться. Около получаса я обессиленно провалился в кресле и успел за это время выкурить две сигары.

Едва я немного успокоился и собрался задремать, как услышал за дверью шаги и голоса. Один голос был голосом моей жены, других я опознать не мог.

- Он здесь, - тихо произнесла жена за дверью.

- Да, я здесь, - сказал я слабым голосом. - Кто там, Эвелин?

Дверь открылась и в кабинет вошли двое мужчин в белом. Едва они появились в кабинете, как я сразу почувствовал озноб, пробежавший от затылка до поясицы, как струйка холодной воды. Это были они, да, да! Это были они! Я понял это по их напряженным взглядам. Бреатурийцы!.. Они приближались ко мне, а я был безоружен.

- Добрый день, местер Хедсвальд, - сказал один спокойно и тихо. - Что случилось?

- Эттале, та бреатури! - крикнул я. - Эттале каме сунна!

Они приближались, понимающе переглядываясь. Я не мог пошевелиться, я чувствовал скованность и слабость во всем теле.

- Успокойтесь, местер Хедсвальд, - сказал второй. - Мы ваши друзья, мы поможем вам.

За дверью появился третий, тоже — в белом. В руках он держал странный серый балахон. Наверное, именно такие балахоны надевают на пленников Кертаниона, прежде чем отдать их полохам, которые удобно устроятся на шее жертвы и будут высасывать из нее все соки, медленно, долго, бесконечно долго.

- Вы пришли за мной, - сказал я обреченно, понимая, что Великий Каббалист опередил меня, что я проиграл, что все кончено. - Пришли...

Они подошли совсем близко.

Я поглубже вдохнул и крикнул в последний момент:

- Но вы не получите меня!

И бросился на них.

Борьба была недолгой, я был слаб, а их — трое. В одну минуту они повалили меня на пол и ловко запеленали в балахон так, что я не мог и пальцем пошевелиться, а только яростно болтал ногами, которые оставались свободными.

- Давно это с ним? - спросил один из всадников у жены.

- Не могу сказать, когда это началось, - ответила она. - Но заметно стало около года назад... И все хуже, хуже...

- Коварная Эвелинга, покровительница туканов! - крикнул я ей. - Так это ты, ты предала меня в руки мучителей масакеров!

За спиной богини я увидел Маргрету, испуганно глядящую то на меня, то на Эвелингу, то на бреатурийцев.

Всадники поставили меня на ноги, вывели из кабинета.

- Мама, - услышал я голос дочери, - а папа вернется?

- Вернется, девочка моя, - ответила богиня. - Он скоро вернется.

- Я боюсь, - сказала Маргрета.

- Ничего, моя маленькая, не бойся, - успокаивала ее коварная Эвелинга.

- Я боюсь того рогатого дяди...

Наступила минутная гробовая тишина.

- Какого... какого дяди? - произнесла покровительница туканов.

- Того, что прятался за спиной у папы, когда ты сидела у него на коленках.

- Маргрета! - воскликнул я. - Маргрета, ты видела его?!

- Не говори глупостей, моя милая! - зашипела богиня.

- Да, - настаивала дочь. - У него были кривые рога, и желтые глаза, и красный плащ, и палка в руке...

- Магистр! - провозгласил я. - Да, это был он — Отражение Черной Луны!

Один из всадников злобно дернул меня и толкнул к двери. Я успел услышать как Эвелинга шлепнула дочь и что-то сказала ей повелительно. А дочь заплакала, повторяя: «Он злой, злой! Он хочет убить папу!»

Бреатурийцы вытолкали меня за дверь и потащили к лифту. Впихнув мое спеленатое подобно мумии тело в кабину, они довольно рассмеялись.

- Всегда с ними так, - сказал один по-тукански.

- Ничего, - ответил второй, - теперь дело пойдет на лад.

- Девчонка тоже видела, - задумчиво вставил третий.

- Дойдет очередь и до нее в свое время, - усмехнулся второй.

Маргрета?! Моя дочка?! Нет!

Я закричал, подпрыгнул как можно выше, больно ударившись при этом о крышу кабины, и что было сил рухнул на пол лифта в надежде, что канаты не выдержат и мы сорвемся вниз, в пропасть, в бездну Огалла. И я увидел, как в руке одного из всадников мелькнул короткий, серебристый, не длиннее двух пальцев, туканский кинжал.

- Сейчас я успокою его, - сказал он, хватая меня за руку...

ЦВЕТЫ ДЛЯ СОНИ

– Ну что смотришь? – спросил Иван, глядя в грустные собачьи глаза. – Жрать хочешь?.. Я тоже, брат, хочу. Так хочу, что хохочу. У нас ведь оно как: вчера ничего не ели и сегодня вчерашнее подогрели. Так что ты лучше иди, иди по добру по здорову, не вводи в искушение... Слышь, Чебурек, тебе говорят. Иди! Ты хоть и тощий и блохастый, а все же живность. Так что давай, не смущай.

Он мягко оттолкнул собачью морду, встал и, крикнув, поднял на плечо свой аккордеон. Чебурек – грязно-рыжая лохматая дворняга – сделал несколько шагов в сторону и замер в раздумьях. Он колебался: идти ли ему за Иваном, или попробовать пробежаться до рынка. Что-то подсказывало ему, что от Ивана толку сегодня будет мало. С утра над городом повис мелкий противный октябрьский дождь. А в дождь, известное дело, много не заработаешь. Если и выходит кто в такую погоду, в выходной-то день, так разве что пьянчуги – за опохмелом, – да те немногие бедолаги, которым все одно где пропадать.

Иван махнул на Чебурека рукой и пошагал вперед по Ходячей. Шел он уверенно и твердо, так, будто точно знал, куда и зачем идет. А между тем пребывал он в полной растерянности. Осень – вот она, наступила-таки. С опозданием большим, – за что ей огромное спасибо, – однако же наступила. Лето, с его парками, водной станцией, городской площадью и гуляньями допоздна – закончилось. Лето – благодатная пора. Летом, бывало, и по пятьсот рубликов можно было наиграть за день. Был год, – Иван навсегда его запомнил, – когда за один только летний месяц он почти десять тысяч наиграл.

Осень и зима – вот это швах. Это две убийцы. Зимой, понятно, много не поиграешь: в морозец так пять-десять минут и все – пальцы слушаться перестают. И не посидишь опять же долго – ни ватники, у сторожа этажом выше купленные, не спасают, ни валенки. Подогрев изнутри помогает, так ведь на него ж еще заработать надо сначала. Осень и того хуже. Осенью главное условие не соблюдается: проходимость. Отсутствует людской поток, а с ним отсутствуют и денежки. Осенью нужно перемещаться в такие места, куда люди волей-неволей приходят: на рынок, в церковь, на вокзал, к цирку, на крайний случай – к аптекам или к универмагу. Но тут другой фактор в действие вступает – конкуренция. На рынке появляться – это вообще здоровьем не дорожить. Черножопые, те ладно, те ничего – ну прогонят, в крайнем случае пинка дадут. Но у них можно и сигарет выпросить, а то и бутылку – они хоть и горячие, но не злобные и не жадные как наши. А вот охранникам, церберам, попадешься – по морде получишь обязательно. Ну а хуже всего – конкуренты. Не сами, конечно, просители, а их хозяева. Эти, если прищучат, то уволочут куда-нибудь в укромное место и будут бить долго и жестоко. Убить могут или покалечить. Ему, Ивану, по пальцам один раз били арматурой – предупреждали для первого раза.

Повезло – один только палец и сломали, спасибо, что не все, а то бы закончилась его карьера, если и не навсегда, так надолго...

У церкви тоже все места давно поделены. Там Архидьякон (кличка такая) давно свои порядки установил. Сезонный билет даже осенью полторы тысячи стоит плюс сто рубликов ежедневно, независимо от выручки. И никаких тебе долгов: не рентабелен – пошел долгой с паперти!

Вокзал... Там Коля Хромой. А Коля Хромой – это вам не Архидьякон. Он билетиков не продает и бесед душеспасительных не ведет. Чуть что не так – можно ведь и под электричку попасть.

Вот и остаются тебе прочие общественные места вроде цирка, универмага да разных других забегаловок. Там смотрящий в крайнем случае по морде треснет разок, если процента не наберешь. Однако, в тех местах и наработать что-нибудь трудно, ох трудно.

Аккордеон тянет плечо...

Аккордеон – это иваново все. Это единственное, что позволяет ему выжить. Спасибо, земной поклон матери, которая когда-то отдала его в музыкальную школу, заставила его там учиться, долбила его нещадно и не пускала на улицу, заставляя целыми днями и вечерами гонять гаммы, ругалась из-за этого с соседями, плакала перед учителями, вымаливая прощения для своего разгильдяя... Спасибо! Пришло время, и Иван понял, что такое музыка. Инструмент понял. Себя понял. И заиграл. Да как заиграл!..

Когда те, на рынке, прижали его за гаражами и один из них достал нож, Иван испугался. Но испугался он не за себя – он инстинктивно потащил аккордеон дальше за спину. А те Ивана-то резать и не собирались для первого раза. Они хотели инструмент покалечить.

– Давай сюда свою шарманку! – приказал тот, с ножом.

– Это зачем же? – насутился Иван.

– Слышь, чудовище, ты борзой, что ли? – оскалился второй, тот, что был с арматурой. – Нам ведь и кишки твои на перо намотать – тоже не вопрос. Давай лучше музыку. Мы гармошку твою покалечим, для порядку, и разойдемся на первый раз.

– Не дам, – ответил Иван холодея.

– Может кончим его? – предложил первый.

– Утихни, Бес, – огрызнулся второй. И ласково обратился к Ивану:

– Слышь ты, чучело, ты не догоняешь, что по нитке сейчас ходишь? Ты, кнопкодав, на чужую территорию залез со своей гармошкой, а значит – должен быть наказан. Мы не шибко злые, ты на Беса не гляди, лютовать с первого раза в правилах не держим. Мы тебя накажем чуток, морально, и – ходи дальше, куда шел.

– Инструмент не дам! – отрезал Иван, ища глазами в куче мусора, чем бы можно было отмахнуться.

– Значит, хочешь лично ответить? – прищурился Бес.

– Лады, – подытожил второй. – Твое слово.

Драка была не долгой. Вернее, ее и вовсе не было. Иван один раз только оттолкнуть Беса успел и – все: ему аккордеон беречь надо было. Они хлестким ударом по лицу свалили его, и Бес быстро оказался у Ивана на спине, крепко прижал его к щебенке.

– Руки ему держи! – скомандовал второй.

И пока Бес держал ивановы руки, прижимал их к земле, второй беззлобно, деловито и размеренно молотил своей арматурой Ивану по пальцам, по кистям, по запястьям – куда попадал.

В довершение они по паре раз пнули его, бросили ему на спину арматуру, сплюнули и ушли.

С тех пор Иван рынок далеко обходил. И только по крайности, когда уж совсем было туго, появлялся там. Сначала он долго ходил вокруг да около, выглядывая «пастухов». Потом подходил к какому-нибудь охраннику, помоложе и не шибко злому на вид, и пробовал договориться. Иногда удавалось выпросить себе полчаса-час относительного спокойствия, но чаще пацаны требовали хорошую предоплату. Оно и понятно: им тоже никакого резона нет подставляться и со своими ссориться...

Дождь моросил и моросил. Похоже, он зарядил на весь день. Хорошо, что куртка – с капюшоном. Улицы конечно же были пусты. Надежды на хоть какой-нибудь заработок сегодня – каплями стекали по старенькой болонье и падали под ноги. А есть хотелось – ужас как. Еще больше хотелось выпить. Вчера Ивану только и удалось что наиграть себе на омерзительный беляш да стакан отвратного кофе в привокзальной закусочной. Потом, в распивочной, какой-то выпивоха угостил его полустаканом водки да блюдцем салата, за «Степь да степь кругом...».

Иван хорошо пел. Он был не только мастером, виртуозом даже, по части аккордеона, но и голосом обладал сочным и трогательным. Его любили слушать. Платить не очень любили...

Дойдя до трамвайного кольца, Иван свернул налево и, перейдя дорогу, ступил на тихую аллею, которая вела к церкви. В его намерения не входило идти именно к паперти. Видимо, Господь Бог повел его туда...

Любят люди списывать на Божье Провидение свои побуждения и поступки, которых объяснить не в силах...

В такую погоду и в такую рань можно было не опасаться встретить у церкви смотрящих Архидьякона. Часа на два спокойной работы можно было рассчитывать смело. Другое дело, что и на заработок надежды были более чем призрачны.

Не доходя полсотни метров до церковной ограды, Иван увидел два силуэта, которые в эту рань уже дежурили в аллее. Какой-то дедок на костылях начал истово креститься, едва завидел Ивана. Дед был Ивану не знаком и тоже не знал музыканта и надеялся, наверное, что подадут. Напротив него, на расстеленной по

мокрому газону клеенке сидела девочка. Девочку эту Иван знал немного. Впервые он увидел ее здесь же, у церкви, месяца три назад. Было ей лет тринадцать, не больше. Была она не по-детски тиха, задумчива, даже серьезна, неразговорчива и пуглива. Одной руки у нее не было – вместо руки была культя до локтя. Вторая рука – видно искалечена, потому что управлялась с ней девочка не очень хорошо. Ее тонкое, будто прозрачное от какого-то внутреннего света, очень миловидное, такое детское и в то же время такое серьезное личико и ее тягостное положение редко оставляли прохожих равнодушными – ей всегда хорошо подавали.

Когда Иван впервые увидел ее, когда немного узнал о ней, его сердце словно прокололи вдруг тонкой горячей иглой – такая жалость, злость на треклятую жизнь, нежность к ребенку и безнадега им овладели. Иван говорил с Соней все время, пока стоял у церкви, а вечером, – пьяный, злой и беспомощный – валялся на кровати в своей провонявшей вечным перегаром от водки и табака комнаты и плакал навзрыд, бил в бессильной ярости кулаками в стену, матерился и богохульствовал...

Отец ушел, когда Сонечке пошел второй год. Мать, работавшая учительницей в сельской школе и любившая непутевого сониного отца больше себя самой, продержалась недолго. Жизнь пошла наперекосяк. Она начала пить и спилась очень быстро – как сгорела. Вот был человек и – нет его. Года через три она стала жить с каким-то зеком. Жили (вернее – пили) на то, что удавалось ему своровать и перепродать, на то, что удавалось ей выпросить. Отчим очень скоро отказался кормить Соню, сказав, что этой «хлебалке» пора бы уже и самой зарабатывать. Соню стали возить в город – просить. Получалось хорошо – ведь жалостливых людей много. Но отчим, пересчитав заработанные матерью и Соней гроши, только матерился и все чаще повторял, что лучше бы девочке родиться уродом или калеккой. Мать поддакивала, спяну била девочку и лезла к отчиму целоваться, что всегда заканчивалось дракой.

Наконец однажды, отчим предложил матери как-нибудь покалечить девочку, так, чтобы выглядела она пожалостливее. «Да ты ***улся! – закричала мать. – Убью за мою доченьку!».

Однако потом, после литра самогона, купленного у бабки Скорчихи, она согласилась с доводами своего сожителя, согласилась, что живет им нелегко, а могло бы жить лучше. Вдвоем они сгребли спящую Соню с развалюхи-кровати и вынесли во двор. Ничего не понимавшая девочка заплакала – ей хотелось спать. Мать, когда пьяна, была скорой на расправу – она хлестала девочку по щекам и орала «Убью, гадина! Заткнись, сука! Всю жизнь ты мне испоганила!». Она так ярилась, что даже отчим, который ходил в сарай за топором, шикнул на нее и отвесил затрещину. Потом он велел ей положить сонину ручку на чурбак, валявшийся тут же, а лицо ей накрыть подолом, чтобы не видела.

Хоть и был он пьян, но ему хватило одного удара. Соня даже и крикнуть от боли как следует не успела – потеряла сознание.

Когда рука девочки вдруг оказалась где-то в стороне от тела, на земле, мать протрезвела. Она, выпучив глаза, широко открыв рот, повалилась на колени и взвыла.

«Заткнись, курва! – прикрикнул на нее отчим. – Люди сбегутся, огребемся тогда по полной»...

Да нет, никто бы, наверное, не сбежался. Соседи давно привычны были к воплям и пьяным дракам, которыми заканчивался каждый день на этом дворе...

Он, разойдясь, примерился уже рубануть и по второй руке (хотя сначала решено было отрубить одну), но мать, увидев новый взмах топора, кинулась на него, вцепилась зубами ему в ляжку, схватилась судорожно за непотребное место. Рука его одернулась, и удар пришелся совсем слабо; да и неудобно ему было рубить – ручка-то сонина близко к голове лежала, боялся он зарубить ее нечаянно насмерть. В общем, удар вышел слабый и неточный. Топор только рубанул слегка, наискось, поперек запястья. Ошалевший от боли и злости зек махнул топором уже на визжавшую сожительницу. Удар пришелся чуть ниже поясницы, но она, кажется, даже не заметила его. Она изо всех сил вцепилась ногтями в его пьяную оскаленную рожу, кусала и била его почем зря. Потом метнулась к лежавшей без сознания, истекавшей кровью девочке, подхватила ее на руки и с воплями «Убиилии!» понеслась по улице. Отчим с искромсанным лицом, с повисшей полуоторванной губой, с красным от крови топором в руках бросился за ней...

Соня выжила. Успели врачи ее спасти. И ручку вторую спасли, хотя и осталась ручка покалеченной – только два пальца на ней нормально действовали, а остальные чуть что отказывались работать и лишь дрожали слабой мелкой дрожью.

Отчима посадили. В дом сначала зачастила комиссия – хотели мать лишить родительских прав, а Соню забрать в детский дом, да только что-то у них не заладилось, и служебного рвения им ненадолго хватило. Далеко было им ездить из города в Коротаевку, несподручно. А мать, приходя к Соне в больницу, все время плакала, просила прощения, божилась, что пить больше не будет, что вот-вот устроится на работу. И действительно, она не пила еще целый месяц или полтора после того как Соню выписали из больницы, подрабатывала в школе уборщицей. А потом...

Семь лет прошло с тех пор. Все эти семь лет Соня ездила в город – просить. Сначала мать тоже ездила с ней, но потом совсем запила. Да и толку от нее в деле не было никакого. А Соня каждый день привозила ей деньги; ни одного дня не было, чтобы девочка осталась без заработка. Пастухи Архидьякона смотрели на нее сквозь пальцы, не трогали, не цеплялись. Даже у этих выродков находилось что-то в их ущербных душах для тихой Сони. Говорили, что один из этой своры как-то по пьяному делу пытался нехорошее с девочкой сделать, так его на другой день нашли в отвале за железной дорогой, со вспоротым животом. Думали на Архидьякона. А милиция ничего не нашла... Да и нужно оно было милиции очень...

Год назад мать сонина пропала. Бог весть, что с нею стало. Когда Соня вернулась однажды из города, матери дома не оказалось. И все. С того дня никто ее и не видел...

– Здравствуй, Сонюшка, детка, – поздоровался Иван, приблизившись к девочке.

– Здравствуйте, Иван Алексеевич, – ответила она, улыбнувшись ему одними глазами из под капюшона огромного недетского дождевика.

– Не подают что-то нонеча совсем, – прокряхтел дед с другой стороны аллеи. – Нет никого, чтоб те пусто было.

Иван только небрежно кивнул в его сторону.

– Как дела твои, Сонюшка? – Иван присел рядом с ней, заглядывая под капюшон, ласково прикасаясь к ее плечу.

– Да слава Богу все, – ответила она. – Только дедушка правду говорит – совсем худо сегодня. Нет людей совсем. Хоть и рано еще, а все равно не то, что обычно.

– Осень, детка, – поморщился Иван. – Осень проклятая наступила.

– Нет, осень не проклятая, – покачала она головой. – Осень – добрая. Я люблю осень.

– Значит, к тебе она добрая, – согласился Иван. – Это хорошо.

– А к вам? – спросила она.

– Ко мне... У нас с ней взаимная нелюбовь, – улыбнулся он.

– А разве бывает взаимная нелюбовь? – удивилась она. – Я думала, только любовь бывает взаимная.

– А нелюбовь тогда какая? – снова улыбнулся он.

– Ну-у... не знаю, – она пожалала плечами. – Обоюдная, наверное. Но взаимной она быть не может. Взаимно ведь – это когда два человека друг другу что-то хорошее делают; ну как бы займы дают и отдачи не требуют.

– Философ ты маленький, – он погладил ее по щеке, едва касаясь, любясь ее задумчивым взглядом, чувствуя как в сердце подергивается, трепещет и бьется неведомое ему отцовское чувство.

– А лето ты любишь? – спросил он.

– Конечно! – встрепенулась она. – Кто же не любит лето! Летом людей много всегда на улице бывает, подают хорошо.

Боже, Боже! Как несправедлив ты бываешь, как жесток!..

– Ну а что ты еще любишь? – спросил он, отворачиваясь, чтобы она не видела его взгляда. – Ну больше всего?

– Больше всего? – повторила она. – Больше-больше?..

– Ну да, вот больше-больше-больше всего.

Она задумалась, почесала себе искривленным нездоровым мизинцем кончик носа.

– Не знаю... – ответила медленно. – Ну наверное, конфеты шоколадные... и... и цветы.

– Цветы...

– Да, вот эти, такие большие, белые, с пышными головками такими, и лепестков – много-много... Не знаю, как называются... А еще бывают белые с желтым, и белые с розовым...

– Хризантемы? – подсказал он.

– Хризантемы... – повторила она, словно прислушиваясь к названию, пробуя его на слух, любуясь. – Да, наверное хризантемы... Такие красивые цветы обязательно должны так красиво называться.

– А хочешь, я спою тебе? – предложил он. – «Что такое осень»... Или... Или... «Танец маленьких утят»?

Она оживилась, улыбнулась даже.

– А вы мне лучше стихи какие-нибудь расскажите, – попросила. – Я люблю стихи слушать. Я иногда сижу-сижу здесь, мечтаю о чем-нибудь... И у меня стихи иногда в голове получаются...

– А о чем стихи, Сонюшка? – спросил он осторожно.

Она смутилась, опустила голову.

– Не хочу говорить, вы смеяться будете.

– Ну что ты, детка! – с жаром возразил он. – Никогда не засмеюсь над тобой, моя хорошая, обещаю!

– Ну-у... разные стихи получаются, – произнесла она тихонько. – Иногда смешные, иногда грустные очень, так, что самой плакать захочется...

– Да-да, – покачал он головой. – Так бывает...

– Расскажите мне стих какой-нибудь, – снова попросила она.

– Стих... – задумался он. – Стих... Прости, солнышко, я ведь детских-то стихов и не знаю совсем... Пару песен знаю, а вот стихов... У меня ведь детей-то никогда не было...

– Что ж вы так... – произнесла она. – Взрослый уже совсем, а детей нет.

– Вот как-то так – смутился он и виновато улыбнулся. – А ты знаешь... Ты знаешь, я всегда дочку хотел...

– Жениться надо было, – сказала она наставительно. – Была бы вам дочка.

– Да, – кивнул он. – Только вот как-то...

– Ну ничего, – добавила она, успокаивая. – Вы ж еще молодой совсем, какие ваши годы. Женитесь, заведете себе детей – дочку и сына. Будете жить-поживать да добра наживать...

– Спасибо, милая, – поблагодарил он. – Только ты знаешь, я никогда это выражение не любил: «завести детей»... Звучит как-то... Заводят собачек, кошечек, рыбок аквариумных...

– Ну ладно, – согласилась она. – Родите себе детей и будете жить-поживать... Только вы их не бейте никогда. Даже если они что-то ну очень плохое сделают, вы их все равно не бейте, ладно? Обещаете?

– Обещаю, – еле выдавил он, проглатывая комок, невесть откуда взявшийся в горле.

- Да, только вам нужно за ум взяться сначала, – продолжала она.
- Это как же, маленькая? – удивился он.
- Я вас много раз пьяным видела, – пояснила она.
- А... – растерялся он. – Ты об этом... Ну это, видишь ли... Я возьмусь за ум,

конечно...

Дедок напротив, который от нечего делать давно уже прислушивался к их разговору, хрипло закашлял, захекал и захрюкал.

- Смышленная девчонка, – похвалил он.
- Соня... Сонечка... – Иван не знал, как ему начать.
- Ну? – отозвалась она.
- Ты вот что... Ты ведь одна живешь, я слышал...
- Одна, – кивнула девочка.
- Трудно тебе...

Она пожала плечами.

- Вы стихи обещали рассказать...

- Да-да, спохватился он. – Конечно... Не знаю, что бы тебе прочитать... Ну...

Ну разве что вот это, как раз к случаю... Называется «Дождик»...

- Дождик, – повторила она.

Он помолчал с минуту, вспоминая давно заброшенные, почти уже забытые рифмы. Потом прочитал:

Дождь над городом пролился,
Дождь по крышам пробежал,
В переулке порезвился,
Мне в окошко постучал.

Посмеялся над прохожим,
Под крыльцо загнал кота.
Стал на сорванца похожим,
Напевая "тра-та-та".

А потом, насупив брови,
Отчего-то загрустил
И всплакнул на полуслове -
Как малыш - смешон и мил.

Солнце, выглянув из тучки,
Стало дождик утешать;
Тихо взяв его на ручки,
Стало слезки вытирать.

Вот вздохнув, смешно надувшись,
Дождь похныкал... Перестал...
И, по-детски улыбнувшись,
Вдаль по лужам убежал...

– Вот, – закончил он.

Соня задумчиво улыбалась.

– Хороший дождик, – произнесла она. – Веселый. И добрый. Не то что наш, – кивнула она на небо. – А кто эти стихи придумал?

– Их я сочинил, Сонюшка. Давно.

– Правда?! – восхитилась она. – Здорово! Хорошие стихи у вас получаются!

– Ну не то чтобы... – почему-то смутился он.

Дед между тем раскурил вонючую сигарету, закашлялся глубоко, сипло, с бульканием и присвистом.

– Бросать тебе надо, дед, это дело, – сказал ему Иван.

– Это какое, милоч? – не понял тот.

– Курить тебе надо бросать – помрешь ведь.

– Помру, – кивнул старик. – А что ж...

– Сонечка, а... а ты хотела бы в городе жить? – спросил Иван осторожно.

– Нет, – ответила она почти не задумываясь.

– Почему?

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Я в деревне привыкла.

– Да конечно! – вставил дед. – Знамо дело, кто ж свой дом на город променяет. Тяжко в городе – дышать нечем. Люди как чужие все али обиженные друг на друга ходят. Сло́ва никому не скажи – облают.

– Так ведь трудно одной, – настаивал Иван.

– А я не одна, – ответила девочка просто. – Баба Аня мне помогает.

– Кто это – баба Аня?

– Соседка. Постирать или печь истопить она всегда поможет.

– Ну соседка – это... Это же посторонний человек... Печь истопить... В городе вот ее и топить не надо... А хочешь, мы... с тобой...

– Ну что, граждане попрошайки, – произнес чей-то голос за его спиной, – как успехи?

Менты...

И как же они их проворонили. Ведь как из-под земли выросли прям. Участковый, местный видать, и с ним два шкета совсем в затасканной форме не поразмеру. Солдатики, наверное, из милицейского батальона, с Прохоровской. Ну ладно, они с Соней заболтались, но дед-то куда смотрел!.. Эх, хрыч старый, слепой, наверное, совсем. Ну теперь жди беды... Если бы местные менты или один участковый, так они бы возиться не стали. А эти, солдатики, они молодые да злые, им план сделать надо, чтоб вечером в казарме не ответить перед стариками-то. Пиши пропало...

- Соня, - повернулся капитан к девочке. - Ты бы шла отсюда, а.

- Не лезь к девочке, кэп, - набычился Иван. - Она-то тебе что?

Удар справа, со стороны одного из щеглов, неожиданным был, только поэтому Иван и сложился пополам, теряя дыхание. А так слабенький был ударчик. Что этот задохлик восемнадцатилетний, метр с кепкой, сделать мог. У него и кулачонко-то с воробья размером. Неожиданностью взял.

- Ну ты это, как тебя, - захрипел на солдата участковый.

- Сержант Сенцов, - пробубнил солдафон.

- Ты это, сержант Сенцов, - наставительно выговорил капитан, откашлявшись, - ты давай-ка, чтоб никаких телодвижений без команды. Всосал?

- Так точно, - нахохлился шкет.

- Лады. Этого и старика берите, ведите в опорник, - распорядился участковый. - Только без эксцессов.

- Может не надо, капитан? - отдышавшись уже, взмолился Иван. - Прошу тебя, как человека, не надо. Мы уйдем, сгинем, а?

Рядом пыхтел и кашлял старик, дышал хрипло, астматично.

Заморыш потащил Ивана за рукав. Иван прям всем затылком, кожей и волосами ощущал, какая злость исходит от этого гаденыша. Если бы не участковый, утащили бы и запинали.

Участковый Ивану ничего не ответил. Обернулся только, посмотрел секунд несколько, словно задумавшись, потом махнул рукой, буркнул «Ведите» и отошел к Соне.

Вот плохо было то, что Иван не на своей территории. Участкового этого, капитана, он видел пару раз, но знаком с ним не был, ни разу не сталкивался. Плохо было то, что менты патрульные тоже не местные, не городские. С теми-то можно договориться — побалагуришь, анекдот похабный стравишь, сыграешь им мурку или «Владимирский централ» по дороге — они и отмякнут. Не злобные они и за бомжами-попрашайками не гонятся, если только уж совсем не припрет их план. А эти воины — они вцепляются как бультерьер в добычу, без разбора, и уже не отпускают. Ни анекдоты не помогут, ни «У солдата выходной», ни балагурство. Глаза у них стеклянные, бездушные и бездумные — то ли после дозы, то ли от недоедания и недосыпания. Псы, одно слово. Единственная была надежда — на то, что участковый сейчас порешает с Сонечкой и догонит, не оставит щеглов одних на маршруте...

Но этого не случилось. Участковый не догнал. А два эти выродка, запершись в опорном пункте, глумились над Иваном и стариком долго, холодно и бесчувственно, без азарта. А когда мент без азарта бьет, он же не пар спускает. Так бы спустил пар и — все, отошел, остыл. А тут получается, что просто глумится ментеньш, изощрается — от скуки ли, от забитости своей, от ненависти ли ко всем вокруг за то, что ему службу тащить приходится, а не девок щупать по общагам, напившись и обкурившись допреж.

А Иван, пока лежал на полу, пристегнутый к трубе, корчась и охая под пинками кирзовых берцов, все думал о Соне. И потом, пока ментеныши курили, стяхивая не него пепел, он думал о девочке и о цветах, которые должен ей купить.

А потом один из шпанцов взялся за его аккордеон. Иван дернулся, но наручники не позволили ему даже встать дальше, чем на колени. Так он и стоял, замерев, не дыша, глядя как ментеныш тычет по кнопкам и клавишам, раздвигая меха, заставляя инструмент издавать никчемный набор звуков. Второй комментировал матерно упражнения первого и хихикал мерзопакостно. Старик, вместе с которым Ивана забрали, тоже был бит, хотя и менее жестоко. Теперь он лежал в углу как куча ветоши и постанывал тихо и редко.

Потом два эти шибздика принялись обсуждать, сколько может стоить аккордеон, если толкнуть его на барахолке. Иван холодел и подрагивал при одной мысли о том, что менты действительно могут оставить его без инструмента.

Наконец, договорившись о чем-то, они отстегнули его от трубы и велели:

- Вали отсюда, чмо.

- Аккордеон, - промычал Иван разбитыми губами.

- Чё? - сплюнул первый шибздик, который был злее, который первым ударил Ивана еще при участковом. - Ты чё, чмырь, о***вший, совсем нюх потерял, что ли?

- Инструмент отдайте, - набычился Иван. - И старика отпустите, на кой он вам.

Он поймал летящий к его лицу кулачок легко и непринужденно, успев мысленно похвалить себя за сохранившиеся навыки. Остановив ментовскую ручонку блоком левой, правой Иван несильно, но быстро и резко врубился в эту зловонную перекошенную мордашку, в эти вытянутые трубочкой губы, в эти суженные мерзкие скользко-серые глазенки, в этот пупырышек-нос. Голова мента дернулась и полетела к стене, увлекая за собой враз утратившее координацию движений тело. Второй, кажется и сообразить ничего не успел, так неожиданна, невозможна и непредсказуема для этих уродцев была иванова выходка. А когда сообразил, потащил из колечка на поясе резиновую палку.

Вот же дурень-то! Сразу видно, что щегол неопытный, неученый - просто мясо для настоящего ухаля. Для того только и нужны такие, чтобы забулдыг по лавкам собирать да бомжей гонять, а на что серьезное эта шпана совершенно не годится, поскольку любой, самый задохлый, того же Архидьякона, ухаля урочет обоих этих пацанов в секунду.

Ментеныш свою палку и до середины дотащить не успел - Иван основанием ладони неторопясь, хорошо прицелясь, ладно засадил ему по скуле. Щегол брыкнулся на пол и затих рядом со стариком, который безучастно глядел на все происходящее. "Помрет старик скоро..." - успел подумать Иван, прежде чем всадить ногой по морде поднимающемуся с пола первому. Тот захрюкал,

захрипел, повалился и, скуля от боли, стал уползать под стол, собираясь, наверное, отлежаться там от иванова гнева. Но Ивана еще не отпустило. Он шагнул к ментенышу и несколько раз отдуши пнул его, особо не разбирая куда. Потом быстро нацепил на себя аккордеон, поднял старика в охапку и вывалился с ним из опорника.

Он оставил деда в одном из дальних тихих дворов на Транспортной. Он бы утащил его обратно до церкви, но несподручно было - старик совсем ослабел, обмяк и почти не передвигал ног. Оставил его Иван на скамейке в твердой уверенности, что больше никогда живым его не увидит.

Очень беспокоило было Ивану, пока он окольными дворами, через Бекетовскую и Кирова, пробирался к трамвайному кольцу. Беспокойно от того, что вступил он в конфликт с властью в лице двух этих п****нышей, что преступил он некую грань, за которой кончается его более или менее спокойная жизнь и начинается новая - неизведанная, беспокойная, нервная и, наверное, короткая, которая теперь и гроша ломаного не стоит. Не забудут два эти выродка Ивана никогда, а участковый при желании всегда сможет его найти в этом городе. А значит, одна теперь дорога у Ивана - прочь из этого города, в поля, "в деревню, в глушь, в Саратов"...

Но не мог же он, в самом деле, уйти и оставить им инструмент. Кто он, что он без своего аккордеона? Да ничто - тьфу...

На углу Комсомольской он кое-как умылся в луже почище, доковылял до цветочного ларька и долго стоял, безнадежно вглядываясь в ценник возле пышных белых цветов. По шестьдесят рублей штучка стоили хризантемы. Сто восемьдесят рублей - это ж целое состояние, это только весной-летом можно наиграть столько часа за три-четыре, да и то если погода хорошая, да и то если повезет очень, да и то возле рынка или на привокзальной площади. А сейчас где их взять? Все, что было с утра у Ивана - это два потрепанных червонца в брючном кармане, да и те остались в опорнике, у ментов.

Несколько минут Иван рассматривал еще и киоскершу - бледную худую барышню, - пытаясь по лицу угадать, можно ли у нее выпросить хоть один цветочек в долг. Но нет, судя по всему, дамочка была не склонна к благотворительности, не смотря на всю свою хрупкость и томную бледность.

В тоске он дошел до Космонавтов и там завернул в пивнушку. Он и сам для себя не мог бы объяснить, зачем он зашел в это совершенно чуждое безденежному человеку место. Может быть, он просто замерз и подсознание заставило его найти теплое место. А может быть, сам Господь Бог снизошел с небес, чтобы принять посильное участие в ивановой судьбе.

Пивнушка, не смотря на послеобеденное время, была совершенно пуста. Только за одним столиком, у самой стойки, у окна, одиноко стоял какой-то мужик перед двумя кружками, одна из которых была уже пуста, а вторая - едва почата. Когда Иван вошел в провонявшую кислятиной забегаловку, мужик сразу

махнул ему рукой с зажатой меж пальцев сигаретой - так махнул, словно его только и ждал, словно они заранее условились о встрече в этом значном месте.

Иван недоуменно пожал плечами, собираясь присесть на низкий подоконник, отдохнуть да погреться, но мужик не унимался. Он снова призывно махнул рукой и позвал:

- Эй, земля, давай сюда.

- Да я так, - смущенно отозвался Иван, едва справляясь с распухшими губами и прикрывая ладонью явно раздувшуюся щеку.

- Давай, давай, - настаивал незнакомец. - Ходи на моя сторона.

Иван нехотя поднялся и приблизился к мужику. Тот, вглядываясь в иваново лицо, присвистнул и покачал головой.

- На шпану нарвался, что ли? - спросил он.

Иван только кивнул неопределенно. Ну не рассказывать же первому встречному, что он уложил в опорнике двух ментов.

- Да, братан, нынешняя шпана - это ого-го... Зверьки. - Посочувствовал мужик.

Он помачал рукой в сторону стойки и минут через пять, пока Иван курил предложенную им сигарету, матерая буфетчица принесла и поставила на стол две кружки пенного напитка.

- Угощайся, старик, - кивнул мужик на кружки. - И рассказывай.

- Что рассказывать? - спросил Иван.

- Ну вообще, - пожал тот плечами. - Как до жизни такой докатился.

- До какой "такой"? - насупился Иван. - Нормальная у меня жизнь.

- Да я ж не говорю, что она у тебя ненормальная, - примиряюще улыбнулся иванов угощатель.

Был он уже в возрасте, за сорок ему точно было. Нетороплив и, кажется, обстоятелен. Не алкаш на вид, не бомжеват нисколько, одет не с иголочки, конечно, но вполне себе прилично - в солидном черном плаще с белым кашне. И курил не какую-нибудь там "Приму", а - нормальную "Яву". И смотрел на Ивана без излишнего любопытства, без настороженности и без особой приязни, которая, в силу своей необъяснимости, выглядела бы подозрительно.

- Нормально докатился, - ответил Иван, отхлебывая пива. - Медленно, но верно.

- Угу, - кивнул собеседник. - Это понятно, что медленно. Иначе бы вид другой был.

- Какой? - поинтересовался Иван.

- Затравленный, - пояснил мужик. - А ты в себе уверен. Значит, пообвык уже, пообтерся; значит, без неожиданностей все случилось... Меня Николаем зовут.

Иван назвал. Не хотелось, но вежливость обязывала. Не врать же и не от-малчиваться перед человеком, чье пиво ты сейчас пьешь.

- Играешь? - спросил мужик, кивая на аккордеон у Ивана за спиной.

- Нет, просто так, поносить взял, - ответил Иван нарочито грубовато, как разговаривал всегда, когда предчувствовал дилетантские рассуждения о музыке или просьбы "сбацать что-нибудь".

- А Брукнера можешь? - спросил собеседник, не обращая внимания на иванову грубость.

Иван дернулся недоуменно, посмотрел удивленно мужику в глаза, покачал головой.

- Я заплачú, - спохватился тот.

- Да не, - помотал головой Иван. - Не в этом дело. Не умею я Брукнера.

- Жаль, - задумался тот, прихлебывая пиво.

- Люблю Брукнера, - добавил он через несколько минут молчаливого питья, сопровождаемого лишь ивановым сопением из покореженного и забитого спекшейся кровью носа. - Жена у меня очень его любила и меня приучила... Может и не саму музыку его люблю, а... Память о *ней* люблю, может...

- Ушла? - вежливо полюбопытствовал Иван, чтобы поддержать беседу.

- Ушла, - кивнул собеседник. - В мир иной и, как говорят, лучший, чем этот... Как думаешь, не врут?

- А хрен его знает, - пожал плечами Иван. - Везде хорошо, где нас нет... А как там на самом деле, кто его знает... Давно ушла?

- Ну да, - согласился Николай. - Не знает никто, кроме хозяина... Да уж год как. Вот в этот день и ушла. Так что ты, считай, на поминки попал.

- Любил ее? - произнес Иван скорее утвердительно, чем вопросом.

- Любил, - кивнул собеседник. - Очень жалко ее было. Так жалко, что чуть руки на себя не наложил... Пока она угасала, - болела она долго, - так я думал: сдохнуть бы вот сейчас, раньше, чем все случится, чтоб не видеть, не мучиться...

Помолчали.

- О тебе пожалеет кто-нибудь, когда ты уйдешь? - спросил Николай.

Иван пожал плечами.

- Понимаешь, старик, - вздохнул собеседник, закуривая и кладя пачку перед Иваном, - я думаю, что жизнь надо прожить так, чтобы было кому сожалеть о твоём уходе. Вот если найдется хоть один, совсем неизвестный и посторонний тебе человек, который пожалеет о твоём уходе и оплачет тебя, вот тогда, наверное, ты не зря приходил... Понимаешь, о чем я? Не о близких и родных говорю, у них профессия такая - тебя оплакивать, сколько полагается. О чужом тебе человеку толкую.

- Понимаю, - пьяно кивнул Иван. Две кружки пива - это было первое, что попало сегодня в его желудок, давно просивший есть. И с двух кружек пива его сейчас хорошо повело.

- Вот Андрюша Миронов, - помнишь его? - может быть совершенно спокоен там: он приходил не зря, царствие ему небесное. Потому что по крайней мере один человек, - это я - точно его оплакал. Напился я тогда вдрызг и ревел белугой, когда он помер... Будто лучшего друга потерял, вот такое было чувство...

- Понимаю, - снова кивнул Иван, раскуривая николаеву "Яву".

- А вот обо мне никто плакать не будет, старик... - продолжал тот. - Никто... То есть, получается, что жизнь моя была совершенно напрасной... А?

- Ну мы ж с тобой не артисты, чай, не ученые и не политические деятели, - вступил в его монолог Иван. - Кому мы нужны на этом свете, кроме родных да друзей. А если таковых не имеется, то считай, что и все - жил не жил ты, никто и не вспомнит.

- И это страшно, - кивнул Николай и снова замаячил рукой в сторону буфета.

- Не-не-не, - запротестовал Иван, заметив его жест, - я больше пить не буду... Меня с голодухи что-то повело совсем.

- Извини, - спохватился его компаньон, - не додумал. Сейчас организуем пожрать.

- Не-не-не, - замотал головой Иван. - Не, мне идти надо... Понимаешь... Понимаешь, есть человечек один, который... Который, может быть, и вспомнит и поплачет, если со мной что случится... Мне цветов нужно добыть...

- У-у-у, - понимающе произнес Николай. - Невеста?

- Нет, Коль. Девочка. Соня. Сирота. Она цветы любит. Хризантемы.

- Старик... - Николай полез под плащ, достал из нагрудного кармана кошелек. - Старик, от меня тоже... цветы. И это... Ну там шоколадку или что... Ну тыобразишь...

- Не-не-не, - запротестовал Иван, но тот взял его руку в свою - как тисками сжал - и вложил в иванову ладонь теплую шелестящую радужную бумажку. Добавил:

- А ты мне сыграй, а?.. "То не вечер"... Можешь?

- Могу, - кивнул Иван.

Еще пошатываясь, он вышел на Островского, повернул к видневшемуся в конце улицы трамвайному кольцу. Там, за ним, аллея, ведущая к церкви.

В пакете тяжело колыхались большая коробка конфет, батон колбасы, две коробки сока, еще какие-то вкусности и самое главное - семь пышных белоснежных хризантем, заботливо упакованных продавщицей из цветочного павильона в красивый букет. Только бы Сонечка была на месте, только бы участковый никуда ее не определил...

Дойдя до кольца, Иван свернул налево, пересек Маршала Конева и ступил в аллею, возликовав, когда различил там, в ее глубине, приютившийся на асфальте маленький силуэт.

Краем глаза заметил медленно выехавшую справа, с Садовой, милицейскую "таблетку". Машина двигалась неспеша, с патрульной скоростью.

Мелькнула мысль, что если его уже ищут, то аккордеон за спиной - это самая надежная примета, по которой его можно вычислить сразу и с большого расстояния. А в том, что его уже ищут, сомневаться не приходилось. Прошло уже

больше двух часов с того момента, как он положил в опорнике ментов. Хотя... Хотя, эта шпана, может быть, застыдится рассказывать, что их положил заурядный бомж, придумает в отмазку что-нибудь про кучу дебоширов или пару преступников-ниндзя.

Иван осторожно, не резко, прибавил шагу, торопясь скрыться в аллее. Машина, как ему показалась, тоже прибавила газу. Может быть, менты заметили его, а может быть, даст Бог, водитель просто поддал, выехав на широкую и свободную дорогу.

Он успел пройти метров тридцать. Машины за деревьями уже не было видно. Но когда Иван оглянулся, он увидел, что «таблетка» остановилась у поворота. Постояв несколько секунд, она чуть сдала назад и стала выворачивать сюда, в аллею, следом за ним... Или не следом за ним... Подъехать непосредственно к церкви можно было и по Конева, но менты нередко проезжали по этой аллее, особенно если видели на ней нищенствующих, коих им иногда повелевали разгонять, особенно накануне праздников или приезда губернатора. Конечно, слабая надежда была на то, что и этот экипаж решил просто так нырнуть в аллею, проверить ее на людность. Но скорее, все-таки, за Иваном они сюда свернули... Но не бежать же в самом деле... Если побежишь - пиши пропало: обязательно станут тебя догонять, если даже изначально и не ты их интересовал.

До Сони (а теперь ему точно было видно, что это *она* сидит) оставалось совсем чуть-чуть. И это успокаивало. За ним ли едут менты, нет ли, но обрадовать девочку он успеет.

Иван чуть принял вправо, чтобы Соня не заметила его раньше времени, чтобы подойти к ней сзади.

Подходя, осторожно достал из пакета цветы.

Она уже готова была обернуться на его шаги, которые услышала за собой, когда он, протягивая вперед, к ней, руку с хризантемами позвал:

- Сонечка!

Она оглянулась. Увидела. Узнала. Улыбнулась. Потом испугалась, разглядывая иванову опухшую щеку... И вдруг... Просияла, разглядев цветы. И вскочила, и повернулась к нему всем телом, счастливо и сдержанно смеясь и плача.

А в глазах ее, широко распахнутых, отразились белые хризантемы и небо - почему-то голубое-голубое и чистое как в первый день творения.

Птичка Сирин

Однажды толстая тетя Зина выпала из окна, с восьмого этажа. Неизвестно, как это случилось, но дядя Степан тут точно ни при чем.

Толстая тетя Зина безвольно долетела до третьего этажа, пообрывав кучу бельевых веревок и потеряв тапочек. Но потом в ней проснулись воля и разум, и она решила, что падать дальше просто не имеет смысла, ибо закончится падение разбитием головы об асфальт.

- Хочу стать воздушным шариком! - громко подумала толстая тетя Зина. - Или... Или нет... Птичкой!

И она тут же стала воздушным шариком, на долю секунды, а потом — птичкой Сирин.

Она еле успела совладать с рулем высоты, уже перед самой землей, и резко взмыла вверх, при этом нагадив на шляпу проходящему в это время по тротуару пенсионеру Шлакову. У толстой тети Зины-Сирина было как минимум три причины для этого. Во-первых, все птицы гадят. Во-вторых, толстая тетя Зина всегда боялась высоты. В-третьих, пенсионер Шлаков еще три месяца назад занял у нее двести рублей до пенсии, но так пока и не вернул.

Долетев до восьмого этажа, тетя Сирина нашла свое окно, уселась на перила балкона и запела.

Раньше, когда толстая тетя Зина пела, дядя Степан сходил с ума и говорил, что последний раз он испытывал подобные чувства под немецкой бомбежкой, слыша вой юнкерсов. На самом деле неизвестно, бывал ли когда-нибудь дядя Степан под бомбежкой и знаком ли ему вой юнкерсов.

Теперь же, когда тетя Сирина запела, дядя Степан моментально превратился в зомби. Он, сам не свой, вышел на балкон, сел на порожек и заплакал.

- Ну что, сволочь, - сказала ему тетя Сирина, - дождался? Радуетесь?

- Скажи, куда фунфырик заныкала, Зинушка? - спросил дядя Степан, приходя в себя, едва прервалось тетино пенье.

- Шиш тебе, заяц рогатый, - ответила тетя Сирина.

- Скажи, рыбонька! - взмолился дядя. - Ведь ты ж все равно не сегодня-завтра на юг улетишь, - осень на дворе.

- Вот тебе! - воскликнула тетя и попробовала показать дяде Степану хороший кукиш. Но хорошего кукиша у нее не получилось, потому что рук-то у нее теперь не было — крылья были.

А соседский мальчишка, Ванька, высунулся из окна и пульнул в тетю Сирина из рогатки. Он вообще был хулиган, этот Ванька, и всегда стрелял из рогатки в голубей. И хотя тетя Сирина голубем не являлась, но Ванька тоже не являлся орнитологом; ему что голубь, что тетя Сирина — все было едино.

- Ах ты гадский гад! - крикнула хулигану тетя Сирина, падая с перил балкона.

Она суматошно замахала крыльями, пытаясь выровнять кривую полета и устранить тангаж, но за отсутствием навыка у нее это слабо получалось. В итоге она завязла крыльями в бельевых веревках шестого этажа, застыв в глупой распластанной позе японского летчика-неудачника, запутавшегося в стропах парашюта.

Для пенсионера Шлакова это был просто подарок. Он немедленно выбежал на балкон с берданкой и стал целиться в тетю Сирина.

- Гадят и гадают, - шептали при этом его посиневшие от возбуждения губы. - Гадят и гадают...

Он совсем уж было собрался нажать на спуск, но в последний момент подумал, что тетя Сирин может быть редким и исчезающим видом, занесенным в Красную книгу, а потому стрелять не стал, а вместо этого вызвал работников зоопарка.

Работники зоопарка приехали очень быстро. Они освободили тетю из пут бельевых веревок и посадили ее в клетку. Пенсионера Шлакова они поблагодарили за бдительность и обещали наградить его премией в размере двух минимальных размеров оплаты труда. Потом они накрыли клетку с тетей Сириной черной светонепроницаемой тряпочкой и уехали.

С тех пор тетя Сирин живет в зоопарке. Она целыми днями сидит в клетке, на жердочке, гадит и поет пролетарские песни.

По воскресеньям к ней приходит дядя Степан. Он мучает ее одним и тем же вопросом по поводу затаенного фунфырика, а еще просит денег в долг. Но тетя Сирин про фунфырик молчит как партизан и денег в долг не дает.

Еще к ее клетке учительница биологии Тамара Петровна приводит на экскурсию школьников. Когда тетя Сирин видит в гомонящей толпе пятиклассников Ваньку, она начинает взволнованно бить крыльями и метаться по клетке, чем неизменно приводит в восторг весь детский коллектив.

Пенсионеру Шлакову премию так и не выдали. В отместку он попытался однажды проникнуть на территорию зоопарка под покровом ночи, с берданкой, чтобы отомстить всем сразу, но был пойман сторожем Николаевым и сдан в милицию. Там он и умер от инфаркта миокарда, потому что губы никогда не синели просто так — от волнения, это всегда верный признак болезни сердца.

МИНИАТЮРЫ

ХОЛСТ

Однажды он все же дошел до горизонта и увидел, как небо соединяется с землей.

Он подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть купол...

Вблизи небо оказалось всего лишь холстом - старым, ветхим, с толстым слоем пыли и запахом старой дерюги, долго пролежавшей в кладовой. Голубая краска поблекла, покрылась трещинами и местами совсем облупилась...

Внутренне содрогаясь, он уперся в холст ногтем и нажал вниз... Посыпались хлопья иссохшей краски и застарелая пыль. С тихим треском разрываемой ветоши ткань легко подалась, стала рваться, открывая черноту за собой... Он, поражаясь собственному неблагоприятию, просунул в образовавшийся разрыв голову...

Где-то внизу, в душном мраке, тускло светила обсиженная мухами лампочка. На черном драпе тут и там поблескивали голубые и красные стекляшки. Изредка, как кометы, проносились, посверкивая крылышками мухи..

- Эй! - шепотом позвал он. - Есть тут кто-нибудь?

Через минуту тишины послышались шаги. Потом чья-то большая теплая ладонь легла ему на лоб и мягко, но сильно, с ощутимым укором, нажала...

Его голова снова оказалась по эту сторону холста, а тот, невидимый, стал быстро зашивать разрыв ровными умелыми стежками.

Февраль ре-мажор

Холодный февральский ветер толкает меня в спину. Я бреду по мокрому снегу и хочу умереть. Мой желудок рычит. Ему плевать на мои желания - он хочет есть.

- Дядечка! - слышу я вдруг.

Стройная худенькая особа семнадцати, не более, лет с мольбой берет меня за плечо. Проститутка в короткой шубке, мини-юбочке и тонких колготках.

- Дядечка, у вас не будет рубля? Мне не хватает доехать до вокзала, - жалобно произносит она.

- Милая девушка, до вокзала - одна остановка, - отвечаю я.

- Да, но я устала, замерзла и уже не могу идти, - почти плачет она.

- У меня нет рубля. Но я мог бы довезти вас, если хотите, - говорю я.

Она с радостью соглашается, и я присаживаюсь, подставляя плечи...

Мы идем. Старый бомж и юная проститутка у него на плечах. Она весело напевает и размахивает шарфиком. Я улыбаюсь ее шалости и пыхаю вчерашним окурком.

Мы идем, бежим, мчимся!..

А там, за поворотом, за серым унылым домом, нас ждет улыбающаяся, добрая и теплая Весна...

Просветленный

Он хотел великой мудрости. Он жаждал просветления. Он сел в позу лотоса и начал медитировать, добиваясь слияния с космосом по учению великого Махатмы...

Прошло немало времени, прежде чем вихрь безвременья подхватил его и бросил в бездну всепонимания, в космос великих прозрений, разгаданных тайн и предстоящих ошибок.

Его сознание купалось в лазурном свете познания себя, познания сущности человека и мира, в котором человек живет. Великое просветление сошло на него и не осталось в мире ничего, что было бы для него непонятным. Он понял, что достиг величайшей мудрости...

Люди как обычно приходили к нему за советом, но, видя, что глаза мудреца закрыты и лик его освещен внутренним просветлением, тихо уходили до следующего раза.

Он сидел в позе лотоса. Просветление было ярким и бесконечным. Казалось, он понял и узнал уже все, но разум его хотел все новых и новых откровений. Люди, с их заботами, вопросами, недоумениями теперь, с высоты познания мира, на которую он вознесся, казались ему такими беспомощными, такими неразумными существами, а их проблемы вызывали в нем лишь безудержный внутренний смех. Но в лице его, на котором застыла маска самоуглубленного мудреца, ничего не отражалось...

Его ученики беспокоились затянувшимся отсутствием учителя, но не осмеливались помешать ему. Они сами теперь выспрашивали проходящих о их нуждах и в меру своего разума давали советы или обещали передать просьбы учителю, когда он выйдет из просветления.

А ему не хотелось выходить из своего состояния. Его дух свободно парил в космосе, посещал все его самые дальние и темные закутки в поисках новых ответов и разгадок сущности бытия...

- А он правда просветленный? - громко спросил семилетний мальчик у своей бабушки.

- Шшшш! - зашипела она на него. - Тише! Не мешай Просветленному!

Она потянула внука за руку, но, прежде чем она сделала это, мальчик успел коснуться плеча мудреца...

Послышался странный тихий хруст... Потом потрескивание и шорох... Тело просветленного вдруг накренилось, задержалось на миг, а потом медленно осыпалось прахом, оставляя от себя лишь легкое облачко пыли...

Паяц

Он забавно картавит, он весело получает пинки, он нелепо дрыгает ногами... Дети смеются до колик. Молодая парочка во втором ряду делится впечатлениями.

Пожилой доктор на галерке сонно и почти беззубо мусолит жвачку.

Нетрезвый таксист хлопает невпопад...

Он носится по манежу, он падает под хлопки барабана, он плачет резвыми струями, достающими до первого ряда...

Безногая девочка в этом ряду - в восторге; ее строгая мать недовольна тем, что брызги попали и на нее.

Сутулый бармен в восьмом ряду кладет руку на колено подружки, которая сосет чупа-чупс и громко хлопает клоуну...

Он падает на манеж, смешно вздрыгнув ногами, он бьется головой о покрытие, испуская новые потоки слез...

Мальчик забывает про мороженое, привстает, чтобы лучше видеть. Грузная дама разочарованно качает головой, обмахиваясь веером - ей жарко, скучно и жаль пятидесяти крон.

Девушка в одиннадцатом ряду строчит СМС...

Он яростно бьется о манеж. Потоки слез выстреливают вверх салютом человеческой глупости или его собственной бездарности. На губах его - пена...

В четвертом ряду неистово заходится смехом библиотекарша в огромных очках, делающих ее похожей на стрекозу.

Гаишник в шестом ряду хочет курить, он алкает антракта. Серьезная барышня рядом с ним никак не может справиться с опасениями - не беременна ли она...

Он бьется в собственное бессилие быть хоть немного несмешным...

И от этого они смеются еще больше...

И только пожилой доктор на галерке, малозубо мусолящий жвачку, понимает, что у клоуна эпилептический припадок...

Но ему не нравится представление, и он уходит.

ОКНО

Художник рисует дом. Маленький домик у подножия горы, утопающий в зелени сада. Он не может нарисовать окно. Окно должно быть живым - чистым, прозрачным, радостно отражающим свет заходящего солнца... Очень важно для него нарисовать это живое окно с отраженным в нем заходящим солнцем. Но у него ничего не получается. Он рисует, соскабливает, снова рисует и снова соскабливает...

Нет, в нем, в этом окне, не является жизнь...

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем... Холст за холстом... Иногда ему кажется, что озарение снизошло на него и вот теперь-то он точно знает, как нужно рисовать это окно, этот дом, но его рука, его кисть делает совсем не то, что представляется ему. Как бы ни смешивал он краски, как бы не клал он мазок, каждый раз с тоской он понимает, что не может передать отражение света, отражение жизни в этом окне...

Он нервничает, он в волнении бегает по комнате, бормочет что-то воспаленно-бессвязное, смеется и плачет, понимая, что сойдет с ума или умрет, если не сумеет написать то, что задумал...

День за днем. Неделя за неделей. Месяц за месяцем. Холст за холстом...

Иногда он бросает это занятие. Иногда он жалеет, что стал художником. Иногда он хочет наконец умереть. Но потом снова возвращается к своему рисунку, потому что понимает: вся его жизнь заключена в этом окне и удалась она или не удалась, будет зависеть только от того, сумеет ли он передать игру света от заходящего солнца на прозрачном стекле...

И однажды, вечером, глядя на заходящее солнце, он наконец понимает свою ошибку. Лихорадочно, с новым огнем в глазах, он берет другой холст и начинает рисовать. Быстрыми, торопливыми, нервными движениями он кладет мазки. Дома нет. Есть только окно. Во весь холст. Окно с отраженным в нем заходящим солнцем...

И когда он кладет последний мазок, он понимает - да, вот так нужно было писать это, именно так!

Он сидит в кресле-качалке, умиротворенно созерцая плод своих трудов, размеренно покачиваясь, блаженно улыбаясь.

Вот оно - его окно, его мечта, сбывшаяся, воплощенная и все еще живая, несмотря на то, что с нею прожита целая жизнь...

И когда солнце наконец садится и наступает тьма, он медленно, со счастливой детской улыбкой на губах, засыпает навсегда.

Нищенская рапсодия

"А шарик вернулся. А он - голубой"
(Б. Окуджава)

Нищий старик сидит на холодном асфальте. По переходу быстрыми тенями скользят прохожие. Они спустились под землю на несколько минут и теперь торопятся вновь обрести солнечный свет. Они проходят мимо нищего, не замечая его. А старик шамкает что-то беззубым ртом и крестится и кланяется. В старом ботинке, который он снял и поставил перед собой, белеют несколько монет.

Я не спешу. Я устал от солнца. Да и оно устало от меня...

Я сажусь рядом со стариком, молча улыбнувшись ему, ощущая исходящий от него запах плесени, кислого, древнего немытого тела и водочного перегара. Он не обращает на меня внимания и продолжает креститься в след каждому проходящему мимо. Ему нет до меня дела. Странно... Быть может, он подумал, что я стану его конкурентом...

Мы сидим... Старик шамкает и крестится, шамкает и крестится. Мне не слышно, что он там шепчет и я наклоняюсь ближе к его рту, в уголках которого белой пеной собралась слюна.

"Храни тебя Господь... Храни тебя Господь..." - доносится до меня его шепот.

"Неужели" - думаю я, - "неужели он еще способен любить эти, проходящие мимо тени?! Или же он притворяется перед самим собой?"

"Да он просто сумасшедший!" - доходит до меня.

А у моих ног, глухо звякнув, падает первая поданная мне монета...

Храни тебя Господь, человече! Храни тебя Господь...

Муза

- Эй, писака! - крикнула она из спальни. - Хватит уже скрипеть пером! Ложись, а то завтра опять встанешь никакущий.

"Какого черта! Какого черта ей надо! И это проклятое "писака"!.."

- Слышь?! - не унималась она. - Хватит уже! На жену бы внимание обратил... Иди спать, я сказала!

"Да чтоб тебе!.. Ну что тебе от меня еще надо, а?.."

А ведь ему сейчас так хорошо, так легко писалось!

Нет, это невозможно терпеть! Эти ее замашки, этот тон, это вечное "писака"...

Гадина, гадина! Занудная склочная бабенка в образе гипопотама...

Он резко поднялся, нервно отбросил ручку и прошел в кухню. Жадно, проливая, выпил стакан воды.

Задержался на минуту у шкафа с посудой...

- Явился? - произнесла она, когда он вошел в спальню. - Выключай свет, ложись.

"Это вечное унижение, эти команды, это жирное тело... Бог ты мой, каким идиотом он был!"

Дыхание перехватило, сердце упало куда-то в живот и там забилось часто и слабо.

Он выключил свет, шагнул к кровати, всматриваясь, пытаясь различить в темноте ее грузное тело...

Неумело, нервно, порывисто взмахнул рукой и ударил первый раз. Острый японский нож легко прошел сквозь простыню и плавно погрузился в ее мягкую плоть...

Потом он бил раз за разом, беспорядочно и слепо, пока его не стошнило от теплого запаха крови, ее хрипов и его внезапной ненависти...

Когда вышел его новый роман, писательский мир был удивлен.

"Что это? - шептали критики. - Что за банальность?.. Он исписался?.. Чушь какая... Детский лепет... Где настоящий Н**?"

Следующий роман встретили гробовым молчанием...

А еще через год о нем и вовсе забыли...

Его часто можно видеть во дворе. Он сидит на скамейке и подолгу, ни о чем, беседует с бабушками. Иногда играет с вечно пьяными мужиками в домино. А чаще просто сидит и курит...

А что делать... Муза не всегда спускается с облаков в образе милой юной девушки с арфой в руках. Таких на всех не хватает...

Да и время не щадит - даже муз...

КОМНАТА

Это была совершенно темная комната. Входя в нее, он знал, что сейчас непременно должно что-нибудь случиться. Но он не мог не войти...

Он осторожно прикрыл за собой дверь и стал шарить руками по холодной шершавой стене в поисках выключателя.

"Не трудитесь" - раздался из темноты чей-то тихий глубокий голос. - "Здесь не бывает света".

Он вздрогнул и отпрянул назад, туда, где была дверь. Но двери там не было. Везде, куда он не тыкался, как слепой котенок, везде была только все та же холодная ровная стена.

"Это дурной сон!" - подумал он, задыхаясь. - "Я сплю. Просто нужно проснуться!"

"Не очень здравая мысль для такого здравомыслящего человека" - произнес голос. - "Вы знаете, что не спите."

"Кто вы?" - его внезапно осипший голос прошуршал во тьме как сухой осенний лист, оторвавшийся от ветви. Он знал, что не получит ответа.

"Расскажите мне о себе" - предложил голос так, словно предыдущего вопроса, обращенного к нему, не было вовсе.

"Ч.. что?.. Рассказать?.." - произнес он, совершенно теряясь.

"Ну скажите, хотя бы, кто вы" - пояснил невидимый совершенно спокойно, но так, как говорят с глупым и упрямым ребенком.

"Я? Я..." - он совершенно не знал, что ответить. Все варианты ответа, налетевшие в голову как стая бестолковых ворон, казались ничемными, совершенно невозможными. "Человек"?.. Хм... "Директор филиала"?.. Ха-ха! Да какое это сейчас имеет значение! Имя?.. Да кому и зачем нужно его имя! И уж точно не ему, тому, сидящему во мраке...

"Не знаю" - произнес он наконец совершенно искренне.

Он не видел, но почувствовал, как его собеседник бегло и грустно улыбнулся. Да, наверняка, улыбка была мимолетной и грустной.

"Зачем же вы пришли ко мне?" - спросил голос с мягким укором.

"На знаю" - повторил он. - "Так получилось... Я не нарочно".

"Вы должны знать, кто вы." - Сказал голос наставительно. - "Вы должны это узнать, если не знаете."

"Да" - произнес он покорно, согласно кивая во тьму.- "Да!"

Свет вспыхнул резко и неожиданно. Глаза, отвыкшие от этой яркой желтизны, невольно закрылись; поплыли радужные круги. Когда круги растаяли, он открыл глаза - медленно, осторожно, почтительно, желая и боясь увидеть того, сидящего где-то напротив, явившегося из тьмы...

И он увидел...

Усталое и растерянное лицо смотрело на него из зеркала.

Гавриил

Однажды, когда его мать еще была беременна, на улице какая-то полоумная цыганка вдруг упала перед ней на колени и принялась истово креститься. Испуганная мать, инстинктивно прикрывая руками живот, поспешила обойти сумасшедшую и чуть ли не бегом направилась дальше.

- Ангел! - прокричала ей вслед старуха. - Ангел во чреве твоём! Господь призовет его! Жди! Терпи! Ждиии!

Ее крики перешли в несвязное бормотанье...

Мать была перепугана не на шутку. На всякий случай, когда мальчик родился, она назвала его Гавриилом, - других ангельских имен она просто не знала.

Но цыганка обманула...

Он родился самым обычным мальчиком. Более того, он родился несчастным, ибо имел врожденные уродства: одна его нога была короче другой, а на спине ужасным наростом выпячивался горб.

Жизнь его уже с рождения стала вечным испытанием. Отец ушел из семьи, мать едва могла прокормить сына, дети дразнили его хромым, горбуном и заикой (он сильно заикался), унижали как могли и частенько били. Рос мальчик тихим, задумчивым и каким-то внутренне беспокойным. Но Бог справедлив: когда-нибудь несчастному должно было повезти. И ему повезло.

В их городок приехал известный хирург, светило медицины, и целых два дня совершенно бесплатно принимал всех страждущих. Мать не упустила случая...

- Хм, - произнес светило после почти часового осмотра. - Вам, мамаша, давно следовало привезти ребенка в мою клинику. Время упущено, к сожалению. Опухоль со спины мы конечно уберем, а вот ноги... Случай запущенный...

Поскольку операцию светило обещал сделать совершенно бесплатно, уже через неделю мать с сыном вошли в дверь клиники. "Завтра, - сказал доктор, еще раз осмотрев мальчика. - Операция - завтра."

В тот день она не пошла в гостиницу, она ночевала у кровати сына.

Утром его увезли в операционную. А она не находила себе места - ведь она так любила свое несчастное дитя, которое за десять лет выстрадало столько, сколько не всякому человеку отводится на целую жизнь...

Операция длилась почти четыре часа. Видимо, все было не так просто, как говорил профессор. Трижды она готова была умереть, когда из операционной вдруг выбегала взволнованная медсестра, скрывалась в коридорах, а возвращалась в сопровождении одного или двух человек в белых халатах...

Наконец, через четыре часа вывезли на каталке спящего мальчика, чье тело, как тело мумии, было сплошь обмотано бесконечными бинтами. Следом вышел усталый, бледный, задумчивый профессор.

- Все хорошо, - сказал он метнувшейся к нему матери. - Да, да, с мальчиком все хорошо. Мы удалили эту... этот... этот нарост... Странный случай...

- Скажите мне правду, доктор! - воскликнула она. - Плохо, да? Он будет жить?

- Жить?.. - переспросил светило. - Ах да... Несомненно!.. Впрочем... Впрочем, пойдете...

Она проследовала за ним в операционную. Он подвел ее и столику, вокруг которого тихо перешептывались пять или семь человек в белом.

- Странный случай, - повторил профессор. - Взгляните сами...

Люди в белом расступились, пропуская ее к столу.

Там, в большом блестящем никелированном лотке лежали два маленьких, белоснежных и окровавленных крыла.

Если Вам понравилась эта книга, Вы можете выразить свою благодарность автору в материальной форме, перечислив любую сумму, соразмерно полученному удовольствию, на электронный кошелек

WMR 393-015-032-979

WMZ 307-674-556-289

Спасибо!

*** **

NORD VIND

Издано по инициативе и на средства библиотеки сайта «Nord Vind»
<http://nordvind.ucoz.net>

Авторство: Притуляк А.А., 2009-2011

Компоновка: Притуляк А.А. © 2011

Оформление: Притуляк А.А. © 2011

Верстка: Nord Vind © 2011

Сверстано при помощи свободного программного обеспечения OpenOffice, ScribusNG, GIMP.

Авторская орфография и пунктуация сохранены

Формат: PDF

120 стр.

UBBN 160005CE0P001E9-0B80A